

M 11596

N 21188

5

1770
1771
1772

1773

1774

1775

1776

1777

1778

1779

1780

1781

1782

1783

ТАВРИМОНЪ.

У. Н. Придел. 4.

Грав. Ухтомской.

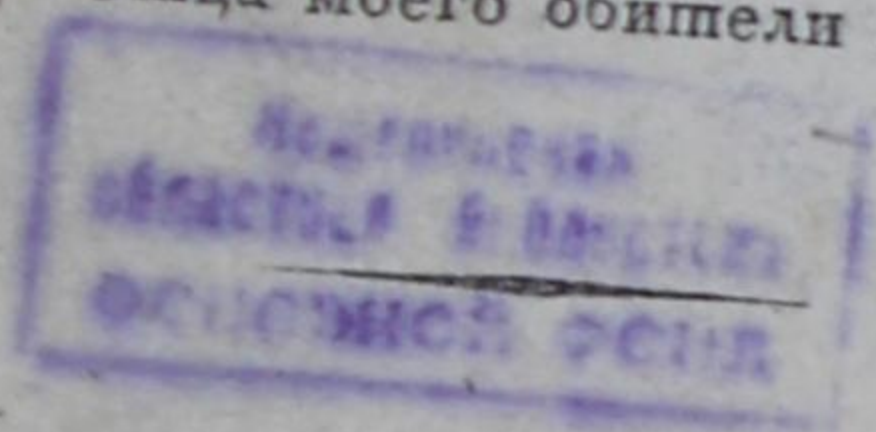
14 11596 *руч* *УТИЛИТИ*
ПРИКЛЮЧЕНІЯ

по

86.2
1050
СМЕРТИ.

ЧАСТЬ II.

о дому Опца моего обитали многи суть.

Изданіемъ Переводчика.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Цензурнаго Комитета.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
В Типографіи Ф. Дрехслера.
1805.

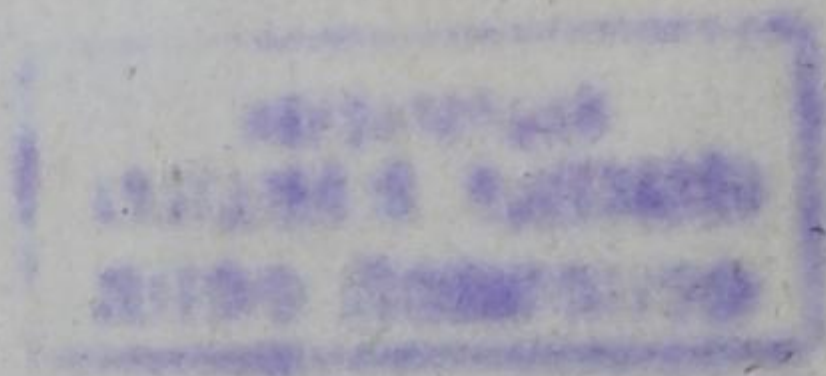

232723

И судѣ пріяша мершвецы ошѣ напи-
санныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ.

Алок. XX. 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ученіе о награжденіи и наказаніи по смерти и вѣра къ обоимъ столь необходимы для слабыхъ чловѣковъ, что безъ того никакое гражданское общество стоять не можетъ. Прелестная мысль, чтобъ добродѣтельнымъ быть не изъ страха наказаній и не по надеждѣ наградъ, а по самой прелести добродѣтели и гнусности порока, столь же рѣдко дѣйствуетъ на волю чловѣческую, какъ и побужденіе одного долга безъ включенія собственнаго блаженства. Разумъ не противорѣчитъ обоимъ симъ понятіямъ, но въ опытѣ для обыкновенныхъ чловѣковъ они не годятся. Да и невозможно составить себѣ понятіе о правосудіи Божескомъ, еспли часто страдающая въ сей жизни добродѣтель не

отличена будетъ отъ упѣсняющаго порока, и не получитъ каждый свою мзду въ будущей: а припомъ и Источникъ истины, божественное Откровеніе, такъ ясно во многихъ мѣстахъ сіе утверждаетъ, что добрый Христіанинъ не можетъ усомниться въ принятіи сего ученія за истинное.

На сей истинѣ основано сіе сочиненіе Автора. Представленныя въ ономъ приключенія не противорѣчатъ ни разуму, ни Священному Писанію; оди карпины суть собственное его твореніе, его гаданія, о которыхъ однакожъ онъ говоритъ, что онъ для него вѣрны. Живымъ представленіемъ ожидающей насъ по смерти судьбины надѣялся онъ иныхъ ослабѣвающихъ на трудномъ пути къ совершенству ободрить; другихъ, бѣгущихъ по пути разврата и пагубы, устрашить, ошановить.

Авшоръ мыслишъ, что душа, по изходѣ изъ тѣла, до дня воскресенія, носилъся надъ своимъ тѣломъ какъ бы привлекаясь къ нему магнитомъ; есшъли же бы тѣло раздѣлено было на части, и оныя разсѣяны были въ разныхъ мѣстахъ, на примѣръ: есшълибъ тѣло было сожжено и пепелъ его развѣянъ по воздуху: тогда душа остаешся при зародышѣ, или сѣмени будущаго тѣла, котораго никакою естественною силою разрушить не лзя, и которое въ каждомъ человѣческомъ тѣлѣ — гдѣ бы то ни предполагали, въ мозгу ли, или въ сердцѣ, върояшнѣе же въ семъ послѣднемъ — находилъся. Она остается при ономъ до тѣхъ поръ, пока при воскресеніи не соединилъся съ новымъ, изъ сего сѣмени произыбшимъ тѣломъ, къ вѣчной жизни, или къ вѣчной смерти.

Нѣкоторыя изключенія даетъ Авшоръ

тѣмъ душамъ, которыя опходятъ отъ
тѣла съ какою нибудь прошивоположною
чувственному склонностію, копорая силь-
нѣе склонности, естественной влекущей
ихъ къ своему тѣлу. Сіи души являющіяся
иногда по смерти, каковыя явленія хотя
правда рѣдко бывають истинныя: но и по
правда, что они дѣйствительно бывають.
Примѣръ сему недавно случился съ Докто-
ромъ Іоганомъ Карломъ Вецелемъ въ Веймарѣ,
который при всемъ своемъ невѣріи всему
подобному, былъ столько пораженъ симъ
случаемъ, что рѣшился обнародовать оный,
презирая всѣ насмѣшки, каковымъ чрезъ по-
могъ подвергнуться отъ свѣтскихъ му-
дрецовъ, и предложилъ сіе обстоятель-
ство на рѣшеніе всѣмъ Психологамъ,
всѣмъ Ученымъ и всѣмъ Государямъ, про-
ся ихъ собрать подобныя опыты и тѣмъ
объяснить темную науку о душѣ. Книга

его о семъ, подъ названіемъ Истинное
явленіе жены моей по смерти *, по-
священа Владѣтельному Герцогу Саксенъ-
Веймарскому, Покровителю всего истин-
наго, добраго и изящнаго.

О сихъ явленіяхъ Авторъ нашъ гово-
ритъ, что онъ въ подлинности ихъ такъ
увѣренъ, какъ въ своемъ бытіи: равно и
о томъ, что опшедшія души находятся
при тѣлахъ своихъ, говоритъ онъ, что
имѣетъ даже чувствѣнные доказательства
тому. Въ Св. Писаніи упоминается о нѣ-
коемъ мѣстѣ, гдѣ души, по разлученіи съ
тѣломъ, должны ожидать суда своего.
Авторъ въ семъ своемъ сочиненіи пред-
сказавъ при великія Царства для благо-

---

* Meiner Gattin wirkliche Erscheinung nach ihrem Tode, eine wahre unlängst erfolgte Geschichte für jedermann zur Beherzigung und vorzüglich für Psychologen zur unparteiischen und sorgfältigen Prüfung dargestellt von D. J. K. W. Chemnitz 1804.

честивыхъ душъ, и при адскія Царства для небрегшихъ во времени о благодати злочестивыхъ душъ, куда тѣ и другія опводятся по степени ихъ очищенія, или развращенія. Сихъ понятій ни самъ Авторъ, не только Переводчикъ, не полагаютъ за непреложныя; они не принадлежатъ собственно къ существу вѣры, но и не вредятъ ученію оной. Авторъ говоритъ, что онъ готовъ пошчасъ оспаривать ихъ, какъ скоро докажутъ ему лучшія: ученіе о примиреніи нашемъ чрезъ Спасителя одно есть истинно, и оно служитъ основаніемъ сей книгѣ.

Переходъ душъ въ разныя царства, по понятію Автора, происходитъ слѣдующимъ образомъ. — Какъ и царство Божіе и Адъ есть внутри насъ: по коль скоро человекъ умретъ, въ душѣ его открывается особая способность ощущенія, по

кошторой онъ видѣтъ, слышитъ и чувству-
 етъ всѣ предметы Царства духовнаго, къ
 коимъ имѣлъ склонность въ жизни, поч-
 но такъ, какъ бы они присущи ему были.
 Сіе состояніе душъ до воскресенія срав-
 ниваетъ онъ съ состояніемъ человека спя-
 щаго, съ тѣмъ различіемъ, что ощущенія
 душъ не суть грезы, а подлинность. Та-
 кимъ образомъ души живутъ, дѣйствуютъ,
 радуются, или скорбятъ, въ небесныхъ се-
 леніяхъ, или въ вертепахъ адовыхъ, по
 качеству свойства и дѣяній ихъ въ жизни,
 не перемѣняя мѣста въ семъ тѣлесномъ
 мірѣ. Когда же наконецъ тѣльное обле-
 ченіе въ неплѣніе и смертное въ безсмер-
 тіе: тогда опять явится новая земля, рай
 къ вѣчной жизни, чего съ вѣрою и терпѣ-
 ніемъ ожидать будемъ.

Наконецъ Авторъ проситъ всѣхъ сво-
 ихъ Читателей, кому понятія его объ

а дѣ, о духовномъ мірѣ, о небѣ, о судѣ душъ по смерти, и проч. покажущся невѣрны, почишашъ книгу сію не за иное что, какъ за вымыслъ спихотворческій, копорый безвреденъ и копорый позволяется принимашъ не за иное что, какъ за чувственное представленіе судебъ человеческихъ, по сему положенію: что чело-вѣка непремѣнно ожидаетъ по смерти судъ по дѣламъ его въ сей жизни, добрыя ли они были, или злыя. Удостоивъ приняшъ сію книгу въ такомъ видѣ, можно будетъ ею пользоваться какъ моральною поэмою, изъ копорой много добраго и полезнаго почерпнуть можно. Если-ли же кто и во всемъ согласился съ понятіями Автора, соглашая оныя со Св. Писаніемъ: то можно бытъ увѣрену, что они не соврашатъ его съ пути истины. Впрочемъ не всякому одинакія книги надобны, и не всякому даже полезны.

У. М.

О Г Л А В Л Е Н І Е

вшорой часши.

П Р И К Л Ю Ч Е Н І Я.

1. Самоубійцы	спр.	1.
2. Побѣда вѣры	—	54.
3. Награда вѣрности	—	90.
4. Открытіе великаго таинства	—	103.
5. Тайна будущаго	—	155.
6. Іерархія	—	188.
7. Христіанскіе Фарисеи	—	219.
8. Прославленіе Лафатерова. —		240.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВОЕ.

САМОУБИЙЦЫ.

СІОНА и Я.

СІОНА. Ты кажешься, какъ бы оглушенъ шумомъ земнаго швоего ристалища, и душа швоя ищешъ, кажешься, опдохновенія. — Внутреннее ухо швое опверсно ко гласу моему — спремленіе швое ко свѣшу возносишся до престола Превѣчнаго. — Онъ повелѣваетъ мнѣ просвѣтитъ тебя: — и такъ опкрой мнѣ сокровеннѣйшія шайны швоего сердца.

Я. Безъ сравненія прекрасная дщеръ Вѣчности! Нынѣ такъ много *незваныхъ* переходитъ изъ сея жизни въ міръ Духовъ, что добродушному Христіанину, имѣющему и безъ того доволь-

Часть II.

но заботѣ и печалей, пошню слышать о самоубійствахъ. — Люди, честныхъ впрочемъ нравовъ и незазорнаго поведенія, жившіе счастливо въ нѣдрѣ своего сѣмейства, любившіе нѣжно женъ и дѣтей своихъ и равнобрно любимые ими, безъ всякой достаточной причины, мечтають въ уединеніи и лишаютъ себя жизни. — Герои нашего времени, подобные Исполинамъ бывшимъ до пошопы, самодовольные, не чувствующіе нужды ни въ какомъ путеводителѣ, кромѣ собственнаго разума, не пребующіе руководства Провидѣнія, и водимые однимъ собственнымъ мудрованіемъ, вступають въ путь жизни, встрѣчаясь на ономъ прешкновенія и горы трудностей; вожакий ихъ — разумъ — ославляетъ ихъ — и они съ гордостію независимыхъ владѣтелей своего Я, пресѣкають нить своей жизни, и низвергаются въ царство Духовъ. Десятилѣтній опрокъ, по наущенію сладо-

спраспныхъ женщинъ, или въ употре-
бѣ матерней уже зараженный, знако-
мися съ опасною шайною взаимнаго
совокупленія половъ, не вѣдая того,
что чрезъ сіе преступленіе дѣлается
онъ измѣнникомъ Величеству Божію,
похищая у Всемогущаго Творца драго-
цѣнное средство человѣческаго воз-
производенія! — И се! василискъ
выходишь изъ яйца, въ себѣ самомъ
имъ порожденнаго! Сіе чудовище по-
селяется въ его разгоряченной и ад-
скимъ пламенемъ освѣщаемой фанта-
зіи, и начинается въ ней безконечное
свое грызеніе. — Опрокъ сей, спавъ
юношею, или мужемъ, поздно уже
усматриваешь, какой адъ возжегъ онъ
въ душѣ своей еще по сю сторону
гроба! — Немошное, гніющее его плѣло,
до кожи и костей изможденное, слу-
житъ ему тогда шемницею и пылкою,
гдѣ похощливыя его желанія, подобно
фуріямъ адскимъ, грызуть его вну-
тренность. Въ совершенномъ изне-

моженіи, ищешъ онъ избавишъся отъ
своей темницы и избираешъ насиль-
ственную смерть. — Наглыя прислуж-
ницы сладострасія срывающъ съ не-
винной дѣвицы покровъ спыдливоспи,
научающъ ее вшайнѣ предаваться ги-
бельной мерзости; и участь ея бы-
ваетъ такова же, какъ и упомянуша-
го опрока. Тамъ благочестивая душа,
въ покаяніи и терпѣніи ревностно
сражавшаяся со грѣхомъ и спремив-
шаяся къ новому рожденію, чрезъ ве-
ликаго Примирипеля доспигаешъ бла-
годаши и опущенія грѣховъ: но не-
запно обольщенная Искусителемъ,
вдругъ впадаетъ въ опчаяніе, почи-
таешъ себя навсегда отверженною и
насильственно разрываетъ узелъ, свя-
зующій ее съ тѣломъ; и совлекшись
онаго, ищешъ упѣшенія въ мрачной
обищели мертвыхъ, котораго въ тем-
ницѣ своей обрѣсти не могла. Скажи,
божественная Сіона: что будешъ со

всѣми сими незваными пришельцами
въ Царство духовъ?

СІОНА. Разпрости крылѣ освя-
щенной чистой фантазіи, и слѣдуй
за мною въ безконечное! Приди и
виждь!

Я. Я вижу необъятную даль, поле
темную, какъ осеннюю ночь, когда
нараждающаяся луна, подъ чернымъ
шуманомъ, представляетъ бышіе всѣхъ
вещей сомнительнымъ. — Я вижу міръ
Духовъ — жилище мертвецовъ — юдоль
смерти. Боже! Какъ это ужасно!
Какая тишина! Здѣсь все безмолвно,
не слышно ничего ни съ верьху, ни
съ низу. — Здѣсь не спрашно, но не-
пріятно: — здѣсь подлинно состоя-
ніе смерти. — На правой сторонѣ къ
Восхоку сіяетъ день вѣчныя жизни
чрезъ безконечные ряды горъ, а на лѣ-
вой вѣчная ночь. —

СІОНА. Успреми взоръ твой въ лѣ-
во къ сѣверовосхоку. — Не видишь
ли ты тамъ чего?

Я. Миѣ кажется, я вижу нѣчто похожее на городъ.

СІОНА. Ты не обманываешься! Это мѣсто разнаго рода самоубійцъ, *Смирительный домъ* Вѣчности.

Я. Здѣсь никакое существо, никакое *нѣчто* и никакое *ничто* не имѣетъ посшояннаго жилища.

СІОНА. Справедливо. И пошому-то мѣсто сіе опредѣлено въ жилище самоубійцамъ: ибо они не принадлежатъ ни къ *жизни*, для того что они имѣютъ отъ нея отшращеніе, которое идетъ съ ними за гробъ; ни къ *смерти*, для того что Господь не благоволилъ, еще опредѣлишь имъ оной. —

Я. Но до всѣхъ ли самоубійцъ сіе касается? — Ибо есть и такіе, которые совершенно безвиннымъ образомъ, въ сумасшествіи, лишаютъ себя жизни. — Сіи люди споль же мало заслуживаютъ наказаніе за самоубій-

сшво, какъ и Лунашикъ, который бы упалъ съ вышины и убился.

СИОНА. Справедливо. Но ни одинъ смертный не можетъ рѣшить, въ какомъ состояніи находится душа человека въ минуту самоубійства; — а посему здѣсь наипаче наблюдать должно оный законъ любви: *не судите, да не осужденны будете.* — Однако я могу увѣрить тебя, что не всѣ самоубійцы такъ безвинны. Пойдемъ; Для наученія братьевъ твоихъ, тебѣ надлежитъ узнать подробности участъ сихъ бѣдныхъ духовъ.

Я. На крыліяхъ фантазіи, особливо въ юдоли смертной, весьма скоро переносятся изъ мѣста въ мѣсто. Я вошелъ чрезъ мрачную дверь въ пещищу, похожую на огромныя развалины. Мнѣ казалось, я шелъ по раззоренному непріятелемъ городу, въ кошомѣ представились мнѣ такіе виды, кои поразили меня ужасомъ. Я видѣлъ

живые движущіеся оспавы, бывшіе какъ бы въ плѣну у другихъ Духовъ, копорые водили ихъ взадъ и впередъ. Кто они? спросилъ я у Небесной моей Путеводительницы. —

СЮНА. Это самоубійцы. — Кромѣ сихъ формъ, никакихъ другихъ принятъ они не могутъ; *ибо они ненавидѣли свое тѣло*. Причина смерти ихъ состояла въ томъ, что самая *тончайшая матерія тѣла*, называемая *жизненными духами*, единственнѣе орудіе, посредствомъ котораго бессмертный духъ дѣйствуетъ на тѣло, и оно взаимно на него, *сдѣлалася неспособною духу*. Поэтому человѣческой духъ, безъ сей тонкой матеріи, и не можетъ дѣйствовать. — Онъ неразрывно соединенъ съ оною, и въ соединеніи съ нею называется *Душею*. По сему можешь ты предсказать, коль ужасно должно быть состояніе бѣднаго духа, когда онъ пробуждается

опѣ сна смерши, и находѣ, что
 чрезѣ смерть онѣ никакѣ не могѣ из-
 бѣжать неснаго ему предмета, и
 что онѣ долженѣ вѣчно пребывать съ
 нимѣ совокупно. Въ человекѣ, уми-
 рающемѣ естествоною смертію, лю-
 бовѣ къ тѣлу равняется любви къ
 жизни; почему духѣ беретѣ съ собою
 въ юдолю смерши нужное ему веще-
 ство, и такимѣ образомѣ является въ
 своемѣ видѣ: самоубійца же, по нена-
 висти къ оному, почти ничего не бе-
 ретѣ; и пошому является здѣсь въ
 видѣ ужаснаго скелеша, служиѣ
 омерзѣніемѣ для всѣхѣ духовѣ, по-
 смѣшищемѣ цѣлому аду, и предметомѣ
 чрезвычайнаго презрѣнія. —

Я. Могутѣ быти и такіа болѣз-
 ни, копорыа производяѣ въ духѣ
 опшращеніе опѣ *жизненныхѣ духовѣ*
 и доводяѣ его до самоубійства?

СІОНА. Такія болѣзни не только
 возможны, но и обыкновенны.

Я. Но прости мнѣ, небесная На-

спавница! Я нахожу спрогимъ то, что самоубійца, который собственно не есть причиною таковоу болѣзни, по смерти своей долженъ претерпѣвать толь жестокою участь. —

СЮНА. Не можетъ ли случиться, что жена мужу, или сынъ отцу, по неизвѣстной имъ причинѣ, сдѣлающа нестерпимыми? Еслили сей мужъ, или отецъ, убьетъ предметъ своей ненависти: назовешь ли ты то спрогимъ, когда сіи убійцы казнены будутъ смертію?

Я. Извини меня, я заблуждался; — все зависить отъ того: *можетъ ли самоубійца въ минуту рѣшимости своей къ смерти разлитъ подинно и ясно добро отъ зла.*

СЮНА. Ты судишь справедливо. Но къ сему должно еще прибавить: въ чемъ онъ виноватъ, въ слабости ли ума, произшедшей отъ вѣдомыхъ грѣховъ и преступленій, или въ ненави-

сти духа кѣ жизненнымъ духамъ?
 Чтобы ты лучше познашь могъ участь
 самоубійцѣ, слѣдуй за мною!

Подобно, какъ когда одинъ съ преш-
 пешомъ въ сердцѣ ходишь между пу-
 стыми развалинами по мрачнымъ пе-
 реходамъ и мечтаешь вспрѣвшишь
 страшилища, такъ было и со мною
 здѣсь. Пушеводительница моя ввела
 меня наконецъ въ высокую и обшир-
 ную храмину со сводомъ, сосшавлен-
 ную изъ паровъ, въ кошорой свѣтъ
 мелькалъ шокмо отъ спрашнаго нѣ-
 коего Судіи, сидѣвшаго на высокомъ
 прешполѣ; и свѣтъ сей походилъ
 на свѣшное облако, когда смопришь
 на оное сквозь черной фліорѣ.

Я. Кто сей спрашный Судія? во-
 просилъ я Сіону.

СІОНА. Одинъ изъ Ангеловъ смер-
 ти, кошорый впрочемъ вспомошесшву-
 етъ благочесшивымъ умирающимъ и
 разрѣшаетъ души ихъ отъ узъ смерш-
 наго тѣла. Сіи Ангелы смерти суть

Судіи самоубійцѣ; ибо какѣ имѣ поручено препровождаютъ чловѣковѣ чрезѣ юдоль смерши, и на исполненіи сей должности ихѣ основано ихѣ блаженство : шо каждый самоубійца опѣмлетѣ у нихѣ нѣкоторую часпѣ ихѣ заслуги, а слѣдовашельно и награды. За шо имѣ дано право судишѣ самоубійцѣ.

Я. Я не понимаю, какѣ судѣ сей можетѣ служишѣ имѣ замѣною.

СІОНА. Онѣ замѣняетѣ службу ихѣ, на которую они посылаюшся для смершныхѣ, и пошому они ничего не теряюшѣ.

Я. Понимаю. Но по Священному Писанію судишѣ мірѣ должны Свяшые, шо естѣ чловѣки, оказавшіе здѣсь великіе успѣхи вѣ уподобленіи себя Богу, а не Ангелы.

СІОНА. Всѣ *судящіе* Ангелы сущѣ Прославленные *теловѣки*.

Вдругѣ шупѣ явился одинѣ самоубійца, ведомый на судѣ двумя служи-

шелями юдоли смертной. Кто сіи Служители юдоли смертной? вопросилъ я Сіону. И получилъ отъ нея въ отвѣтъ.

Смертная юдоль имѣетъ Князя, коему подчинены злые Ангелы смерти; они ищутъ опшедшихъ отъ тѣла духовъ, сюда приходящихъ еще не совершенными, то есть недовольно крошечными, смиренными и любовными для небеснаго гражданства, или не всѣмъ еще облекшимися во Христа, дабы ихъ обманывать, обольщать и даже мучить всякими образами: но если бѣдные сіи духи пожелаютъ только, то сопровождаются добрыми Ангелами, которые руководствуютъ ихъ, пока они дѣйствіемъ Святаго Духа совершенно не совлекутся всѣхъ остатковъ человѣческаго поврежденія. О семъ Князь Юдоли смертной, долженствующемъ нѣкогда со всѣми злыми Ангелами смерти предстать на строгій судъ, сказываетъ

намъ Св. Писаніе Апок. XX. 13. 14.
И смерть и адъ даша своя мертве-
цы, и проч. И смерть и адъ ввер-
жена быста въ езеро огненное. Въ
 Греческомъ языкѣ слово *Адъ* (*Ἅδης*)
 опличается отъ слова *Геенна*. *Адъ*
 есть собственно *узилище*, хранилище
мертвыхъ (юдоль смершная), и здѣсь
 разумѣется сей Князь узилища
 мертвыхъ со злыми его Ангелами.
 Какъ же самоубійца лишаетъ себя
 жизни прежде опредѣленнаго времени:
 то ни одинъ добрый Ангелъ при смер-
 ти его не бываетъ; но при самой
 кончинѣ его пошчасъ являющся къ
 нему Ангелы злые, схватываютъ бѣд-
 ный духъ его и предспавляютъ его
 предъ сіе судилище, гдѣ потомъ из-
 рекается надъ нимъ справедливый при-
 говоръ, какъ ты услышишь. Тогда сно-
 ва обратилъ я взоры на самоубійцу,
 который хотя имѣлъ образъ человѣ-
 ческой, но казался мнѣ въ видѣ дыма,

и былъ изможденъ до кожи и костей. По сторонамъ его стояло по одному Ангелу смерти. Лица ихъ выражали злобу Сатаны; бѣдный грѣшникъ возбуждалъ сожалѣніе, и казалось, просилъ о помилованіи.

Пронзительнымъ трубнымъ гласомъ ужасный Судія произнесъ слова сіи: Сынъ Адамовъ Мероѳай! разверни свѣшокъ швоей жизни! Тогда въ паровидномъ образѣ духа увидѣлъ я великую перемену: тысячи разныхъ образовъ съ чрезвычайною подвижностію кружились вокругъ его; но око мое для языка духовнаго міра не было еще отверсто, я не могъ еще читать буквъ его; и такъ обратясь опять къ Сіонѣ, просилъ ее изъяснить мнѣ происходившее въ духѣ самоубійцы. Она сказала мнѣ:

Сей Мероѳай былъ человекъ честный; жилъ съ семьей своею своимъ счастливо, имѣлъ достатокъ и боялся Бога; былъ благошворителемъ, и

спарался скромную вѣру свою доказать непорочною жизнію. Однажды вѣ жаркой лѣтній день, шедши по улицѣ съ непокрытою головою, получилъ онъ вѣ голову ударъ отъ солнечнаго зною: отъ чего попомъ онъ иногда мѣшался вѣ умѣ. Болѣзнь и печаль, при шихомъ и по природѣ склонномъ къ меланхоліи его характерѣ, довели его напоследокъ до того, что онъ вѣ одинъ день, во время прогулки, лишилъ себя жизни. Вотъ главное содержаніе того, что вѣ свискѣ жизни его написано.

Тогда судящій Ангелъ провозгласилъ: *Мероѡай! самоубійство твое не пригнется тебѣ въ вину; два злые Ангела смерти, во время изступленія твоего, оболгали тебя.* При сихъ словахъ ужасный Судія спрашно засіялъ, и бросилъ вѣ обоихъ убійцъ Мероѡая молнію съ слѣдующими громоносными словами: *Скройтесъ, Зло-*

тестивые, лока достигнетъ васъ
гастъ въ озерѣ огненномъ! Оба они
попащились въ безконечное простран-
ство и исчезли.

Тогда Судія сталъ сіять паки крош-
кимъ свѣтомъ подобно начинающему-
ся дню, и въ семъ свѣтѣ Мероѣай пре-
вратился въ шестилѣтняго младенца,
имѣя на устахъ небесную улыбку и въ
очахъ сіяніе блаженства. *Естли бы*
ты, произнесъ Судія, вѣрно и непре-
станно бодрствуя и молясь, ходилъ
въ присутвіи Божіемъ: то духъ
легалъ и чиныія не овладѣлъ бы то-
бою; ты получилъ бы мужество и
силу къ одолѣнію, и трезвъ страсти
Искушителя одержалъ бы славную
побѣду. Телеръ же полугаетъ ты
только то блаженство, которое удѣ-
ляется преждевременно умершимъ
дѣтямъ.

Послѣ сихъ словъ явились двое

другихъ Ангеловъ, и опвели Мероѳа въ Царство Дѣшей, то естъ, въ Царство Науки. Сей приговоръ показался мнѣ нѣсколько спрогимъ; я, обращаясь къ Сіонѣ, спросилъ: Возвѣспи мнѣ божественная Наставница, почему сей несчастный за самоубійство, сдѣланное имъ въ безпамятствѣ, осужденъ не видать полного блаженства? И почему рано умершія дѣши не могутъ достигать тойже степени совершенства, какъ и возрастные?

СІОНА. Кто вѣренъ и твердъ во бдѣніи и молитвѣ, и ходитъ предъ Богомъ, тотъ никогда и ни по какому случаю не сдѣлается самоубійцею. Ибо всегдашняя молитва его приноситъ ему столько силы, сколько нужно ему оной къ сраженію противъ каждаго духа печали; и естъли бы онъ впалъ въ безпамятство, то святыя Ангелы сохранили бы его, такъ что никакой злый Ангелъ не смѣлъ бы и издали приблизиться къ нему. Чпожъ

принадлежитъ до втораго твоего вопроса о участи дѣшей: то человекъ, сражавшійся многія лѣта и наконецъ преодолевшій всякую похоть и стремление ко грѣху, и въ теченіи жизни своей содѣлавшій много добра, не долженъ ли по справедливости имѣть преимущество въ блаженствѣ предъ такимъ существомъ, которое только что безвинно? Но и блаженство дѣшей такъ уже велико, что всякую славу и счастье земное, въ сравненіи съ онымъ, можно почесть несчастіемъ: *блаженство ихъ есть блаженство теловѣка не ладшаго.*

Я. Но совершенство дѣшей не можетъ ли возрастать и приумножаться и въ той жизни: а пошому и блаженство ихъ возвышается?

СЮНА. Такъ и есть. Они опчасу дѣлаются совершеннѣйшими, блаженнѣйшими дѣшьями, такъ какъ возрастные непрестанно дѣлаются совершеннѣйшими и блаженнѣйшими мужа-

ми. Каждый человекъ по смерти утверждёнъ будетъ въ томъ состояніи, въ какомъ его смерть застала; и какъ человекъ, имѣя въ себѣ некончаемое побужденіе къ совершенствованію и блаженству, можетъ дѣйствовать по оному во всѣ вѣки и во всякомъ состояніи: то каждый человекъ равномерно дѣлается опчасу *совершеннѣе* во всемъ *томоу*, чѣмъ онъ былъ при смерти, или въ *темоу* состояніи тогдашній его характеръ. Полученное нынѣ тобою понятіе о состояніи душъ по смерти употреби въ свою пользу во страхъ Господнемъ. Теперь обрати взоръ на сіе ужасное явленіе.

Я оборотился назадъ и увидѣлъ страшный гнусный исполинской оставъ самоубійцы. Казалось, во внутренности его пылало темно - красное, а изъ костяныхъ глазныхъ впадинъ его выходило блѣдно - сѣрое пламя; по сторонамъ его были

два непомѣрно толстые и уродливые карла, на которыхъ Исполинъ дышалъ неисповою злобою — что обоимъ имъ причиняло адскую радость.

Тутъ Судія облекся паки въ Синайское бурное облако, и видъ его представилъ страшное величіе. *Кто ты?* загремѣлъ гласъ трубы судной.

Съ шипѣніемъ, змѣиному подобнымъ, и съ скрежетомъ зубовъ, едва поняшнымъ, Исполинъ оповѣчалъ: *Нѣтъ существа, которому бы я обязанъ былъ отвѣтомъ.*

Тогда сіяніе судящаго Ангела сдѣлалось темнѣе, багровѣе, мрачнѣе и ужаснѣе. — Громовый гласъ еще повторилъ: *Кто ты?* — Исполинъ пошатнулся, изъ глазъ его вышло на лакошь пламя и изо рта вышелъ сѣрный чадъ съ сими словами: *Я существо сотворенное свободнымъ, и никому отвѣтомъ не обязаное. —*

Громъ и молнія спрашныя, какихъ я никогда не слыхивалъ, мгновенно ударили въ оспавъ и свернули его въ найгнуснѣйшаго карлу.

Другой громовый гласъ повелѣлъ развернухся свиху его жизни. Подобно, какъ въ согнивающихъ пѣлахъ великое множесхво гнуснѣйшихъ червей и гадовъ кишашъ въ гною оныхъ: такъ всѣ помышленія прошедшей жизни грѣшника, превращаясь въ вѣчно грызущихъ червей, изникли изнутри его, и перебирались по его личинѣ, желая съ непомѣрною алчноспію пожрать другъ друга. Я примѣшилъ, что производившее отъ того мученіе заспавляло несчастнаго дрожащъ, пряспись, и скрежешашъ зубами.

О Сіона! кто можетъ снести такое зрѣлище?

СИОНА. Ты видишь, какое мученіе гошовишъ человекъ самъ себѣ. Самоубійца сей еспъ самъ шворецъ всѣхъ оныхъ гадовъ; милосердіе Божіе долго

терпѣло ему, и челоуѣколюбіе его употребляло всѣ средства къ приведенію его въ раскаяніе о грѣхахъ; но онъ всѣ ихъ отвергалъ: почему нужно дать ему опытомъ узнать свое заблужденіе, дабы тѣмъ смягчить жестокое его упорство.

Я. Смѣю ли просить тебя, изъяснить мнѣ развертывающійся свѣтокъ его жизни? Языкъ духовъ мнѣ еще незнакомъ.

СЮНА. Сей челоуѣкъ, котораго назовушъ теперь *Мерагомъ*, въ жизни своей былъ ученый вольнодумецъ. Отецъ его, честный благочестивый гражданинъ одного небольшого городка, воспитывалъ его по возможности наилучшимъ образомъ. Но перваго червя, изъ котораго разродилось все сіе змѣиное порожденіе, доспалъ онъ себѣ слѣдующимъ образомъ.

Въ домъ отца его служила дѣвка, по виду благонравная, но внутренно сластолюбивая. Она употребляла его,

когда онъ еще былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, къ удовольстворенію своихъ сладострасныхъ побужденій, раждавшихся въ ней отъ здороваго ея тѣла и разгоряченной силы воображенія.

Сіе обхожденіе нравилось мальчику, и когда онъ опданъ былъ въ школу: то другіе развратные сверстники его научили его и другимъ адскимъ способамъ замѣнять его обращеніе съ дѣвкою.

Несчастіемъ его было то, что онъ имѣлъ здоровое сложеніе и рѣдко чувствовалъ болѣзненные припадки, а пошому рѣдко воздерживался отъ сей мерзости: по лицемѣрной же его наружности всѣ, кромѣ тайныхъ его сообщниковъ, почитали его за умнаго, благонравнаго молодаго чловѣка; и отецъ, примѣчая въ немъ большія способности, вздумалъ учить его Богословіи, полагая, что изъ сына его выйдетъ хорошій Наставникъ душъ. —

Для сего послалъ онъ его въ * * ской Университетъ, гдѣ обучаясь философіи, при необузданномъ стремленіи къ чувственнымъ удовольствіямъ всякаго рода, скоро сдѣлался онъ совершеннымъ вольнодумцемъ. Тогда спалъ безъ разбору читая самыя развратныя книги; и не смотря на всю свою ловкость въ лицемѣрствѣ, спалъ во все неспособенъ учиться Богословіи. — Представленія о Богѣ, о Христѣ и всѣхъ добродѣтеляхъ, для такой души поже, что для глазъ, сморгнувшихъ долго въ темнотѣ, скорое воззрѣніе на солнце въ полудни. — Лицемѣришь предъ Христіаниномъ можешь только Стоической философъ, а Эпикуреецъ не въ состояніи. — Мерагъ, для успокоенія своихъ родителей, рѣшился иппи блистательною дорогою; всступилъ въ прославляемый тогда орденъ Иллюминашовъ, и какъ онъ имѣлъ голову богашую планами и ко многому способную: то Начальники

его употребили его къ самымъ важнѣйшимъ дѣламъ Ордена, и пошому онъ былъ опредѣленъ въ Училищъ къ Принцамъ при одномъ Дворѣ, гдѣ имѣлъ тайное порученіе произвестъ перемѣну въ Правительствѣ.

Мерагъ по времени успѣлъ бы можеть быть въ семъ намѣреніи; но какъ сладострасная его душа при Княжескомъ Дворѣ должна была содержать себя въ строгихъ границахъ скромности и благонравія, что было для него уже несносно: то при открывшейся революціи во Франціи онъ бросился спремглавъ въ сію пучину, гдѣ и нашелъ свою гибель. Тутъ сдѣлался онъ открытымъ врагомъ Бога и Натуры — былъ Комисаромъ для грабежей — публичнымъ доносчикомъ и Депушомъ — и во всѣхъ случаяхъ игралъ сатанинскую роль такъ успѣшно, что самъ Князь адской возчувствовалъ зависть къ нему и умыслилъ погубить его чрезъ самоубійство. На

сей конецъ онъ подбучилъ двухъ злодѣевъ, столь же порочныхъ, но не столь хитрыхъ, какъ *Мерагъ*, кошорые были имъ обижены, искашь его смерти: но какъ *Мерагъ* былъ ихъ пронырливѣе, то скоро это примѣтилъ и предупредилъ ихъ, погубя ихъ гильйотиною — Они-то суть тѣ два карла, кошорыхъ ты видишь по сторонамъ его. Родственники ихъ, бывшіе тогда въ силѣ, вооружились всѣ прошивъ него, и довели его до такой крайности, что онъ, дабы избѣжать ихъ яросси, напоследокъ самъ убилъ себя. — Вотъ исполкованіе начертаній въ свѣткѣ его жизни. — Тутъ раздался съ судейскаго сѣдалища слѣдующій ужасный приговоръ: Мерагъ! Ты оприся отъ напуры человѣческой, и пошому долженъ вѣчно лишиться прелестнаго ея вида. Прими образъ, свойствамъ твоимъ приличный.

Человѣческая сила воображенія неудобна вообразить ужасный видъ,

въ какой сей несчастный духъ превратился. Самые злые духи отъ того возпрепешали. Но онъ мгновенно исчезъ изъ глазъ моихъ: проводниковъ же его опразила молнія; ибо какъ они не были самоубійцами, то ихъ ожидалъ другой судъ.

При семъ зрѣлищѣ волосы у меня поднялись дыбомъ, и я спалъ проситься вонъ изъ юдоли смерти на землю живыхъ. Но Сіона велѣла мнѣ еще оспашься, дабы, узнавъ участь еще нѣсколькихъ самоубійцъ, могъ я подать наставленіе смертнымъ моимъ братьямъ и сестрамъ; ибо нынѣ часто видимъ мы примѣры самоубійства.

Судящій Ангелъ принялъ тогда опять крошкѣй видъ и вскорѣ появился жалкой оспавъ среди двухъ служителей юдоли смертной. Сіе бѣдное существо, оспановясь на одномъ мѣстѣ, дрожало отъ страха и скорби. Снова раздался гласъ съ престола: *Исмена!* *Разверни свитокъ твоей жизни!* Сіе

і тогчасѣ исполнилось, и Сіона изтолковала мнѣ оный слѣдующимъ образомъ:

Сей духъ, копорый назовется нынѣ *Лощабеѣа*, есть дѣвица, копорая, бывъ оставлена любовникомъ, ушопилась. — Вотъ исторія ея жизни.

Родители ея были люди благонравные изъ средняго сослоянія. Имъ хотѣлось дать дочери своей лучшее по ихъ понятію воспитаніе, и для того они побоялись ввѣрить ее непросвѣщенному, то есть Христіанскому, Учителю: а избрали такого, копорый могъ учить религіи по модѣ, то есть: облакая мораль въ розовую одежду фаншазіи и называя ее при всемъ томъ Христіанствомъ. — Чувствительное сердце сей дѣвушки приучали къ чело-вѣколюбію и показывали ей способы исполнять оное; но истинный источникъ, изъ котораго всѣ благородныя побужденія и добрыя дѣла произтекають, и безконечная благодарность ко Хрісту за искупленіе че-

ловѣковъ отъ вѣчной гибели, были ей во-все неизвѣстны: почему благотворительность ея имѣла цѣлю одно духовное сладострасіе.

По правилу моды, чтобы молодыхъ дѣвицъ приучать къ обхожденію съ мужчинами, дабы онѣ дѣлались съ ними ловче, родители ея не мѣшали ей обращаться съ молодыми взрослыми людьми, не разсуждая того, что чрезъ сіе въ дѣвицахъ развиваются скорѣе тѣлесныя нужды, чѣмъ душевныя силы, и что нынѣ молодые люди обходясь съ дѣвушкою 10 и 12 лѣтъ равно какъ бы и съ взрослыми женщинами. Танцы и игры, чтеніе романовъ и трагедій, и театральныя зрѣлища наполнили преждевременно несозрѣвшую ея фантазію такими идеями, для копорыхъ ни тѣло, ни нервы не довольно еще укрѣпились.

По сей методѣ воспитанная Исмена жила какъ бабочка, и въ неспрошѣ нарядовъ перелетала съ одного цвѣт-

ка на другой, съ одного балу на другой, опѣ одной игры на другую, опѣ одного вѣнка къ другому, пока наконецъ налетѣла на свѣчку, и опаля крылушки, переселилась въ юдоль смертную.

На одномъ балѣ, въ шуму чувственныхъ удовольствій, влюбился въ нее честный, благовоспитанный молодой человекъ; спалъ посѣщать ее, находить ее опчасу любезнѣе, и наконецъ предложилъ ей на ней женишься: но какъ онъ не былъ еще опредѣленъ ни къ какому мѣсту, то свадьба отложена была на время. Между тѣмъ, продолжая посѣщать ее, онъ имѣлъ случай замѣтить образъ ея жизни и поведеніе. Видя, что любезная его оказывала ласки всѣмъ мужчинамъ, онъ сдѣлалъ ей въ томъ упреки; но какъ сіе не произвело успѣха, ибо она съ младенчества приучена была къ такому образу жизни: то мало по малу онъ спалъ къ ней холодѣшь,

и наконецъ во-все отказался отъ даннаго слова, изъяснясь письмомъ о причинахъ того и своихъ правилахъ. Имена, никакъ сего не ожидавшая, и не почишавшая себя достойною такого пренебреженія, пришла въ изумленіе отъ сего поступка ея любозника; ибо она никакъ не понимала предосудительности своего поведенія, основывшагося на ея воспитаніи и модномъ тонѣ; плакала и жаловалась Сильфамъ, Дріадамъ и Нимфамъ: призвать же Бога въ помощь ей и на мысль не приходило, ибо она сему не была учена; наконецъ съ опчаенія бросилась въ рѣку и утопилась.

Я. Боже! Воспитаніе сей дѣвушки есть нынѣ всеобщее: что будетъ съ потомствомъ нашимъ? — Сашана избралъ два хищные способа къ усыпленію насъ: *первый* потъ, что онъ убѣдилъ философовъ нашихъ думать, что онъ во-все не существуетъ, что о Христѣ и Апостолахъ его на-

писано много розказней и небылицъ; *второй* шовъ, что онъ научилъ думать, что молишва ненужна; что Богъ творитъ, что хочетъ; самъ все знаетъ, и что ему угодно, то и дѣлаетъ.

СИОНА. Замѣчаніе швое весьма справедливо. Ошъ сего превратнаго толка Спихотворцы и Орапоры возпѣли и прославили Исмену, какъ страдалицу любви, примѣръ нѣжности, образецъ вѣрности къ любовнику. Они мечшали зрѣть ее въ поляхъ Элисейскихъ, превращали ее въ божество, осыпали гробъ цвѣтами, орошали урну ея слезами, изпесприли надгробный памятникъ ея похвальными надписями; и ни одинъ изъ сихъ министровъ Музъ и Аполлона не помыслилъ о шовѣ, что съ бѣднымъ духомъ ея здѣсь будетъ! Обращи взоръ швой шуда, и слушай приговоръ ея.

Тогда съ престола раздался гласъ Судии: Лошабеѡа! Въ семъ вѣчномъ

жилищѣ печали, въ углу сей уединенной пещеры пребудь неподвижна, обращая взоры швои на жизнь до шѣхъ порѣ, пока не возбудится въ тебѣ сильное стремленіе къ небеснымъ предметамъ: тогда переведешься ты въ Царство Науки и наслѣдишь блаженство дѣшей, рано умершихъ! Иди! Служишель юдоли смершной! опведи ее на ея мѣсто.

СІОНА. Пойдемъ за нею, чѣобъ ты увидѣлъ ея соспояніе.

Я. Охотно! Но я сердечно обѣ ней жалѣю, Сіона! Не ужѣ ли для нея нѣтъ помилованія?

СІОНА. Ужѣ ли ты думаешь, что Богъ менѣе тебя сожалѣетъ о своей твари? Сей судъ изреченъ для того, что ему угодно сдѣлать духа сего блаженнымъ, сколько возможно. Для того онъ и долженъ пребыть въ семъ положеніи, чѣобы скорѣе сложишь прилипшую къ нему суешную земную чувстввенность. — Въ такомъ

же образъ мыслей, и въ такомъ состояніи, въ какомъ нынѣ Лошабеѳа находится, она не могла бы пребыть ни одного часа на небесахъ; ибо къ такому обществу она менѣе еще удобна, нежели простой грубой крестьянинъ къ обществу людей ученыхъ.

Мы пришли къ Исменѣ. Мѣсто ея было узкое, подземельное, смрадное и мрачное зданіе подъ сводомъ, освѣщенное четвертью только Луны, дабы только удостовѣриться въ существованіи предметовъ. Здѣсь бывшая Повелительница сердецъ, Царица баговъ и распотѣпительница чувственныхъ удовольствій, стояла какъ прикованная къ стѣнѣ, обнаженная и уединенная отъ всего, что только можно назвать удовольствіемъ: такъ что для сего бѣднаго духа не оставалось ничего, кромѣ одного сожалѣнія въ смерти о жизни и болѣзненнаго возпоминанія о прошедшихъ радостяхъ. Прежде бывшая богиня веселостей по-

гружена была въ глубокую печаль, и не имѣла даже единственнаго облегченія въ скорби — слезъ; ибо безсмертный духъ сотворенъ не къ слезамъ, а къ небеснымъ радостямъ, къ которымъ Исмена была еще неспособна. Она стояла тамъ, какъ бы привидѣніе въ развалинахъ древняго замка, прислушиваясь ко гласамъ радостнымъ, раздававшимся на пиршествахъ за нѣсколько столѣтій: или какъ бы спеша сдѣлать сундуки съ спрятанными сокровищами. Я тотчасъ оставилъ съ Сіоною сіе печальное зданіе, и мы снова явились въ судилищѣ.

Тутъ явился новый скелетъ самоубійцы, сопровождаемый двумя служителями юдоли смертной. Онъ стоялъ бодро; не свирѣпствовалъ подобно *Мерагу*, но и не боялся и не дрожалъ какъ Лошабеѳа. Мы желательно спало видѣть свѣтъ его жизни. Дано было повелѣніе оному развернуться, и Наставница моя исполнивала мы

въ ономъ слѣдующее: — Сей человекъ, называющійся нынѣ Геіонъ, былъ въ жизни своей моднымъ Споикомъ; ненавидѣлъ Христіанскую религію, и при всемъ томъ старался быть честнымъ и добродѣтельнымъ, дабы показать, что можно быть шаковымъ и безъ вѣры. — Отецъ его былъ мужъ прямо благочестивый, но кошорому недоставало сколько благоразумія, чинобы дать сыну своему воспитаніе приличное. Съ молодыхъ лѣтъ онъ приневоливалъ его къ многору чшенію, долгой молишвѣ и пѣнію, и чрезъ то поселилъ въ душѣ мальчика отвращеніе и ненависть ко всему тому, что касается до вѣры. Отецъ, съ горестію примѣшя эшо, подумалъ, что онъ недостаточно переламывалъ волю сына и что нужно употребить къ тому болѣе попеченія, заставлялъ его стоять на колѣняхъ, молился, читалъ и пѣлъ еще долѣе, и тѣмъ увеличилъ еще болѣе ненависть его къ тому: такъ

что мальчикъ наконецъ бѣжалъ отъ отца, пустился въ чужіе края и спалъ учиться торговлѣ. Ему посчастливилось, онъ взялъ за себя богатую жену; но съ которою дѣшей у него не было и которая чрезъ нѣсколько времени умерла, оставя ему значное имѣніе, такъ что онъ могъ жить достаточно.

Я. Позволь мнѣ прервать рѣчь твою! — Замѣчаніе твое о воспитаніи Геіона давно и отъ меня сдѣлано и обнаружено въ разныхъ моихъ книгахъ. Научи: меня, Небесная, какой совѣтъ въ разсужденіи сего пункта могу я подать спрашивающимъ о томъ меня друзьямъ моимъ?

СІОНА. Самъ Богъ представляешь тебѣ наилучшій образецъ метода воспитания примѣромъ своимъ. Учись сей методѣ, и ты никогда не заблудишься. Родители должны только сами быть истинными Христіанами: а сіе не состоишь ни во многомъ гла-

голаніи, ни во многомъ чтеніи, ни во многомъ пѣніи. — Кому сіе еще нужно, въ томъ по истинѣ мало еще силы и сущесства Христіанства, такъ какъ кто не можетъ еще ходишь и работашъ безъ подкрѣпленія силъ крѣпкими лекарствами, у того здоровье еще худое: въ комъ же обитаетъ духъ Христа Іисуса, въ томъ свѣтъ его ясно свѣтитъ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ; и дѣши, подъ озареніемъ сего свѣта возрасшающія, непримѣшнымъ образомъ дѣлаются способными къ дѣйствію и принятію сего самого духа. Не надо о Богѣ и о Христѣ говоритъ много, но показывать благоговѣніе къ Богу и горячую любовь къ Искупителю; разсуждашь о великихъ его заслугахъ и возбуждашь въ дѣтяхъ желаніе узнать его: говоришь же о немъ надобно всегда менѣе, нежели сколько они знаютъ желающіе; но часто, и съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, не въ продолжительныхъ, а въ

крашкихъ всегда выраженіяхъ — Позво-
лять имъ дѣтскія игры и чувствен-
ныя удовольствія, но всегда казаться
недовольнымъ, когда открываешься въ
нихъ сильное къ тому желаніе; спа-
раешься сколько возможно, чтобы каж-
дая ихъ шалость наказывалась сама
собою; добрыхъ ихъ дѣлъ никогда не
награждать никакими чувственными
успѣхами, но глубоко впечатлѣвать
въ души ихъ, что всѣ добрыя дѣянія
нѣкогда съ избыткомъ награжда-
ются — въ блаженной вѣчности. — Би-
блію позволять имъ читать въ награ-
ду, и то не на долго, по временамъ, и
только тогда, когда они показываютъ
къ тому охоту; заставлять ихъ
учить наизусть хорошіе списки изъ
лучшихъ духовныхъ пѣсень, или тек-
сты Св. Писанія. — Для удовольствія
и отдохновенія ихъ позволять имъ
читать исторію жизни и рѣдкихъ дѣ-
яній самыхъ благочестивыхъ мужей:
но такъ, чтобы сіе не отвлекало

ихъ опъ ихъ упражненій. Къ мо-
лишебъ приучашъ ихъ съ младенче-
ства, уча, всего менѣе просишь у
Ошца Небеснаго вещей земныхъ и чув-
ственныхъ; пошому чшо молишва вѣ
семъ случаѣ рѣдко услышана бываешъ,
и перебуешъ самыхъ опытныхъ и ис-
кусныхъ людей: а молишься о мудро-
сти, о разумѣ, о силѣ преодолювашъ
пороки; приучашъ ихъ испрашивашъ
себѣ познанія воли Божіей, дабы хо-
дишь подѣ его руководствомъ.

Я. Благодарю тебя, божественная
Сіона, за сіе наставленіе! Теперь про-
шу продолжашъ исторію Геіоновой
жизни.

СІОНА. Геіонъ употреблялъ имѣніе
свое наилучшимъ образомъ: помогалъ
бѣднымъ, воспитывалъ и училъ моло-
дыхъ людей ремесламъ и наукамъ, вы-
давалъ замужъ бѣдныхъ дѣвушекъ и
опредѣлялъ имъ содержаніе: собствен-
но же для себя дѣлалъ изъ имѣнія
своего одно шо употребленіе, чшо

покупалъ нѣкоторыя художественныя рѣдкости; впрочемъ жилъ скромно, умѣренно и добродѣтельно. Сіе продолжалось нѣсколько лѣтъ; наконецъ, по неосторожности, вступя въ дѣла съ такими людьми, на которыхъ слишкомъ положился, потерялъ онъ все свое имѣніе. Тупъ гордая душа его не перенесла неблагодарности человѣческой, и онъ самъ кончилъ жизнь, которая не приносила уже ему никакого удовольствія. Какъ Натуралистъ, онъ думалъ найсти оправданіе въ томъ, что *осмѣлился промѣнять извѣстное несчастіе на неизвѣстное.* — Человѣческой разумъ обыкновенно падаетъ въ безуміе, какъ скоро спанетъ и искашь въ самомъ себѣ источника истины, особливо въ сверхчувственныхъ вещахъ. — Слушай теперь приговоръ надъ нимъ.

СУДІЯ. Геіонъ! Ты увѣрилъ себя, что избралъ вѣрнѣйшій путь, почитая за истину только то, чему ра-

зумъ твоей не противорѣчилъ. По разуму же своему ты не хотѣлъ вѣришь ни небесамъ, ни аду, ни словамъ Священнаго Писанія; слѣдовательно и участь твоя будетъ по сей вѣрѣ твоей. Ты не получишь ни того, ни другаго; но въ одной изъ сихъ странъ найдешь себѣ жилище, гдѣ дозволишь себѣ украшать оное по твоимъ идеямъ, какъ ты хочешь. Сообщество твое сославлять будутъ подобные тебѣ самоубійцы: не имѣешь ли чего сказать противъ сего?

ГЕІОНЪ. Почтенный Судія! Я въ жизни моей думалъ, что по смерти перейду въ другой вышній міръ, гдѣ вышнія чудеса и сокровища Натуры умножатъ мои познанія и украсятъ мое бытіе!

СУДІЯ. Ты думалъ справедливо: но ты не радѣлъ о средствахъ сдѣлаться способнымъ къ сему вышнему міру. Обращи взоръ на собственную твою душу: не возмущалось ли сердце твое

яросшію , когда ты усматривалъ истиннаго Христіанина? — не казался ли онъ тебѣ всегда лицемѣромъ, и не радовался ли ты всегда, открывая въ немъ какую нибудь слабость? И пакъ лзя ли тебѣ и бытъ въ томъ мірѣ, копорый не имѣетъ и не можетъ имѣть другихъ обитателей, кромѣ сихъ, толь тебѣ ненавистныхъ существъ? — Вся небесная напура была бы для тебя столь же несносна, какъ для ночной ппицы солнечный день. — Тебѣ не остается ничего другаго, какъ собственнымъ опытомъ узнать, справедливы ли, или несправедливы были твои правила. — Служиши юдоли смертной! опведите его въ принадлежашее ему мѣсто! —

Они опвели Геіона въ воспочную сторону Смирительнаго Дому Вѣчности. Онъ стоялъ тамо въ Хаосѣ, и не могъ по желанію своему найти себѣ жилища: но въ минушу прибытія его явились еще пятеро, надъ копорыми

произнесенъ былъ такойже приговоръ, и они все шестеро должны были творить себѣ міръ по идеямъ своимъ, и сдѣлать себя въ немъ счастливыми и блаженными, какъ только имъ возможно. —

Сначала оказали они другъ другу взаимное привѣтствіе; одинаковость участи и сходство въ главнѣйшемъ существѣ ихъ характера скоро сдѣлали ихъ друзьями: но, о Боже! — духовный языкъ произвелъ въ нихъ ужасное смятеніе! Ибо какъ въ духовномъ мірѣ нѣтъ языка кромѣ мыслей, и каждый духъ видитъ въ другомъ все, что шепчетъ мыслитъ: то въ злыхъ духахъ и осужденныхъ душахъ, при взаимной встрѣчѣ, или разговорѣ, рождается такое отчужденіе, отворачиваніе и внутренняя непріязнь другъ къ другу, что это превосходитъ всякое понятіе. Пусть каждый изслѣдуетъ необращенное свое сердце и всю цѣпь своихъ идей! — Сколько непріяз-

ненныхъ мыслей о другихъ чело-
 вѣкахъ! Сколько желаній и склонностей
 имъ вредныхъ! Доспигли ли мы того,
 чтобъ могли обнаружить всѣ внутрен-
 нѣйшія мысли и представленія свои
 безъ изъясненія предъ каждымъ? — Пока
 сіе будетъ намъ невозможно, до тѣхъ
 поръ, любезные друзья и братья! мы
 еще неспособны къ Царствію Божію;
 ибо тамъ каждый читаетъ все, что
 въ душѣ другаго происходитъ, какъ
 въ книгѣ; и сіе самое до безконечно-
 сти увеличиваетъ блаженство, равно
 какъ осужденнымъ причиняетъ без-
 предѣльный страхъ и мученіе. По-
 мыслимъ же, что всесвятый Богъ и
 Ангелы его, насъ окружающіе, непре-
 станно читаютъ въ душахъ нашихъ
 сокровеннѣйшія наши помышленія! —
 Сіе да приведетъ насъ въ священный
 страхъ и возбудитъ къ непрестан-
 ному бдѣнію и молибвѣ, дабы мы не-
 прерывно примѣчали за происходящи-
 ми въ душахъ нашихъ движеніями и

не давали бы свободы помысламъ ,
оскорбляющимъ Бога и копорыхъ не
льзя объявить всякому. — Вошъ, мои
любезные! въ чемъ собственно состо-
итъ ежедневное упражненіе Христіа-
нина, зависящее по большей части
отъ собственной его воли и собствен-
ныхъ его силъ! Кто въ семъ вѣренъ
пребудетъ, того духъ Господень бу-
детъ подкрѣплять и вести далѣе. —
Сіе есть также собственно и то,
что истинные Мисики называютъ
Хожденіемъ предъ Богомъ, — хотя
одно сіе упражненіе и не составляетъ
еще онаго хожденія. Блаженъ, кому
извѣстно сіе изъ опыта! —

И такъ шесть бѣдныхъ духовъ сдѣ-
лали сначала другъ другу искреннее
привѣтствіе: но потомъ, когда одинъ
прочелъ душу другаго, скоро со зло-
бою разошлись въ разныя спороны, и
каждый стоялъ особо въ нѣкопо-
ромъ отдаленіи, и казалось, спа-
рался закрыться отъ другаго. Потомъ

они, какъ бы замаскировавшись, снова сошлись: но увидя маску другъ у друга, сдѣлались всѣ другъ другу не-
 сносными, подлыми, презрѣнными, и
 каждый бѣжалъ со стыдомъ прочь, и
 остановясь, пребывалъ въ недоумѣніи,
 что ему въ сихъ несчастныхъ обсто-
 ятельстввахъ дѣлать? Вскорѣ за симъ
 одинъ началъ воображеніемъ своимъ
 творить вокругъ себя желаемый міръ:
 фантазія его осуществилась, и пред-
 ставилось среди пріятныхъ долинъ
 великое множество древнихъ Римскихъ
 зданій. Прочіе обрадовались тому, и
 каждый сталъ подходить и восхи-
 щаться новымъ твореніемъ, прибли-
 жаясь другъ къ другу не болѣе, какъ
 на такое разстояніе, чтобъ въ душѣ
 его читать было не можно. За тѣмъ
 сталъ фантазировать другой, и тогда
 все великолѣпное зданіе перваго обру-
 шилось, и на мѣсто онаго явилась пре-
 лесная страна во вкусѣ Англинскихъ
 садовъ, красота кою которой равномерно

была очаровашельна. Но первый, пришедши въ ярость на второго за разрушеніе его шворенія, началъ фантазировать сильнѣе: тогда и другіе четверо равномерно принялись фантазировать, и изъ сего ихъ созиданія вышло такое замѣшательство, что они всѣ побѣждали другъ отъ друга прочь, и каждый составилъ собственный, отъ прочихъ отличный, кругъ дѣйствованія, въ кошоромъ одинъ онъ только и находился.

Я. Скажи мнѣ, Сіона! что будетъ съ сими бѣдными духами? Они жалки!

СІОНА. Ты видишь, что они не могутъ ужиться вмѣстѣ, пока останешся у нихъ способность дѣйствовать. Но вѣчная Любовь для того даровала имъ оную, чтобъ они убѣдились изъ опыта, сколь ничтожно и суешно было умствование ихъ въ земной жизни. — Теперь забавляющся они бѣдными своими прозведеніями; но какъ не могутъ произвестъ су-

щесшвѣ себѣ подобныхъ, по твореніе ихъ всегда останешся мершво, и они сами одиноки. Когда же испощишся весь запасъ ихъ фанпазіи, тогда сдѣлаюшся они гладны и наги, и тогда наступишъ время суда ихъ и милосердія Божія! Тогда они переведушся въ шакое мѣсто, гдѣ возбудишся въ нихъ память всей ихъ жизни, опѣ самаго рожденія до самоубійства. Вотъ величайшее мученіе, какое только представишъ можно! Каждый, по гордости своей, долженъ будешъ въ высочайшей степени возненавидѣть другаго: но при всемъ томъ они связаны будущъ другъ съ другомъ неразрывнымъ союзомъ.

Я. Боже! Коль нужно истинное смиреніе и чистота сердца! —

Сіона повела меня пошомъ еще въ другое мѣсто. Мы перенеслись въ длинный переходъ со сводомъ, гдѣ увидѣлъ я на одной сторонѣ вдоль

стѣны цѣлый полкъ самоубійцѣ; а на другой сполькоже чудовищѣ, копорыя чудеснымъ образомъ состояли изъ множества гнусныхъ червей, такъ перепутанныхъ между собою, что изъ того выходила фигура похожая на дракона. Каждая изъ сихъ ужасныхъ фурій надзирала за самоубійцею, прошивъ нея стоявшимъ, и усматривая въ немъ какую нибудь перемену, кидалась на него и наносила ему удары, отъ которыхъ бѣдный духъ сжимался почти въ ничто, и потомъ трепеталъ и дрожалъ отъ воображенія сихъ ударовъ.

Я. Что это, Сіона? Взоръ мой не можетъ сносить сего бѣдствія: пойдемъ отсюда, здѣсь ужасно! —

СИОНА. Но сіе мученіе, любезный другъ, есть единственное средство къ спасенію сихъ несчастныхъ, какъ ты то самъ узнаешь по объясненіи тебѣ сего печальнаго зрѣлища. Сіи

видимые тобою духи суть люди, которые чрезъ извѣстный тайный порокъ сладострасія изнуривъ свое тѣло, разслабивъ духъ, впали въ печаль и скорбь и сдѣлались самоубійцами. — Стоящія противъ нихъ чудовища суть собственныя ихъ порожденія. Какъ скоро въ какомъ духѣ возбудишся похотливая мысль, то стоящее противъ него чудовище чувствуешь отъ того мучительную боль, бросаешься на него и наносишь ему удары: въ самомъ же драконѣ каждый разъ прибавляется отъ того по новому червю. Когда же духъ занимается добрыми мыслями, особливо съ вѣрою и молитвою приводишь себя на память Искупителя: то черви мало по малу издыхаютъ, чудовище дѣлается слабѣе, и наконецъ совсѣмъ уничтожается. Тогда Духъ переводится въ Царство Дѣшей, гдѣ воспитывается къ блаженству дѣшскому.

Виды вѣчныхъ грѣшниковъ столь

ужасны, что никакая фантазія изобразить ихъ не можетъ. — Въ совершенномъ упомленіи возвращаюсь изъ Царства Духовъ паки къ земной жизни, съ твердою рѣшимостію пропавоборствовать всѣмъ прелестямъ Сатмоспи, бдѣть надъ собою съ неутомимую вѣрностію, и въ непрестанной молитвѣ стремиться ко свѣту и силѣ; ибо рѣшеніе вѣчной моей участи по смерти есть дѣло чрезвычайной важности.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОБѢДА ВѢРЫ.

Сердце стѣсняется поскою и печалію, когда въ спокойные часы мыслишь о участи Христіанства въ нынѣшнее время. — Вездѣ такъ называемое Просвѣщеніе беретъ верхъ надъ вѣрою Христіанъ; и кто держишся еще сколько нибудь оной, пошъ почитается почти за полоумнаго. Лишь чуть кто заговоритъ о Христіанствѣ: то съ какою бы кропоспію и оспорожностію ни говорилъ, награждается за то по меньшей мѣрѣ презрительнымъ взглядомъ.

Христіанинъ прибѣгаетъ къ самому Господу, и ждеиъ свыше рѣшенія своей участи, ожидаеиъ и проситъ: но самъ Богъ будто оставилъ своихъ, какъ будто справедливостъ на споронѣ оныхъ *Просвѣщенныхъ*. Въ такомъ

случаѣ любитель Христіанства ка-
жется самымъ несчастнымъ и заблуж-
деннымъ человекомъ. Сіи и симъ по-
добныя мысли въ нынѣшнія времена
невольно раждаются во многихъ прав-
дивыхъ и ищущихъ истины душахъ,
и дѣйствительно сподобѣ труда по-
искашъ средствъ къ успокоенію и укрѣ-
пленію ослабѣвающей вѣры. — Слѣду-
ющее приключеніе, рассказанное мнѣ
Сіоною въ торжественной ея со мною
бесѣдѣ, содержишь въ себѣ многія важ-
ныя разрѣшенія сего вопроса.

Аменіилъ, Ангелъ истины, въ глу-
бокомъ благоговѣніи стоялъ на при-
горкѣ въ Царствѣ Свѣта, далеко обра-
щая испытующій свой взоръ, какъ
бы ожидая чего. Вся красота окру-
жавшей его вѣчной небесной Нату-
ры, казалось, не дѣлала въ немъ ни-
какого впечатлѣнія; онъ смотрѣлъ
вдаль подобно полководцу, назираю-
щему за сражающимися войнами въ

неизвѣстности, на чьей сторонѣ будетъ побѣда.

Адоніилъ, одинъ изъ довѣренныхъ служителей Господа, который нѣкогда, при тяжкомъ искушеніи въ пустынѣ Геосиманской, принесъ небесное утѣшеніе сражавшемуся тамо единственному ратоборцу, шествовалъ вдаль на златорожденной колесницѣ въ предпріятый имъ путь.

Здравствуй, братъ Аменіилъ! возглаголю онъ мелодическимъ гласомъ, какимъ возглашаютъ Ангелы.

АМЕНІИЛЪ. Благословенъ братъ мой Адоніилъ! Позволено ли знать тебѣ твоего путешествія?

АДОНІИЛЪ. Ты назначенъ мнѣ въ спутники. Ты справедливо погружаешься въ сію унылость, размышляя о плачевномъ состояніи Христіанства и видя, какъ вѣра всюду погасаетъ. Но пойдемъ со мною къ ратоборцу, съ коего должны мы снять смертные

узы и привестъ его въ страну лицезрѣнія. —

АМЕНІИЛЪ. Кто сей блаженный?

АДОНИИЛЪ. Здѣсь нареченъ онъ *Тамимолъ*. Я расскажу тебѣ исторію его жизни. Тамимъ былъ сынъ благочестивыхъ родителей, воспитавшихъ его въ истинномъ страхѣ Божіемъ и посвятившихъ его духовному званію. — Онъ самага младенчества являлась въ немъ склонность къ пому, и гладъ его къ познаніямъ превышалъ всѣ прочія ощущенія. Особенно же Іисусъ Христосъ былъ предметомъ и цѣлю всякаго желанія и хошѣнія его. Пришедши въ возрастъ и ближе ознакомясь съ духомъ времени, онъ увидѣлъ, какими разными доказательствами старающа вездѣ изровергнуть истину искупленія и божественность Искупителя, и поставилъ себѣ за непреложный долгъ узнать важную сію истину такъ, чшобы ни-

какимъ челоѣческимъ остроуміемъ опровергнушь ее было невозможно.

Между тѣмъ, сдѣлавшись въ одномъ большомъ городѣ Проповѣдникомъ, отправлялъ онъ званіе свое съ рѣдкою вѣрностію; свидѣтельствовалъ о Богочеловѣкѣ Христѣ не только на кафедрѣ, но и вездѣ, гдѣ только предсказывался ему случай; и Евангеліе было всегда источникомъ, изъ котораго почерпалъ онъ свое ученіе. Не осталось на землѣ ни одного средства, котораго бы онъ не употребилъ для приведенія ближнихъ своихъ къ великой цѣли, наполнявшей его душу. Всѣ сочиненія его, подъ разными формами и видами, не имѣли другой цѣли, кромѣ проповѣданія Христа Іисуса, распятаго, воскресшаго и нынѣ одесную Отца сѣдящаго, Господа жизни и славы, и умноженія числа истинныхъ его поклонниковъ: все же, чему училъ, подшверждалъ онъ жизнію и дѣлами.

Но духъ сего вѣка не преставаѣ утѣсняѣ сего великаго мужа всякими сомнѣніями: возможность заблуждаться, для каждаго благомыслящаго челоѣка неоспоримая, очевидная, часто дѣлала его печальнымъ. Коль часто люди великіе, достопо-чтенные, мыслиѣ онъ, почитали правила свои швердыми, неопровержими, и пошомъ находили, что они заблуждались! Великій Боже! восклицалъ онъ: ешъли и со мною тоже будешъ, то коль я несчастливъ! Сіи часы сраженія породили въ немъ наконецъ швердую рѣшимость, не преставаѣ бодршвовашъ, молишся и сражаѣся, пока не получишъ чувшвенныхъ свидѣтельствъ истины Исусъ Христовой, и сія рѣшимость пребыла въ немъ до самой смерти.

Къ сему должно прибавиѣ еще одно строгое испытаніе его вѣры. Онъ помогалъ бѣднымъ безъ всякихъ расчетовъ и не обращаѣ вниманія на свое

имѣніе, отъ чего вошелъ въ большіе долги; но не смошря на то, не перемѣнялъ своего поведенія, въ швердой вѣрѣ и упованіи, что Богъ не оставитъ извести его изъ его шруднаго положенія. Между тѣмъ долги его, отчасу умножаясь, довели его до крайности.

АМЕНІИЛЪ. Вѣра сего мужа дерзновенна и неудобьподражаема.

АДОНІИЛЪ. Ты правъ, Небесный Братъ! — Но законъ Христіанина слѣдовашь не примѣрамъ другихъ, а изволенію о немъ Господа, копорый каждаго ведешъ по своимъ пушамъ къ его цѣли. Рѣдкіе наблюдають сіе, избирая лучше подражаніе какому нибудь благочеспиговому мужу, нежели собственное хожденіе подъ руководствомъ благодаши: отъ чего легко попадають на распусія и ослабѣвають въ вѣрѣ. Тамимъ не можешъ служишь образцомъ въ *веществѣ* вѣры; но есть великій примѣръ въ *духѣ* вѣры.

Наконецъ постигла его продолжи-
тельная болѣзнь. Онъ не имѣлъ не-
доспашка во внутреннемъ утѣшеніи,
духъ его былъ покоенъ и веселъ; но
разуму его не представлялось ника-
кого чувствѣннаго средства къ запла-
тѣ долговъ: однакожъ вѣра его не
ослабѣвала, и онъ пребывалъ швердъ
какъ гора. —

АМЕНІИЛЪ. Тамимъ великій чело-
вѣкъ Божій! Какою неизреченною ра-
достью исполнился онъ, увидя слав-
ное послѣдствіе искушенія своей вѣ-
ры! Поспѣшимъ освободить его отъ
узъ! Да возхвалился милосердіе Гос-
пода, благоизволяющаго увѣнчевать
и самую дерзновенную вѣру!

Аменіилъ возсѣлъ на облачную ко-
лесницу Адоніилову, и на крыльяхъ за-
ри утренней прошекли они млечный
путь. Оставя же за собою длинную
злашую полосу свѣта, узрѣли они
подъ ногами своими вращающуюся
землю — зрѣлище тайны искупле-

нія — спустились на нее, закрылись своимъ покровомъ, и предспали невидимо предъ одрѣ Тамима.

Ангелъ смерши, закрывшись мглою, споялъ прошивъ ихъ, ожидая позволенія вознести смершную косу. Великій рашоборецъ былъ въ тяжкой борьбѣ, и все сущесство его молило о помилованіи. — Наконецъ злая спрѣлка на часахъ жизни его указала мгновеніе, опѣ владычествующаго надъ жизнью и смершію назначенное, и изъ Святая Святыхъ раздался гласъ, одними Ангелами слышимый: *да прекратится борьба его!* Тогда Ангелъ смерши, взмахнувъ своею косою, произнесъ: *лари, искуленная Душа, къ вѣчному свѣту!* и Тамимъ скончался.

Всѣ при Ангела облобызали другъ друга, радуясь о благополучно совершившемся подвигѣ земнаго ихъ брата, душа коего тихо и спокойно возносила на небеса. Какъ полная Лу-

на, выходя изъ - за облаковъ, освѣща-
етъ мрачный долъ; или какъ пруд-
никъ, возбужденный отъ тяжкаго и
долгаго сна, забываетъ себя, не по-
мнишся, не узнаетъ окружающихъ его
предметовъ: такъ Тамимъ, возпря-
нувъ для вѣчнаго утра, съ изумле-
ніемъ озирался, недоумѣвалъ, восхи-
щался и — просіялъ.

АДОНІИЛЪ. Благословенъ Соверши-
тель полъ прудной побѣды, соблюдо-
шій вѣрно вѣру свою! Ему готовиш-
ся вѣнецъ правды! Гряди съ нами при-
нятъ его!

ТАМИМЪ. Кто вы, Лучезарные
Юноши! Не обманываютъ ли меня чув-
ства мои? Не уже ли это дѣйстви-
тельно чувственное познаніе Бога?
О! не обольщайте меня! Будьте Ан-
гелы Божіи, какъ вы мнѣ кажешесь!

АДОНІИЛЪ. Ты вѣрилъ во шъмъ,
не уже ли нынѣ во свѣтѣ сомнѣвашься
будешь? Прииди и виждь! —

ТАМИМЪ. Проспите мнѣ, Братья Небесные! Да, я чувствую во всемъ существѣ моемъ неизреченное блаженство. Нѣтъ, это не мечта: ощущение мое теперь гораздо существеннѣе, нежели было тогда. — Я начинаю вкушать неизсякаемый испоконкѣ вѣчности. Научите меня языку для выраженія чувствъ моихъ!

АДОНИИЛЪ. Чувствованія и представленія твои суть языкъ скончавшихъ печеніе свое праведниковъ: мы тебя совершенно разумѣемъ.

ТАМИМЪ. Но кто заплашишь долги мои? — Кто будешь пещися о моихъ домашнихъ? Я въ самой смерти возлагалъ надежду на Господа, на Него уповаю и теперь: исполнился ли сіе упованіе мое?

АДОНИИЛЪ. Оно уже исполнено. Ангелъ, Исполнитель судебъ Провидѣнія, дѣйствуетъ теперь къ исполненію упованія твоего, и слѣдствія превзой-

душѣ самое дерзновенное швое чая-
ніе.

ТАМИМЪ. Хвала Господу, не по-
сшыдившему моей заблужденной вѣры!
Теперь я чувствую, что погрѣшилъ:
но Господь, Истребитель грѣховъ, при-
чтешъ ли мнѣ вѣ вину сіе заблужде-
ніе? Еслили жѣ онѣ возхощешъ со-
спязаться со мною, то изъ тысячи
его вопросовъ не вѣ состояніи я буду
отвѣчать ни на одинѣ.

АДОНІИЛЪ. Ты очищенѣ искупле-
ніемъ, грѣхи швои не вспомнянуща
шебѣ: вниди вѣ радость Господа на-
шего! — И Ангелѣ смерти улыбнулся
при радости Тамима; попомъ закрыв-
шись наки облачнымъ покровомъ, со-
шканнымъ изъ слезъ раскаяніа Адама и
Евы при изгнаніи ихъ изъ рая, пу-
стился вѣ путь для изхищеніа одно-
го великаго мужа изъ бездны заблуж-
деніа, вѣ кошорую онѣ низвергался.

АМЕНІИЛЪ. Прійди вѣ мой обѣяшіа,
любезный братѣ! Силою Господа я

началъ восемнадцатое столѣтіе на
земли шѣмъ, чѣмъ ты оное кончилъ.

ТАМИМЪ. Развѣ и ты пошомокъ
Адамовъ?

АМЕНІИЛЪ. Я *Августъ Германъ*
Франкъ.

ТАМИМЪ. (Лобызаетъ его съ воспор-
томъ.) О! естѣли бы мы вѣчно оспа-
лись жить и служишь вмѣстѣ!

АМЕНІИЛЪ. Сіе исполнился; ибо
подобныя души во всѣхъ небесахъ пре-
бывають и дѣйствуютъ вмѣстѣ!

АДОНІИЛЪ. Спупайте, Братья!
Намъ еще предлежитъ путь — Гос-
подь призываетъ къ другимъ дѣламъ.

Блаженные граждане Царствія Бо-
жія поднялись было вверху: но имъ
дано было повелѣніе провести новаго
ихъ брата чрезъ юдоль смерти. При
вспупленіи въ сію мрачную безмолв-
ную пустыню, и при видѣ многочис-
ленныхъ сонмовъ оплученныхъ душъ,
бродившихъ тамо предъ горами Вос-
тока, Тамимъ пришелъ въ изумленіе.

И такъ предчувствія мои меня не обманывали, сказалъ онъ: не лзя ли намъ здѣсь помедлить, Небесные Братья? Я желалъ бы лучше узнать упражненіе Святыхъ, совершающихъ судъ надъ людьми.

АДОНІИЛЪ. Для того ты и приведенъ сюда, Братъ Любезный!

Въ продолженіи ихъ разговора явился изъ - за горы *Малахіилъ*, несущійся въ выпренности на облакъ, края кошораго позлащены были зарею вѣчности. Онъ спустился къ шѣнямъ Юдои смершной, и облако возблисало подобно багрецу зари вечерней. — Толпы душъ разступились и сославили обширный кругъ, ожидая, кого первѣе постигнешъ судъ. Громоносный гласъ Малахіила изрекъ: Алнабонъ, предстанъ на судъ!

Тутъ выступилъ одинъ осаниспый духъ, показывавшій видомъ своимъ увѣренность, что онъ устоитъ на самомъ строжайшемъ испытаніи. Ве-

ликое множество любопытствующихъ душъ составили весьма обширный кругъ кругомъ Алабона и Судіи. — Какъ онъ въ земной своей жизни былъ человекъ знаменитый ученостію и добродѣтелями, о коихъ написалъ многія поучительныя сочиненія: по каждый желалъ узнать его участь.

МАЛАХІИЛЪ. Алабонъ! Ты былъ знаменитый учишель Христіанской вѣры, тебѣ ввѣрено было многое, и я посланъ взять съ тебя опчешъ, какимъ образомъ опправлялъ ты свое званіе? И такъ объяви искренно: въ чемъ, по своему понятію, состояла цѣль посольства Іисусъ Христовъ на земли?

АЛАБОНЪ. Научишь человечество чистой и прямой добродѣтели и освободишь отъ всѣхъ оковъ суевѣрія и невѣжества.

МАЛАХІИЛЪ. Развѣ до Христа не преподавалось ученіе чистой и прямой добродѣтели?

АЛНАБОНЪ. Правда, но не столь совершенно; оно было, собственно такъ сказать, намѣки только о назначеніи человека. —

МАЛАХІИЛЪ. Если бы ты основательнѣе и безпристрастнѣе разсмотрѣлъ вѣщій завѣщъ: то нашелъ бы, что все, называемое побою чистою и прямою добродѣтелію, было цѣлію и намѣреніемъ всѣхъ обрядовъ Левитскаго богослуженія, и что ей всегда поучали. Христосъ прибавилъ одно только правило нравоученія: прочія всѣ извѣстны были еще до его пришествія.

АЛНАБОНЪ. Извини меня, Прославленный! Я не обращалъ на сіе моего вниманія. Что ты говоришь, это правда: но Іудейской народъ не уважалъ законовъ Нравоученія, а прилѣплялся къ однимъ внѣшнимъ обрядамъ, и совершенно погруженъ былъ въ суевѣріе. — Для того-то и пришелъ Христосъ, чтобы народъ свой и все

человѣчество вообще научишь истиннымъ должностямъ къ Богу и ближнему, и освободишь отъ суевѣрія и тщетныхъ жертвъ.

МАЛАХІИЛЪ. Такъ говоришь ты: но Хришосъ то ли объявляетъ о себѣ, и то ли называетъ цѣлю посольства своего? Онъ напрошивъ того утверждаетъ: что онъ есть едиnorodный сынъ Божій, бывшій у Отца прежде созданія міра; что онъ по спраданіи и смерти воскреснетъ, вознесетъ на небо, сядетъ одесную величества Божія, и паки придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Онъ объявляетъ, что ему дана власъ прощать грѣхи и воскрешать мертвыхъ. Вочеловѣченіе свое, спраданіе и смерть предлагаетъ онъ единственнымъ средствомъ къ избавленію отъ грѣховъ, утверждая: что въ семъ состоитъ собственно цѣль его посольства, и что послѣдованіе ученію его есть при-знакъ возрожденія и искупленія. Да-

лѣе навчаешѣ: что онѣ пришелѣ оп-
 няшѣ власшѣ у діавола и раззо-
 рилѣ дѣла его; вѣ доказательство
 же сего изгонялѣ онѣ злыхѣ духовѣ изѣ
 бѣснующихся; и когда по временамѣ
 оказывали ему гдѣ божескую честь и
 поклоненіе, то онѣ ихѣ не отвергалѣ.
 Теперь скажи откровенно: какѣ это
 тебѣ кажется?

АЛНАБОНѢ. Христосѣ, для доспи-
 женія цѣли своей, долженствовалѣ со-
 образовашѣ сѣ понятіями и предраз-
 судками Іудеевѣ. Они весьма привяза-
 ны были кѣ жертвамѣ: то, чтобы осво-
 бодитѣ ихѣ отѣ сей привязанности,
 онѣ и объявилѣ будущую свою смерть
 за жертву. — Какѣ народѣ ожидалѣ
 Мессіи, который избавитѣ ихѣ отѣ
 плѣненія и рабства: то онѣ объявилѣ
 себя и Мессіею — и чтобы снискашѣ
 себѣ уваженіе, принималѣ и Божескую
 честь. Равно примѣнялся онѣ кѣ по-
 нятіямѣ народа и вѣ разсужденіи са-
 шаны, и употреблялѣ вѣ ученіи сво-

емъ высокой восточный слогъ, имѣя
въ виду одно разпространеніе пользы.

МАЛАХІИЛЪ. Послушай, Алнабонъ!
Есѣли бы какой человекъ, принявъ
намѣреніе просвѣтити народъ, бродя-
щій во тьмѣ суевѣрія и предразсуд-
ковъ, началъ ученіе свое объявленіемъ,
что онъ пришелъ умереть за народъ,
и въ подкрѣпленіе ученія своего спалъ
бы приводить лживыя и нелѣпыя
сказки, и желая истребить суевѣріе,
спалъ бы самъ разложить мечты и
привидѣнія и утверждать возмож-
ность союза человекѣвъ съ сашаною,
и тому подобное, скажи: какимъ бы
человекѣмъ почелъ ты сего Преобра-
зователя? Внутреннее чувство исти-
ны не сказало ли бы тебѣ, что та-
кой Проповѣдникъ есть безстыдный
лжецъ, обманщикъ, достойный наказа-
нія? Заглянижъ въ совѣсть свою: гласъ
ея не укоряетъ ли тебя, что ты по
симъ понятіямъ твоимъ мысленно
признавалъ Иисуса Христа, Господа

Славы, за такого же хипреца? И шакѣ
ввѣренное тебѣ для наученія юноше-
ство не получило ли отъ тебя ша-
кихѣ поняшій, изъ кошорыхѣ должно
произойти ужасное богохульство?
Что же побудило тебя *такѣ* думать
и *такѣ* учишь?

АЛНАБОНЪ. Ахѣ, страшный Судія!
Я на сіе вѣ-все не обращалъ вниманія:
философія и вообще ученость пред-
ставляли мнѣ буквенное ученіе Хри-
стіанства нелѣпымъ; я спыдился
онаго, и чшобѣ не лишишься званія
своего и куска хлѣба, прибѣгалъ къ
разнымъ толкованіямъ, какія обык-
новенно приемяются нынѣ и называ-
ются *натуральною религією*: такимъ
образомъ изъяснялъ и я Священное
Писаніе.

МАЛАХІИЛЪ. Развѣ не встрѣчалось
тебѣ примѣровъ, что самый проница-
тельнѣйшій человѣческій разумъ, все и,
почишаемая имъ за глупыя и нелѣпыя,

принужденъ былъ послѣ признашь
великими и важными истинами?

АЛНАБОНЪ. Правда.

МАЛАХІИЛЪ. Для чего не помы-
слилъ ты о семъ и въ семъ важномъ
обстоятельствѣ, которое касалось
до блага всего человѣчества?

АЛНАБОНЪ. Великій Боже! Мысль
сія иногда приходила ко мнѣ; но какъ
она нарушала мой покой, то я отго-
нялъ ее другими разсужденіями.

МАЛАХІИЛЪ. Примѣчаешь ли, что
ты отвергалъ внушенія исправляющей
благодати? — Теперь со стыдомъ и
раскаяніемъ долженъ ты испытать
чувственно, что Іисусъ Христосъ
училъ чистой святой истиной, и что
всему, что Онъ и Апостолы Его ни
говорили, надлежало вѣрить и изъ-
яснять оное по самому простому
смыслу словъ.

АЛНАБОНЪ. Съ изумленіемъ и неиз-
реченною скорбію вижу, сколь я заблу-
ждался и сколь тяжко я погрѣшилъ:

но осталось ли еще какое средство к моему спасенію?

МАЛАХІИЛЪ. Опытъ покажетъ, могутъ ли тяжкіяспраданія вѣчноспи перемѣнишь самость твою въ истинную *любовь къ Богу и теловѣкамъ*, и чрезъ то содѣлаешь тебя способнымъ къ небесному гражданству; ибо одно познаніе истины не дѣлаешь еще блаженнымъ. Иди къ подобнымъ тебѣ! — Внутреннее влеченіе поведетъ тебя туда, куда ты принадлежишь? —

АДОНИИЛЪ. Братъ Тамимъ! знаешь ли ты сего несчастнаго духа?

ТАМИМЪ. Кажется, онъ знакомъ мнѣ; но не могу припомнить, кто онъ?

АДОНИИЛЪ. Это философъ, котораго ты такъ уважалъ за великой его умъ и честное поведеніе, и сколько любилъ, хотя и не соглашался съ его правилами. — Тебѣ надлежало услышать изреченный надъ нимъ судъ, дабы увѣришься, что таковыхъ

людей не должно похвалами и дружес-
ствомъ подкрѣплять въ ложной ихъ
системѣ. Христіанинъ долженъ лю-
битьъ всѣхъ и быть готовымъ служишь
даже врагамъ своимъ, но долженъ весь-
ма опасно входитьъ въ дружескія свя-
зи съ невѣрующими, дабы не попасъ
въ сѣти ихъ.

ТАМИМЪ. Чувствую, сколь много
погрѣшилъ я въ семъ случаѣ. — Въ ду-
шѣ моею глубоко скрывалось нѣкое
тайное, и для меня недовольно ясное,
побужденіе самолюбія. Мнѣ казалось,
что я не хотѣлъ только ссориться
съ высокопочищаемыми людьми: но
теперь вижу, что въ этомъ чувствѣ
моемъ скрывался страхъ людской; я
боялся поношенія Христова. Я обма-
нывалъ себя ложнымъ заключеніемъ
любви ко всему человѣчеству: въ са-
момъ же дѣлѣ побужденіе сіе произ-
ходило отъ того, что я хотѣлъ шѣмъ
лучше дѣйствовать на сихъ уважае-
мыхъ людей. Коль лукаво сердце чело-

вѣческое! Господь да простиѣ мнѣ
мое заблужденіе!

АДОНІИЛЪ. Оно, равно какъ и всѣ
грѣхи твои прощены тебѣ ради смер-
ти Господа Іисуса, за то, что ты
явно и безпрепешно свидѣтельство-
валъ прошивъ заблужденій твоего вре-
мени, слѣдовательно и прошивъ сего
человѣка. Но обрати взоръ твой сюда,
Малахіилъ продолжаетъ судъ.

За симъ раздался паки гласъ Мала-
хіила: приближься ты, *Едидія!* — Въ
глубочайшемъ смиреніи, опягченная
чрезвычайною горестію, подошла одна
душа, едва всступившая въ юдоль смер-
ти, и стояла подобно пресступнику,
ожидающему смертнаго себѣ пригово-
ра.

МАЛАХІИЛЪ. Скажи, Едидія: для
чего предсталъ ты съ шоль печаль-
нымъ видомъ? Или множество грѣховъ
твоихъ тебя ужасаетъ?

ЕДИДИЯ. Я не смѣю произнести ни
единого слова предъ Господомъ. Онъ

знаешъ мое сердце, и миѣ извѣстно, что судъ его всегда праведенъ. Да совершается надо мною воля его во времени и вѣчности!

МАЛАХІИЛЪ. Разверни свитокъ твоея жизни!

Подобно какъ бы заблужденный странникъ въ ужасной пустынѣ на краю горы, досягающей облаковъ, стоящій надъ пропастію и имѣющій предъ глазами очевидную смерть, вдругъ перенесся въ прекрасную долину и узрѣлъ себя близь своей опчизны: такъ явился тогда Едидія въ блистающей каршинѣ своей жизни. Тамимъ узналъ въ немъ своего друга, великаго спрадальца Арнфрида, и возпрянулъ отъ чрезмѣрной радости. Исторія жизни его соспоишъ въ слѣдующемъ. —

Арнфридъ, нынѣ же *Едидія*, былъ сынъ богатыхъ родителей. Съ младыхъ лѣтъ его они опредѣлили къ нему Насшавника, который обучалъ его всѣмъ наукамъ и Христіанской

вѣрѣ такъ, что сердце его или весьма мало, или во-все не брало въ томъ участія. Такимъ образомъ возрастающимъ юношею, онъ всступилъ попомъ въ Университетъ, гдѣ хотя не участвовалъ никогда въ буйныхъ собраніяхъ молодыхъ людей; но однажды уговорили его пойти въ клубъ. Тамъ товарищи его, опорожнивая одну бутылку за другою, заспорили, и одинъ изъ нихъ находилъ особое удовольствіе въ дерзкихъ насмѣшкахъ надъ религіею, думая показать имъ великость ума своего. Когда вино начало кружить ему голову: то языкъ его, потерявъ всякую мѣру, изрыгалъ адскія хулы на Искупителя. Нѣкоторые изъ товарищей его сему смѣялись, другіе молчали; а нѣкоторые изъявили о томъ свое неудовольствіе: къ симъ послѣднимъ принадлежалъ и Арнфридъ. Наконецъ одинъ изъ собранія выступилъ прошивъ хулителя и

велѣлъ ему замолчать. — Сей, почтя по себѣ обиднымъ, вызвалъ его на поединокъ; и шутъ же на мѣстѣ они схватились за шпаги, и Богохульникъ былъ смертельно раненъ. Смерть его представила страшную картину. Онъ не исповсвовалъ прошивъ самой вѣчности, проклиналъ себя и все, и съ сими хулами извергъ душу въ бездну ада.

Сіе приключеніе сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ душѣ Арифрида; мирская мудрость ему опрошивѣла, онъ не захопѣлъ долѣе оставаться въ Университетѣ, описалъ къ родителемъ своимъ о случившемся, и спалъ просить ихъ позволить ему посвящать себя лучше торговлѣ. — Прозьба его была исполнена, и онъ вступилъ въ одну богатую купеческую коншору. Здѣсь коснулась его сострадающая любовь Отчая во Христа. Одинъ изъ коншорскихъ, бывъ истиннымъ Христіаниномъ, старался узнать отъ

него причину всегдашней его пѣчали, кошорая состояла вѣ томѣ, что Арнфридѣ послѣ помянушаго ужаснаго приключенія, получилѣ странную мысль, что человекѣ не можетѣ избѣ- жать своей участи; и кто опредѣ- ленѣ къ несчастію, тошѣ необходи- мо будетѣ несчастенѣ, что бы онѣ ни предпринималѣ къ отвращенію онаго. Такимѣ образомѣ сей бѣднякѣ нало- жилѣ на себя оковы детерминизма (предопредѣленности); а кому сей у- жасный тиранѣ извѣстенѣ, тошѣ знаетѣ, сколь трудно освободиться отѣ его мученій.

Благочестивый другѣ его умѣлѣ объяснить ему его заблужденіе и по- дать лучшее наставленіе. — Арнфридѣ пришелѣ вѣ умиленіе и раскаяніе, ис- кренно обратился къ Богу и получилѣ внутреннее увѣреніе, что грѣхи его ему опущены. При всемѣ томѣ вѣ душѣ его оставалась тайная скорбѣ, отѣ кошорой никакѣ не могѣ онѣ

освободиться, и кошорая служила ему огнемъ седмичнаго очищенія. Сія самая скорбь была причиною, что онъ познакомился со многими благочестивыми и просвѣщенными людьми, и въ томъ числѣ съ Тамимомъ, желая получить отъ нихъ средство къ излеченію душевной своей болѣзни. —

Чрезъ нѣсколько времени онъ завелъ собственный свой торгъ и женился на благочесливой дѣвицѣ, кошорая принесла ему хорошее приданое и съ кошорою онъ жилъ въ раю сладости, взаимно назидая другъ друга и побуждая къ благимъ подвигамъ. Но Ангелъ смерти разторгнулъ сей сладкой союзъ. — Однажды, какъ Арифридъ съ женою переѣзжалъ черезъ рѣку, вдругъ поднялась ужасная буря и опрокинула лодку. Онъ былъ спасенъ, но жены его не могли отыскать. Арифридъ, въ безпамятствѣ и оцепенѣніи, бросился къ ногамъ Искупишеля, молился, боролся, и сражался съ собою до

шѣхъ поръ, пока съ внутреннимъ душевнымъ успокоеніемъ изъ глубины сердца могъ произнести сіи слова: *Господь даде, Господь и взятъ: да возхвалится имя Господне! Не моя, но его воля да будетъ!*

Ариффридъ, при доспащочномъ имѣніи, былъ бездѣтенъ, и какъ торговля дѣла начинали ему скучать: то онъ просилъ Бога опредѣлить ему новый его жребій. Молитва его была услышана, но обыкновенно не тѣмъ способомъ, какъ мы себѣ представляемъ. Менѣе нежели въ два года не спало у Ариффрида всѣхъ временныхъ благъ; обанкротившіеся многіе богатые дома и другія несчастія лишили его почти всего имѣнія, и оставшагося у него едва доставало на оплату собственныхъ его долговъ. Все сіе спеклось одно за другимъ въ самое короткое время, и Ариффриду не осталось ничего другаго, какъ совершенно предать себя волѣ Божіей. Онъ исполнилъ

сіе великодушно, и съ полнымъ отреченіемъ собственой воли предался въ отеческія руки Божія.

Оставшись безъ куска хлѣба, долго искалъ онъ себѣ мѣста на другихъ конторахъ; но какъ всякой спыдился имѣть въ услуженіи у себя такого почтеннаго человѣка, и пошому никто не принималъ его: то онъ принужденъ былъ уѣхать въ другой городъ, гдѣ бы его не знали, дабы сыскалъ себѣ способъ къ пропитанію, какой Богъ опредѣлилъ ему. Милосердая судьба привела его въ то мѣсто, гдѣ Тамимъ былъ проповѣдникомъ, чрезъ котораго былъ онъ опредѣленъ на одну знашную фабрику смопришелемъ. Здѣсь жилъ онъ нѣкоторое время спокойно: но Господу угодно было постигнуть его продолжительною и жестокою болѣзнію, причеиъ и внутренняя скорбь его умножилась. Какъ онъ въ семъ состояніи не могъ уже надлежащимъ образомъ отправлять свою

должность, по ему было отъ мѣста
отказано, и не осмѣвалось ничего дру-
гаго, какъ питаться милостынею: но
небесный путеводитель его не допу-
стилъ его до сей крайности. Тамимъ
успѣлъ опредѣлить его въ Училище
въ сиротской домъ, гдѣ онъ бѣднымъ
сиротамъ приносилъ несказанную поль-
зу своимъ ученіемъ. Здѣсь, по несча-
стію, Проповѣдникомъ былъ новомод-
ный попъ, состоявшій подъ вѣдом-
ствомъ осужденнаго нынѣ Алнабона.
Сей Проповѣдникъ, по системѣ своей,
почтя добраго Арифрида за фанатика,
и думая, что онъ ведетъ бѣдныхъ си-
ротъ къ мрачному суевѣрію, прило-
жилъ все стараніе объ отрѣшеніи его
отъ сего мѣста, въ чемъ Алнабонъ
сильнымъ своимъ заступленіемъ по-
могъ ему, и Арифридъ опять спалъ
безъ хлѣба.

Но Тамимъ и тогда не оставилъ
его. Онъ склонилъ разныхъ зажиточ-
ныхъ друзей своихъ опредѣлить ему

ежегодную пенсію, съ которою могъ бы онъ жишъ спокойно безъ всякихъ заботъ. Тогда Арнфридъ спалъ писашъ назидашельныя книжки и доставляшъ шѣмъ много пользы; наконецъ Ангелъ смерти въ шонъ же день, когда умеръ Тамимъ, разрѣшилъ и его ошъ тяжкихъ узъ плоти.

Арнфридъ, сшоя предъ Судіею, блисталъ какъ ушренная звѣзда предъ начинающимся днемъ.

МАЛАХІИЛЪ. Едидія! кровь Искушителя совершила надъ тобою все свое дѣйствіе. — Иди въ наслѣдіе Святыхъ! — Гряди и ты, Тамимъ! Братья небесные! подведише ко мнѣ сего праведника; онъ и другъ его Едидія должны вѣчно жишъ и дѣйствовать вмѣстѣ: Превѣчный надъ многимъ ихъ посшавитъ.

Адоніилъ, Аменіилъ, Тамимъ и Едидія возходяшъ на облачную колесницу Малахіилову и съ нимъ возносяшся къ вѣчному восшоку. Едидія, при ошущеніи

ніи неизреченнаго блаженства, молчалъ благоговѣя; а Тамимъ славословилъ Эммануила новыми небесными пѣснями. Оба друга, заключа одинъ другаго въ объятія, обращали изумленные взоры на безконечные свѣтозарные предѣлы небеснаго царствія, коего славы никакой земный разумъ постигнути не можетъ.

Вскорѣ увидѣли они вдали великій свѣтлоблистающій градъ Божій и за онымъ гору Сіонъ съ храмомъ вѣчно-снѣжи. Малахіилъ направилъ шествіе въ сторону и привелъ спутниковъ своихъ на одинъ пригорокъ близъ града, откуда сквозь жемчужныя врата города можно было видѣти прозрачныя золотыя улицы, простиравшіяся въ безмѣрную даль. — Здѣсь стоялъ дворецъ, сіявшій велелѣпно вѣчнымъ свѣтомъ, подобно полированному попазу на гладкомъ золотѣ. Тутъ остановилась колесница Малахіилова, и они вошли длинною галлереею, блиставшею на

подобіе бриліаншовъ всѣми радужными цвѣтами, въ прѣспранную залу, гдѣ Тамимъ нашелъ благочестивыхъ своихъ предковъ, встрѣтившихъ его небесными привѣтствіями, коихъ земной языкъ изъяснить не можетъ. Равно и Едидія нашелъ шумъ нѣкошорыхъ друзей своихъ.

Но зала вдругъ озарилась славою Господа. Явился Богочеловѣкъ Іисусъ, Царь неба и земли, и гласомъ изводящимъ мертвыхъ изъ гробовъ, гласомъ вѣчной любви рекъ: *Тамимъ и Едидія! Здѣсь вѣчное ваше жилище: упражненіе же ваше состоитъ будетъ въ приведеніи ко блаженству язычниковъ. Малахіилъ въ томъ наставитъ васъ.*

За симъ послѣдовало благодареніе и поклоненіе отъ всѣхъ, и Господь удалился. Тамимъ съ восхищеніемъ узналъ въ Малахіилѣ блаженного Епископа *Шлангенберга*. — Они бросились

въ обѣятія другъ къ другу и начали
новый кругъ дѣятельности, описаніе
коея принадлежишь уже къ будущей
жизни.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ТРЕТІЕ.

НАГРАДА ВѢРНОСТИ.

Упомленный разными упражненіями по должности, искалъ я отдохновенія въ прогулкѣ по уединеннымъ мѣстамъ; и пришедши въ буковую рощу, углубился въмысли подъ пѣниснымъ сводомъ деревъ, размышляя о чудесныхъ путяхъ вѣчной Любви, ведущей человѣковъ къ великой ея цѣли. Продолжительныя спраданія, испытанныя мною и другими, слѣдствія кошорыхъ закрыто отъ смершнаго ока мракомъ будущаго, погрузили меня въ уныніе. — Я сшалъ по обыкновенію молишься о свѣтѣ и просишь Сіону, невидимо всегда меня сопровождающую, утѣшишь меня своимъ наспавленіемъ. Скоро услышалъ я восхищельный гласъ ея, и получилъ отъ нея слѣдующее поученіе. —

Возпари душею отъ мрачнаго круга

земной жизни, неспособной къ созерцанію и слышанію небесной истины! Очисти око твое, отверзи слухъ твой, и пріими поученіе *о наградѣ нелокотебимой вѣрности.* —

Варнфридъ, сынъ честнаго ремесленника, женившійся на благочестивой дѣвушкѣ, у которой былъ собственный свой домикъ и небольшая земляца, упражнялся въ ремеслѣ ткача, которое наслѣдовалъ онъ отъ отца своего, и сначала казалось, что Богъ низпосылалъ на нихъ всякое земное благословеніе: но скоро увидѣли они, что при всей ихъ прилѣжной работѣ, они едва могли доспавать себѣ на крайнія свои нужды; сверхъ того домъ ихъ нечаянно сгорѣлъ.

Какъ съ малой ихъ землицы не было и столько дохода, чтобъ можно было снова выстроить домикъ: то Варнфридъ нанялъ хижинку, въ которой жилъ съ вѣрною своею Кунигундою по прежнему довольнымъ. Они служили

Богу, работали съ прилѣжаніемъ и вѣрностію, и возлагали надежду свою на великаго Пастыреначальника Христіанъ. —

По нѣкоторомъ времени добрый Варифридъ впалъ въ тяжкую и продолжительную болѣзнь. Кунигунда усугубила труды свой, работала день и ночь, чѣмъ доспѣть пропитаніе себѣ, вѣрному своему мужу, и прѣмъ малолѣтнимъ дѣтямъ, не произнося никогда на судьбу свою жалобъ, и не выпуская вздоховъ нестерпѣнія. Между тѣмъ состояніе ихъ ошчасу дѣлалось хуже: земля была заложена и попомъ продана; чѣмъ по заплащѣ долга у нихъ осталось, то едва могло доспѣть на самое скудное пропитаніе на нѣсколько дней. Въ семъ положеніи имъ нужна была сторонняя помощь, и они нашли ее.

Одинъ богатый Помѣщикъ ошдалъ имъ въ аренду удѣлъ земли на выгодныхъ условіяхъ, куда они ошправясь, хозяйствомъ, экономіею и трудами

своими привели себя въ порядочное состояніе: но вдругъ предстало новое искушеніе, гораздо жесточайшее прежнихъ. Хозяинъ земли былъ распутный сластолюбецъ, который захошлъ соблазнить прекрасную Кунигунду. Онъ разстилавъ предъ нею всѣ возможные щетными, пришелъ ошъ того въ ярость и вздумалъ ошмсшить за такое презрѣніе любви его, и спалъ пришѣснятъ ихъ такъ безчеловѣчно, что они принуждены были, взявъ весь свой бѣдный скарбъ на спины и дѣшей на руки, ишши скишаться по міру и кормишься именемъ Божіимъ. Оставя такимъ образомъ свое жилище, они пошли въ такое мѣсто, гдѣ надѣялись скорѣе найши себѣ работу. —

Въ семъ мѣстѣ была выбойчатая фабрика. Варнфридъ опредѣлился на нее въ ткачи, а жена его нанялась прясъ бумагу: и такъ они нашли себѣ опять честное пропитаніе; но

споль умѣренное, что когда Варнфридъ опять занемогъ, то сѣмейство его по прежнему спало терпѣшь во всемъ нужду.

Въ семъ мѣспечкѣ жила одна добродѣтельная сѣмья, кошорая, не имѣвъ большаго досташка, оказывала однакъ благошвореніе всякому по возможности. — Наконецъ спрадалецъ нашъ умеръ въ швердой вѣрѣ къ Искупишелю и въ полномъ упованіи, что Ошецъ Небесный будешъ пещися о осшавляемомъ имъ его сѣмействѣ.

Кунигунда перенесла потерю мужа съ рѣдкимъ Христіанскимъ мужесшвомъ. Сшаршій сынъ ея выучился ремеслу опца своего и шкалъ; а она, съ помощію двухъ дочерей своихъ, продолжала прясшь хлопчашую бумагу и шѣмъ кормилась. Пошомъ и она также занемогла, и шеперь съ радостію ожидаешъ близкаго своего разрѣшенія опъ бѣдной земной жизни.

Я. Желалъ бы я видѣть переходъ
ея въ новый міръ.

СІОНА. Я представляю тебѣ ее во
всей ея славѣ. Напряги око твоего
воображенія, и зри!

Съ величественнымъ и торжествен-
нымъ видомъ сидѣлъ Вешхій деньми
на престолѣ своемъ, на ступеняхъ
коего тысячи Серафимовъ ожидали
его мановеній. — По одну сторону
круга ихъ стоялъ Ганніилъ въ благо-
говѣйномъ безмолвіи, и взиралъ на ли-
це Царя міровъ какъ бы испрашивая
его повелѣній къ исполненію, по зва-
нію своему. Наконецъ раздался гласъ
съ престола: *Ганниилъ! И послѣднее
испытаніе она выдержала твердо
сѣ върою и терпѣніемъ. Приведи ее
въ мѣсто ея.*

Ганніилъ возсіялъ новымъ свѣтомъ,
и съ чувствомъ неизреченной благо-
дарности поклонился престолу. По-
томъ взойдя на верхъ Сіона, озарилъ
крошкими своими лучами кругъ сво-

ренія до самой шой малої почки, вѣ кошорой между миріадами міровѣ у-
смотрѣлѣ онѣ нашу землю.

Какѣ вѣ громоносномѣ облакѣ мол-
нія, мгновенно возгараясь, сверкаєшѣ
не для ударовѣ, но для очищенія за-
разительныхѣ паровѣ, невидимо нося-
щихся вокругѣ бѣднаго спранника:
такѣ Ганніилѣ блеснулѣ лучемѣ сво-
имѣ вѣ шу мрачную юдоль, гдѣ Кунигунда сражалась съ брєнносшію, во-
шелѣ вѣ ея хижину, и сердце вѣ немѣ
запрепешало онѣ радости при воззрѣ-
ніи на сію возлюбленную Божію. Пе-
чальныя дѣши сидѣли крошко вокругѣ
ея посшли вѣ скорбномѣ ожиданіи
конца ея спраданій.

КУНИГУНДА. Дѣши! Я чувсшвовала
ужасное мученіе, но теперѣ спало
мнѣ легко очень. Конечно, какой ни-
будь благотворный Ангелѣ посѣшилѣ
насѣ. Спасишель мой! И тебѣ укрѣ-
плялѣ Ангелѣ, когда шы спрадалѣ вѣ
Геѣсиманіи! Ты укрѣпляєшь меня!

Одна изъ дочерей. Мы о томъ же говорили, матушка, и намъ спало такъ весело, какъ бы мы получили величайшее какое благополучіе.

КУНИГУНДА. Я чувствую, что я скоро оставлю васъ: но Господь не оставитъ васъ!

Тутъ Ганніилъ сказалъ Ангелу смерти, закрывшемуся облакомъ и ожидавшему мановенія свыше: Небесный братъ! разрѣши узы, связующія душу сію съ бречною перстію. . . и самъ отвратилъ лице свое отъ смертнаго тѣла Кунигунды. Ангелъ смерти махнулъ своею косою, произнесъ на таинственномъ языкѣ сіи слова: *Иди, влѣстилище страданій! Истлѣвай, да облетѣешь въ нетлѣніе! А ты, Побѣдительница! гряди принятъ вънецъ!*

КУНИГУНДА. [Видя предъ собою сіющаго радостію Ганніила] Іисусе Господи! ты являешься мнѣ какъ Маріи Магдалинѣ!

ГАННИИЛЪ. Я не Спаситель, душа возлюбленная! но соучастникъ искупленія, коимъ ты одержала побѣду. Ты уже умерла.

КУНИГУНДА. Ужъ ли я вступила въ иной міръ? Я помню: мнѣ сдѣлалось дурно, я упала въ обморокъ и начала грезить; мнѣ представилось, будто я въ тѣсномъ погребѣ подъ сводомъ, кругомъ меня было темно, и на меня напалъ чрезвычайный ужасъ: но вдругъ въ одномъ углу блеснулъ яркій радужный свѣтъ; я побѣжала на сей свѣтъ и усмотрѣла, что шупъ есть узкая разсѣлина, чрезъ которую я пролезла и увидѣла тебя предъ собою.

ГАННИИЛЪ. Ты уже не гредишь! *Іоанна* нынѣ имя твое!

ІОАННА. Христе Іисусе! что шворишься со мною? Я просвѣшляюсь, какъ и Ты! Боже мой! Теперь познаю, что я умерла — Я ощущаю небесную радость! Я блаженствую! —

ГАННИИЛЪ. Такъ, Икупленица

Господня! ты блаженспвуешь! — Гряди — я посланъ ввести тебя въ радость Господа швоего.

Неизретенный восторгъ повергъ Иоанну въ бѣзмолвие. Они перенеслись чрезъ юдолю смерти на вершину горъ Востока. Иоанна обзрѣвала съ несказаннымъ удивленіемъ всю область Царства Дѣтскаго, и удостовѣрилась, что никогда теловѣку на сердце не всходило, что Господь уготовалъ любящимъ его. —

ГАННИИЛЪ. И все сіе еще только заря славы! Сіе блаженное мѣсто еще только для дѣшей и для малолѣпныхъ.

ІОАННА. Объяви мнѣ, Небесный житель, какъ мнѣ именовать тебя? Ангелъ ли ты, или такой же человѣкъ какъ и я?

ГАННИИЛЪ. Я былъ швоимъ спутникомъ въ земномъ швоемъ ристалищѣ, Иоанна!

ІОАННА. Былъ моимъ спутникомъ! Но я знала ли тебя?

ГАННИИЛЪ. Не хочешь ли увидѣть перваго швоего сына , умершаго на вшоромѣ году земной своей жизни? —

ІОАННА. О источникъ блаженства! Поспѣшимъ , братъ Небесный! Пове-ди меня къ моему Якову!

Ганниилъ, обхвапая рукою новаго Ангела , несется весьма тихо чрезъ смарагдовыя долины, озаренныя пурпуровымъ сіяніемъ зари ушренней. Іоанну проникло дыханіе жизни ; въ ней спали разкрывающіяся новыя понятія , и чего она еще не имѣла , шо спала предошущащъ.

Такимъ образомъ шествіе ихъ продолжалось шо между пріятными рощицами, шо по берегамъ сребристыхъ ручейковъ, шо по изпещреннымъ цвѣтами лугамъ , блискавшимъ подобно бриліаншамъ съ седмичнымъ свѣтомъ, пока наконецъ доспигли они нарочишо високаго холма, гдѣ росли одни дрелеса жизни и Сіонскія пальмы. — Здѣсь возвышались чершогы,

блиставшіе подобно чисто заполиро-
ванному Паросскому мрамору. — Ган-
ніилъ повелъ спуспницу свою высо-
кою колонадою, построеною какъ
бы изъ жемчугу: но все то было духъ
и жизнь; все было прозрачно, свѣти-
ло и величественно. —

Тутъ вошли они въ одну галлерею
неописанно великолѣпную, копорая
сдѣлана была какъ бы изъ золоти-
стыхъ облаковъ зари утренняя, окан-
чивавшихся пурпуровыми краями, всѣ
изъ свѣта и жизни составленными.
Здѣсь многіе ихъ ожидали: но одинъ
милый и прекрасный дѣшя въ свѣт-
лой лазуревой одеждѣ, усѣянной се-
ребренными звѣздами, съ улыбкою Май-
скаго утра, вырвавшись изъ объятій
одного старшаго Ангела, бросился
къ нимъ и на языкѣ Ангельскомъ вос-
кликнулъ: *Матушка!* — Старшій
Ангелъ возгласилъ: *Дочь моя!* —
А Ганніилъ со взоромъ неизреченнаго
блаженства вскричалъ: *Дражайшая*

супруга! Іоанна возсіяла седмери-
чнимъ солнечнымъ свѣтомъ, и радость
ея превзошла всякое воображеніе! —

Пресмыкаясь во прахъ, могу ли я
словами праха изобразить тамошнюю
жизнь и блаженство? — Братья и Се-
стры, читающіе сіе приключеніе! Му-
жайтесь! Все, ожидающее васъ въ оной
жизни, достойно труда вашего.

Все небесное общество перенеслось
потомъ въ Царство Свѣта, и на сап-
фирныхъ скрижаляхъ во Храмъ Ган-
ніиловомъ прочли высокое свое на-
значеніе.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОТКРЫТІЕ ВЕЛИКАГО ТАИНСТВА.

АВДІИЛЪ, СЕЛУНИИЛЪ и ТАВРИМОНЪ.

(Въ Царствѣ Дѣтскомъ.)

АВДІИЛЪ. Здравствуй, братъ Селуніилъ! Ты ходишь уединенно въ тѣни миршовой рощи, углубясь въ мысли такъ, какъ бы искалъ проникнуть въ таинства Вѣчности.

СЕЛУНИИЛЪ. Я чувствую здѣсь крошкое дыханіе всеоживляющей Напуры и благоговѣю предъ Всевышнимъ.

АВДІИЛЪ. На лицѣ швоемъ чишаю я глубокія размышленія: духъ швой шрудися надъ изслѣдованіемъ таинъ.

СЕЛУНИИЛЪ. Видишь ли ты сего Незнакомца? Какъ величественно возходишь онъ на холмъ между пальмовыми древами!

АВДІИЛЪ. Вижу: онъ безпокойно
взираєть на свѣтъ; кажеться, какъ
будто ему здѣсь не хорошо. *

СЕЛУНИИЛЪ. Онъ алчєть прими-
ришься съ Богомъ.

АВДІИЛЪ. Развѣ онъ не вѣрилъ
шайнѣ искупленія?

СЕЛУНИИЛЪ. Онъ *Браминъ*, и не
зналъ Христіанства.

АВДІИЛЪ. Испытана ли жизнь его?

СЕЛУНИИЛЪ. Я сюда привелъ его;
онъ одинъ изъ благороднѣйшихъ ду-
ховъ, и я гошовлюсь шеперь ошкрыць
ему шайну примиренія.

АВДІИЛЪ. Нѣкогда сами Ангелы, вѣ
сіе шайнство проникнушь желали.

СЕЛУНИИЛЪ. Хвала Ишпочнику при-
сносущаго свѣта за сіе ошкровеніе!
Извѣсно ли тебѣ также, брашъ Ав-

* Кто вѣ сердцѣ своемъ не увѣренъ еще
о примиреніи съ Богомъ, тошъ и на не-
бесахъ не можєть почєшъся блажен-
нымъ.

діилъ, что сей свѣтъ позлашилъ уже
верьхи горъ въ самой юдоли шѣней и
смерти?

АВДІИЛЪ. Да, я узналъ, что и
между смертными многіе проникають
въ сіе таинство: воздадимъ за сіе хва-
лу Господу! Скоро свѣтъ побѣдитъ
тьму совершенно. *

СЕЛУНИЛЪ. Будь моимъ спутни-
комъ, Авдіилъ! — Пойдемъ вмѣстѣ
къ сему незнакомцу! —

АВДІИЛЪ. Охотно, братъ Селу-
ниилъ.

СЕЛУНИЛЪ. Миръ тебѣ, Таври-
монъ, въ долинахъ мира! — Скажи:
надъ чѣмъ душа твоя трудится, и
для чего въ спранѣ покоя ты не мо-
жешь обрѣсти себѣ покоя? Открой
намъ внутренность твою. —

---

* Въ семъ случаѣ Филадельфійская цер-
ковь имѣетъ надъ всѣми преимуществъ,
и будетъ прародишельницею сыновъ цар-
ствія Божія.

ТАВРИМОНЪ. Охотно расскажу вамъ, божественные Юноши, исторію нравственной моей жизни. Прошу васъ: проясните мнѣ мою!

СЕЛУНИИЛЪ. Мы съ радостію это исполнимъ.

ТАВРИМОНЪ. Я *Браминъ*. Отецъ мой съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ внушалъ мнѣ: что высочайшая должностъ, и мать всѣхъ должностей, есть исполненіе любви ко всѣмъ людямъ; что дѣлать добро всякому, стараться о нравственномъ совершенствѣ каждого человека — всегда и всѣми силами — есть единое средство благоугодить Существу всѣхъ существъ; и что все, дѣлающее насъ способными къ исполненію сей обязанности, есть *добродѣтель*; * но что

---

* Добродѣтелью называется сила, или способность къ исполненію чего либо. — Все, что даетъ намъ силу и способность къ исполненію истиннаго благочестія, любви къ Богу и людямъ, есть ис-

между всѣми добродѣтелями главнѣйшая — опреченіе отъ всѣхъ чувственныхъ удовольствій — должна отъ самаго дѣйствія непрерывно сопровождать насъ до самой смерти; ибо чрезъ сіе умерщвляется самолюбіе, всегда препятствующее намъ дѣйствовать безприспирасно къ цѣли нравственнаго совершенствованія своего и своихъ ближнихъ. Особливо гордость, столь намъ природная, была предсшавлена мнѣ въ самыхъ живыхъ краскахъ смертію всякой дѣятельности въ добрѣ. — Отецъ мой говари-

---

тинная Добродѣтель. А потому въ основаніи каждая Христіанская Добродѣтель не наша, но даръ Божій, и слѣдовательно не Добродѣтель, но Благодаръ. Замѣнить надобно, что здѣсь говоришь Язычникъ! Естественной же философской добродѣтели даетъ силу одно Самолюбіе: почему рождаетъ она гордость, высокомеріе и осужденіе; благодаръ же напрошивъ того производитъ добродѣтель божественную и истинное смиреніе.

валѣ: что гордостѣ любишѣ только себя, всѣхѣ же другихѣ считаешѣ за ничто, слѣдовательно совершенно противна закону чловѣколюбія; гордаго всякой ненавидишѣ, а пошому и ученіе и дѣятельность его не могутѣ имѣть дѣйствія на благо другихѣ. Правишѣ всѣхѣ вещей правишѣ и направляешѣ все къ цѣли непоспичими пушями, и крапкозрящій чловѣкъ содѣйствуешѣ ему въ семѣ темномѣ лабиринтѣ: но еспѣли онѣ гордѣ, то желая дѣйствовать всегда *самовластно*, по своимѣ правиламѣ, производѣйствуешѣ пушямѣ Всемудраго и Всемогущаго. * Смиренаго же и кропкаго всякой любишѣ. Онѣ охотно учишѣ отѣ другихѣ, и пошому всегда расшешѣ въ мудрости; цѣнишѣ себя по настоящему достоинству, и опчасу усматриваешѣ болѣе несовер-

---

* О семѣ должно помыслишѣ шѣмѣ съ большимѣ уваженіемѣ, что это модная болѣзнь нынѣшняго времени.

шенствѣ въ себѣ, нежели въ другихъ: почему непрестанно спарается о исправленіи себя, а съ собою и всѣхъ его окружающихъ; съ покорностію испытуешъ ежеминутно волю Божію, ходишъ въ его присущствіи и дѣйствуешъ не яко власшелинъ, но какъ служитель Вышняго. Вотъ мои правила, копорыя опѣ юности до смертинаблюдаютъ я спарался. *

АВДІИЛЪ. Слава Господу, вглавовавшему сіи словеса жизни въ души всѣхъ человѣковъ! — Но коль мало ищущихъ и обрѣщающихъ сіе сокровище, глубоко въ нихъ сокрытое! Намъ открылъ оное Всевышній еще

---

* Что я сказалъ здѣсь немного, доказательствомъ тому факиры, исполняющіе невѣроятныя умерщвленія чувственныхъ похотѣній: но какъ сіе дѣлается обыкновенно для того только, чтобъ казаться святыми, то оно есть мерзость предъ Богомъ. — У Тавримона же основаніе было чистое, пошому онъ и содѣлался блаженнымъ. —

въ земномъ нашемъ ристалищѣ: слава ему во вѣки! — Опецъ швой вѣдалъ ли о Христіанствѣ? — И было ли оно вѣдомо тебѣ?

ТАВРИМОНЪ. Мы часто обѣ немъ слыхали, но всегда съ отвращеніемъ отъ него удалялись. *

АВДІИЛЪ. Для чего?

ТАВРИМОНЪ. Какъ можетъ чловѣкъ, преданный какъ преслупникъ позорной казни, бытъ Богомъ? И какъ можетъ народъ, провождающій жизнь въ ужаснѣйшихъ порокахъ, по предающійся грубому идолопоклонству, по отвергающій всякое богослуженіе и съ чрезвычайною гордосцію соединяющій непомѣрное корыслолюбіе, грабительство, убійство и необузданное сладоспрасіе — какъ можетъ, говорю, такой народъ имѣть истинный законъ и ученіе божественное? **

---

* Горе тѣмъ, отъ коихъ соблазнъ приходитъ!

** Здѣсь судитъ Тавримонъ по наружно-

АВДІИЛЪ. Такъ ты зналъ Христіанъ въ своемъ опечесствѣ? Не читывалъ ли ты ихъ священныхъ книгъ?

ТАВРИМОНЪ. Что могло меня къ тому побудить? Но для чего ты, Небесный жишель, вопрошаешь меня о семъ нечеспивомъ народѣ? *

АВДІИЛЪ. Ты скоро то узнаешь.

СЕЛУНИИЛЪ. Ты сказалъ прежде, что всѣ правила опца пвоего опѣ юности до самой смерти спарался ты наблюдать: опѣ чего же теперь ты неспокоенъ?

ТАВРИМОНЪ. Въ томъ-то и состоишъ мой вопросъ, который рѣшишь я васъ прошу. Еспьли ты изъяснишь мнѣ сію великую пайну, то

спи. Но Христіане въ Осп-Индіи, къ несчастію, подають къ тому большой поводъ.

* Кто знаетъ, какъ Европейцы поступаютъ съ народами другихъ частей свѣта, тому неувидишельно покажется опвращеніе Тавримона опѣ Христіанъ; описаніе ихъ поступковъ не лъзя читать безъ содроганія и ужаса! —

я буду счастливъ. Я перескажу вамъ всю исторію моей жизни. — Возрасшая въ самопознаніи и нравственномъ исправленіи, я открывалъ въ себѣ ошчасу глубочайшія бездны поврежденія. По спрогомъ испытаніи себя я нашелъ, что и лучшія мои добродѣли были нечиспы и произшекали не отъ чувства долга, а отъ гордости, самолюбія, чувствованія своего превосходства, шщеславія и другихъ подобныхъ побужденій; наконецъ, къ крайней горести, я примѣшилъ, что хоша я и имѣлъ способность къ добру, но она была какъ бы въ цѣпяхъ у порока: — откуда же сіе крайнее поврежденіе въ человѣческомъ естествѣ? Чистѣйшее, святѣйшее и праведнѣйшее существо не могло сотворить его споль нечиспымъ и поврежденнымъ. Однакожъ человѣкъ въ основаніи своемъ золъ; кто сіе отрицаетъ, тотъ не обращалъ еще взора во глубину

души: какая нерѣшимая загадка! * — При дальнѣйшемъ многотрудномъ и долговременномъ изслѣдованіи нашелъ я, что Провидѣніе совсѣмъ иначе поступаетъ съ тѣми, кои, спараяся объ исправленіи себя и другихъ, непрестанно шцапся угождать Богу. Оно ведетъ сихъ человѣковъ по такой святой и прямой спезѣ, что должно бытъ слѣпому, чтобы не видѣть, какъ оно всѣ самомалѣйшія обстоятельствова наклоняетъ въ пособіе нравственному ихъ совершенству. И такъ неоспоримо изъ сего слѣдуетъ, что Божество все еще любитъ родъ человѣческой, даже въ основаніи своемъ развращившійся, и cadaго ведетъ къ надлежащей цѣли, еспли онъ только того прямо хочетъ. **. Но какъ же

---

* Не бѣда, что Тавримонъ нашелъ сію загадку неразрѣшеною: но еспли Христіанинъ поже находитъ, то надо пожалѣть о немъ.

** Сіе замѣчаніе было для него полярною звѣздою, за которою могъ онъ во тьмѣ своей спрансповатъ.

чистѣйшему, святому и совершенно праведному существу любить прошивъ естества своего существо нечистое, незаконное и неправедное? — Это опять противорѣчіе. * — Всего же непонятнѣе и спрашнѣе, въ разсужденіи будущаго, для меня то, что Богъ, по безконечной и совершенной своей правдѣ, никакъ не можетъ и малѣйшей неправды осшавишь безъ наказанія; я же, не смопря на всю мою ревность, ежедневно упускалъ много случаевъ къ добру и напрошивъ того мыслями, словами и дѣлами производилъ много зла, которое въ мірѣ и теперь еще продолжаешъ дѣйствія свои: слѣдовательно правосудіе Божіе должно необходимо за упущенное добро попребовать отъ меня отчета; а за сдѣланное зло долженъ я необходимо получить соразмѣрное наказаніе. Сколь

---

* Сіе могло бы привешъего къ мысли, что должно бышь примиренію чловѣковъ съ Богомъ.

увѣришельно ожидаю я теперь сей плачевной судьбины, столь же справедливо и то, что сей жребій есть жребій *всѣхъ* смертныхъ: какъ же согласишь сіе съ премудростію и благостію Божескою? О Прославленные! естли вы можете, откройте мнѣ сіе высокое и глубокое таинство! *

СЕЛУНИИДЪ. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды! Ибо они насытятся. ** Увѣренъ ли ты совершенно, что Богъ, возхопѣвъ сотворишь существа разумныя, долженъ былъ сотворишь ихъ *совершенно свободными*, то есть: безъ превозмогающей склонности ни къ добру, ни ко злу? †

---

* Всякое покушеніе философовъ рѣшить сію загадку, безъ искупленія чрезъ Христа, есть мечта.

** Самое желаніе удостовѣриться въ искупленіи чрезъ Христа есть гладъ и жажда правды.

† Размышляющаго Чипапеля прошу изслѣдовать сіе положеніе спрожайшимъ образомъ. Естлибы онъ сотворилъ насъ съ превозмогающею склонностію къ до-

ТАВРИМОНЪ. Что не ко злу, это я вижу: а для чего бы и не къ добру?

СЕЛУНИИЛЪ. Безъ совершенной свободы можно ли вообразить себѣ нравственность, а безъ нравственности истинное достоинство? — Если бы въ человѣкѣ находилась врожденная склонность, то бы сія склонность уже, а не разумъ, была побудишелою причиною воли: слѣдовательно разумное существо не было бы разумнымъ; потому что разумнымъ называешься то, копорымъ разумъ правитъ. *

ТАВРИМОНЪ. Это справедливо. И такъ Богъ сотворилъ человѣка совершенно свободнымъ. Но откуда же природная склонность его ко злу?

СЕЛУНИИЛЪ. Какъ ты думаешь: дитя — кошорое бы мудрый и благо-

---

бру, то бы мы были только блаженными машинами.

* Сія рѣчь Селуниила есть самая важнѣйшая въ ученіи о паденіи Адама.

вспитивый отецъ съ неутомимою бдительностью, отъ первыхъ его побужденій до превращенія склонностей его въ дѣла, воспитывалъ и охранялъ — получишь ли превозмогающую склонность къ добру? *

ТАВРИМОНЪ. Безъ сомнѣнія.

СЕЛУНИИЛЪ. А если отецъ злонаправный, примѣромъ и руководствомъ своимъ, внушая ему будетъ прошивное: то дитя не получишь ли склонность ко злу?

ТАВРИМОНЪ. Конечно!

СЕЛУНИИЛЪ. Извѣстно ли тебѣ, что въ *физической* натурѣ есть склонности, или побудительныя причины ко злу, которыя переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ? **

ТАВРИМОНЪ. Точно такъ.

СЕЛУНИИЛЪ. И такъ видишь ли,

* Изслѣдуйте сіе положеніе съ наивозможною точностью, дабы совершенно удостовѣриться въ ономъ.

** И сіе положеніе надлежитъ изслѣдовать, какъ главное основаніе.

что опецъ, поврежденный физически и морально, раждаетъ, и необходимо раждать долженъ, также физически и морально поврежденныхъ, то есть ко злу склонныхъ, дѣшей? *

ТАВРИМОНЪ. Я это ясно вижу.

СЕЛУНИИЛЪ. И такъ естѣли всѣ человеки, сколько мы ихъ знаемъ, склонны ко злу, или имѣютъ склонность ко злу: то сія склонность должна бытъ наслѣдственная, которое наслѣдство должно ити отъ праотца.

ТАВРИМОНЪ. Совершенно вижу справедливостъ сего заключенія; ибо могли ли человеки всѣ согласиться принявъ въ нашуру свою склонность ко злу? Но и въ такомъ случаѣ склонность ко злу напередъ уже предположить должно.

СЕЛУНИИЛЪ. Ты судишь справедливо. — Изъ сего слѣдуетъ, что праотецъ челоѣковъ сотворенъ совершен-

---

* И такъ сіе заключеніе обьясняетъ теперь грѣхи наслѣдственные.

но свободнымъ , безъ склонности ко злу: но онъ былъ прельщенъ вышшимъ злымъ существомъ , попустивъ себя прельстишь ему. *

ТАВРИМОНЪ. Теперь все это мнѣ понятно: но я еще не разумѣю , для чего Богъ сотворилъ такое существо, о кошоромъ напередъ вѣдалъ, что оно падетъ? **

СЕЛУНИИЛЪ. Но естли онъ сотворилъ великое множество родовъ разумныхъ существъ съ совершенною свободою, и поставилъ ихъ въ такое положеніе, что достиженіе добра было имъ легко, а склонность ко злу на-

---

* Я не понимаю , какъ послѣ всѣхъ сихъ доводовъ, ушверждаемыхъ разумомъ и Откровеніемъ, можно еще сомнѣваться о паденіи Адама? Естлибъ только приняли трудъ изслѣдовать сіе до прями: то нашли бы, что глубоко скрывающееся невѣріе сего причиною. Но сколь умствование сіе ложно, доказываютъ по всѣ находящіяся въ немъ противорѣчія.

** Это также камень, о который многіе прешыкаются: но прошу замѣнить хорошенько отвѣтъ Селуніила. —

ходилась только въ возможности; между безчисленными же родами были два только такихъ, которые пали *; однако и симъ двумъ не только оставилъ онъ свободу сдѣлаться добрыми, но еще даровалъ и средства къ тому **: то въ такомъ случаѣ чѣмъ можешь ты обвинить Всеблагаго? Наконецъ помысли, что Богъ однимъ взоромъ объемлетъ всю безконечность; что ему извѣстно все будущее, которое для него есть настоящее; что у него нравственный миръ есть великое цѣлое, которое онъ, по пространству и времени, обозрѣваетъ вдругъ: и такъ не излишняя ли дерзость и да-

---

* Сии два рода составляютъ злыхъ духовъ и челоуковъ: прочіе классы, коихъ по Священному Писанію весьма много, называющіяся вообще Ангелами, или Небесными благими духами.

** А еслибъ еще Богъ имѣлъ въ виду такой оборотъ, что оба сии рода существъ содѣлались бы наконецъ гораздо блаженнѣе, нежели какъ были до паденія: тогда что сказать намъ останется?

же не безуміе ли то будетъ, когда конечный духъ захочетъ опредѣлять вещи безконечныя?

ТАВРИМОНЪ. Прости мнѣ, Прославленный! Ты открылъ во мнѣ еще новую нечистоту; я чувствую, что тайная гордость была причиною моего вопроса.* По чшо мнѣ испытывать то, чшо непоспѣжимо? Но научай меня! Я буду вопрошать только о такихъ вещахъ, кои до рода моего касаются. Позволь мнѣ еще представить: теперь, когда всѣ чловѣки имѣютъ преобладающую склонность ко злу, слѣдовательно несовершенно уже свободны, какъ *можетъ* Божеское Правосудіе требовать, чшобы они достигали совершенства? — Однако же оно *должно* сего требовать; ибо совершенное правосудіе безпредѣль-

---

* Гордость есть всегдашняя причина Невѣрія.

ной власши не можешъ попустишь, чшобы одинъ обижалъ другаго.

СЕЛУНИИЛЪ. Замѣшь хорошенько, Тавримонъ, что шеперь сказашъ я тебѣ намѣренъ. — Хошя Богъ и сошворилъ сущесшва разумныя; но они не могли бышь шакже безконечными, какъ онъ: поняшно ли это тебѣ?

ТАВРИМОНЪ. Понимаю: иначе они были бы Богомъ, слѣдовашельно имъ самимъ.

СЕЛУНИИЛЪ. Справедливо. Сія конечносшь долженсшвовала сосшояшь въ томъ, чшобы они получали идеи не вдругъ, а посшепенно одну за другою, слѣдовашельно находились бы во времени.

ТАВРИМОНЪ. Это неоспоримо.

СЕЛУНИИЛЪ. Поелику же Богъ познаешъ все *вдругъ*, а конечныя сущесшва *живутъ во времени*, и слѣдовашельно Божеской волѣ надлежало опкрывашься имъ не вдругъ, а посше-

пенно въ единичныхъ другъ за другомъ слѣдующихъ идеяхъ, или понятіяхъ: то Богъ родилъ ошъ вѣчности изъ самаго себя Существо, которое съ одной стороны объемлетъ безконечность Божественнаго разума; все вѣдаешъ, что вѣдаетъ Богъ, и есть самъ Богъ: а съ другой имѣетъ способность развивать изъ Божественнаго ума *одну идею за другою* и открывать оныя существамъ конечнымъ. — Сей высочайше священный называется *Вѣчное Слово*, или *Единородный Сынъ Божій*. Ты можешь легко примѣишь, что безъ сего средняго существа никакое сообщеніе, или связь между *безконечнымъ* и *конечнымъ* не были бы возможны.

ТАВРИМОНЪ. Теперь раждается во мнѣ великій свѣтъ.

СЕЛУНИИЛЪ. Слушай далѣе. Слово сіе, или Сынъ Божій, въ каждомъ конечномъ существѣ, слѣдовательно и

въ *каждомъ телесѣхъ*, даже въ самомъ развращѣннѣйшемъ, непрестанно изрекаетъ великій и всеобщій законъ; и сія дѣйствующая сила въ каждомъ конечномъ существѣ называется *Духомъ* отъ Отца исходящимъ.

ТАВРИМОНЪ. Ахъ, сколь благотворны сіи божественныя истины! Теперь я узнаю, что есть *нравственное чувство* и *совѣсть* въ человѣкѣ? *

СЕЛУНИЙЛЪ. Каждый человѣкъ при точномъ испытаніи себя увидитъ, что слово Божіе во всякомъ случаѣ открываетъ ему *вѣдѣніе* его по, что справедливо; и онъ, не взирая на склонность свою ко злу, всегда имѣ-

---

* Нравственное чувство есть гласъ Натуры въ человѣкѣ; а Совѣсть пошъ же гласъ возвышенный, или исправленный чрезъ религію. По качеству религіи перемѣняется и сіе нравственное чувство; провинными поступками Совѣсть заглушается, и наконецъ не изрекаетъ уже чистой воли Божіей.

ещѣ еще силу слѣдовать закону Божію, *если захочетъ*. Спoишѣ ему только вѣрно и непрестанно сражаться съ своею склонностію: то она обитая въ немъ Божеская сила будетъ укрѣплять его опчасу болѣе. Спoишѣ ему только искренно захотѣть сдѣлаться добрымъ и блаженнымъ, то въ силѣ у него никогда не будетъ недостатка. *

ТАВРИМОНЪ. Все это совершенно справедливо, и все это я испыталъ на самомъ себѣ: при всемъ томъ большая часть человѣковъ злы, и опчасу становятся злѣе; почему сіи мѣры къ исправленію ихъ, кажется мнѣ, не довольно сильны.

СЕЛУНИИЛЪ. Но прилично ли Богу принуждать свободныхъ шварей? И все ли должно совершиться на первой

---

* Совершенно Богу преданная воля есть магнитъ, прищипывающій силы изъ божественной стихіи.

степени человеческого бытія въ земной жизни? Можешь ли ты знать, что въ семъ второмъ періодѣ, что въ будущихъ — случится?

ТАВРИМОНЪ. Извини меня, Прославленный! Опять я разсуждаю глупо. — Но объясни мнѣ и прочее, особливо касающееся до примиренія человека съ Богомъ?

СЕЛУНИИЛЬ. Съ сердечною радостію то исполню. — Склонность ко злу, отъ Праотца заимствованная, постепенно возрастала и усиливалась въ людяхъ: а Искуситель отчасу болѣе разпространялъ Царство свое на земли.

ТАВРИМОНЪ. Кто сей Искуситель?

СЕЛУНИИЛЬ. Мощный Князь, обитавшій съ родомъ своимъ на земли прежде людей, и по собственному побужденію, безъ всякаго прельщенія, уклонившійся отъ Бога. * Ты

---

* См. первой части Приключеніе четвертое.

узнаешь впредь какъ его, такъ и его правленіе.

ТАВРИМОНЪ. Въ прежней жизни моей я имѣлъ нѣкошорое о' семъ свѣдѣніе. *

ТАВРИМОНЪ. Провидѣніе устроило *различныя* способы для приведенія чело-
вѣковъ къ познанію ихъ поврежде-
нія и изведенія ихъ на спезю добра.
Оно образовало даже' собспвенное свое
Царство, и избравъ къ тому особен-
ный народъ, посшавило въ Правители
оному единороднаго сына Божія, ко-
торый чувспвенно и различнымъ обра-
зомъ опкрывался сеѣму народу подъ
именемъ *Иеговы*. Но и сіе не помогло,
и избранный народъ сдѣлался почти
хуже другихъ народовъ.

ТАВРИМОНЪ. Это ужасно! Кто
былъ сей злополучнѣйшій народъ?

СЕЛУНИИЛЬ. Іудеи.

* Поелику Персы были его сосѣди, то онъ вѣроятно слыхалъ объ Ариманѣ.

ТАВРИМОНЪ. Іудеи! Теперь я не удивляюсь, что сей презрѣнный народъ скишается по землѣ и такъ развращился и изпорченъ.

СЕЛУНИИЛЪ Далѣе. Когда поврежденіе между человѣками разпроспранилось повсюду, и опытъ съ народомъ Божіимъ оказался неудаченъ: то вѣчная Любовь начершала новый, чудный, мудрый и исполненный чрезвычайныя любви способъ, который все небо привелъ въ восторгъ и изумленіе. — Сынъ Божій, или Іегова, между шѣмъ, какъ святыя въ народъ его оплакивали всеобщее развращеніе, сдѣлалъ имъ нѣкопорыя намѣтки, что нѣкогда явишся *Искушитель*. Отсюда разпроспранилось вездѣ преданіе, что нѣкогда нѣкакой Царь Іудейской придетъ и возставитъ вѣчное царство мира, въ коемъ единая правда владычествовать будетъ. Сему преданію хотя всѣ вѣрили, но каждый толковалъ его по своему пониманію; и поелику большая

часть людей была весьма чувствительна: то и ожидала не другого кого, какъ только мірскаго Царя, который сдѣлаетъ Іудеевъ властителями всего міра.

ТАВРИМОНЪ. Это было весьма ошибочно: я скорѣе бы изъяснилъ преданіе сіе такъ, что придетъ Учитель, который изъяснитъ всѣмъ должности человека, дабы никто не могъ уже извиняться невѣдѣніемъ. Это нужно было тѣмъ болѣе, что чрезвычайное поврежденіе оглушило всѣхъ такъ, что они не слыхали уже въ душахъ своихъ гласа вѣчнаго Слова. *

СЕЛУНИИЛЪ. Ты судишь весьма справедливо: но ты не угадываешь, кто былъ сей Учитель. — Самъ Іегова, вѣчное Слово, едиnorodный Сынъ Божій, безъ содѣйствія мужа, оду-

---

* Не удивляйтесь, что это говоритъ Тавримонъ; каждый прямо нравственный, добрый и мыслящій человекъ на его мѣстѣ сказалъ бы тоже.

шевилъ духомъ своимъ человѣческое сѣмя въ пречистой Іудейской дѣвѣ, и родился отъ нея какъ истинный человекъ: но безъ склонности ко злу, слѣдовательно совершенно свободнымъ, какъ былъ Праотецъ человекъ до паденія.

ТАВРИМОНЪ. Я изумленъ! Какія премудрыя мѣры! И такъ явился тогда новый Праотецъ. Ахъ! для чего не каждому человеку на земли это извѣстно?

СЕЛУНИИЛЪ. Большею части человекъ однакожъ оно извѣстно: прочіе узнаютъ по здѣсь.

ТАВРИМОНЪ. Кто же тѣ блаженные, коимъ сіе великое таинство извѣстно?

СЕЛУНИИЛЪ. Будь терпѣливъ, ты это узнаешь. — И такъ сынъ Божій сдѣлался человекомъ и при томъ самаго низкаго состоянія, хотя мать его, въ бѣдности тогда находившаяся, происходила отъ Царскаго рода

Онѣ воспитанѣ былѣ въ страхѣ Божіемѣ, выросѣ и показалѣ чрезвычайный умѣ и всепревосходящую премудрость.

ТАВРИМОНЪ. Этому дивисься нечего.

СЕЛУНИИЛЪ. Наконецѣ, когда онѣ рѣшился принять на себя сынѣ Учишеля и возвѣсшить о цѣли посольства своего: то Князь шмы дерзнулѣ искушать его, также какѣ и перваго человека; ибо, не вѣря достоинству мужа сего, думалѣ прельсшить его самымѣ соблазнительнымѣ и лукавымѣ образомѣ. *

ТАВРИМОНЪ. Но вѣрно ему то не удалось.

СЕЛУНИИЛЪ. Безѣ сомнѣнія. Онѣ пораженѣ былѣ собственнымѣ оружіемѣ, и тогда уже Сынѣ Божій началѣ дѣйствовать къ цѣли своей. По-

---

* Здѣсь должно разумѣть о искушеніи Христа въ пустынѣ.

елику же чувствѣнность есть въ чело-
вѣкѣ собственно въспитище всякаго
зла: то онъ взялся за самый корень, и
для того сдѣлался человекомъ самага
низкаго состоянія. Онъ открылъ чи-
стый и ясный законъ нравственности
и оживилъ его въ высочайшей степе-
ни, такъ что учинился высочайшимъ
образцомъ совершеннаго человѣчества.
Ученіе свое подтверждалъ онъ дѣлами
не обыкновенными, такъ что самый
разумъ увѣрился могъ, что онъ
исстинный Посланникъ Божій къ чело-
вѣкамъ; — словомъ, онъ былъ прелю-
безнѣйшій и превосходнѣйшій чело-
вѣкъ, какой когда либо бывалъ, или
быть можетъ.

ТАВРИМОНЪ. Вѣрю. О! какъ духъ
мой плѣняется любовію къ сему пре-
восходному мужу, коему не знаю име-
ни! * Но какъ поступилъ тогда на-
родъ его?

---

* Сію чрезмѣрную любовь къ Искупите-
лю оказываютъ всѣ обращающіеся Языч-

СЕЛУНИИЛЪ. Виновникъ всякаго зла
ополчилъ прошивъ него всѣ свои си-
лы; ибо онъ понималъ, что сей чело-
вѣкъ для него и для царства его бу-
детъ опасенъ: и такъ умыслилъ по-
губить его смертію. На сей конецъ
онъ возбудилъ прошивъ него ярость
въ Князяхъ и Священникахъ Іудей-
скихъ, такъ что они спали гнать его
и всѣми возможными способами искалъ
смерти сего Праведника, и подъ пред-
логомъ справедливости приговорили
его къ поносной казни. *

ТАВРИМОНЪ. Понимаю, что чрез-

ники, какъ скоро слова его дѣлаютъ въ
нихъ впечатлѣніе и прогаютъ сердце.
Боже! а между Христіанами находятся
такіе, кои ненавидятъ Спасителя! Сочини-
тель путешествія Софіи изъ Ме-
меля въ Саксонію весьма справедливо
судитъ, что ненависть ко Христу и
дѣйствія ея въ чловѣкахъ доказываютъ
бышіе діавола; ибо въ чловѣческой на-
турѣ она не существуетъ.

* Тоже самое причиною и нынѣшней не-
нависти ко Христу.

вычайно чувствственные, внутренно раз-
 вращившіеся человеки, не могли лю-
 бить сего Праведника, который со-
 вершенно былъ во всемъ имъ проши-
 венъ: а напрошивъ того долженство-
 вали ненавидѣть его до крайности.
 Но вѣрно ухищренія ихъ не удались
 имъ.

СЕЛУНИИЛЪ. Добрый Тавримонъ!
 Такъ думаешь каждый недальнозря-
 щій человекъ. Сей же самый планъ
 неисшовой злобы обращенъ былъ Сы-
 номъ Божиимъ къ достиженію высокой
 цѣли его.

ТАВРИМОНЪ. Какъ? Что мнѣ чрезъ
 это разумѣть должно?

СЕЛУНИИЛЪ. Я тебѣ объясню это,
 и тогда ты съ глубочайшимъ благо-
 говніемъ падешь предъ неизслѣдимою
 премудростію Божескою. Ты увидишь,
 что человеку, долженствовавшему
 быть высочайшимъ примѣромъ нрав-
 ственнаго совершенства и высочай-
 шимъ образцомъ свящости, надлежало

искушену бытъ во всѣхъ најжесточайшихъ опытахъ.

ТАВРИМОНЪ. Это понимаю.

СЕЛУНИИЛЪ. Сіе было первою причиною, что сынъ Божій добровольно подвергъ себя поносной смерти, которой бы легко онъ избѣжать могъ; и въ семъ случаѣ побѣдилъ онъ нравственное поврежденіе /человѣческой напуры до того, что среди ужаснѣйшихъ страданій, при самой смерти, онъ молилъ еще Отца своего небеснаго о прощеніи врагамъ его. *

ТАВРИМОНЪ. О благость неизреченная!

СЕЛУНИИЛЪ. Вторая причина, побудившая его умереть, состояла въ томъ, что онъ чрезъ побѣду сію надъ

* Сіи первую причину страданія Христова хорошенько должно замѣнить; ибо она облагороживаетъ душу его до совершеннаго нравственнаго достоинства, которое впрочемъ, безъ сего опыта, не могло бы развиться и содѣлаться силою къ освященію и другихъ.

всѣмъ чувствѣннымъ поврежденіемъ, и чрезъ силу высочайшей, но человѣку всегда достижимой добродѣтели, пріобрѣлъ право на все искупленное имъ человѣчество. *

ТАВРИМОНЪ. Я никогда еще не имѣлъ сихъ все превосходящихъ и сердце восхищающихъ поняшій.

СЕЛУНИИЛЪ. Но помнишь ли ты прежде сказанное мною, что Божество, само по себѣ, внѣ всякаго времени, и въ вѣчности для каждаго конечнаго существа непоспжимо и неприступно; и что наконецъ оно родило изъ себя Вѣчное Слово, чрезъ которое и можетъ сообщаться существамъ конечнымъ?

ТАВРИМОНЪ. Все это у меня въ свѣжей памяти, и я вижу, что иначе и быть не могло.

---

* Сіе право получить могъ одинъ только Богъ, который бы былъ приномъ и совершенный человѣкъ. Надлежитъ внимать далѣе словамъ Селуніила.

СЕЛУНИИЛЪ. И такъ тебѣ еще надлежитъ узнать, что сей едиnorodный сынъ Божій, единственныи познавательный Богъ, Царь и Правитель всѣхъ конечныхъ существъ, долженствовалъ бытъ Представителемъ Божества.

ТАВРИМОНЪ. Это весьма справедливо.

СЕЛУНИИЛЪ. А какъ сей Представитель Божества въ одномъ лицѣ и нераздѣльно соединенъ былъ съ человѣческою натурою: то человѣческая натура, понеже въ немъ не было двухъ одно другому противныхъ началъ, не должнаствовала ли вознестись до высочайшаго нравственнаго достоинства, до Божественной натуры?

ТАВРИМОНЪ. Теперь понимаю и сіе великое таинство. Сей высочайше дивный человекъ не могъ бытъ вмѣстѣ и несовершеннымъ человекомъ и совершеннымъ Богомъ.

СЕЛУНИИЛЪ. И такъ ты въ состо-
яніи понять и то, что человѣческая
нашура Сына Божія не иначе могла
выдержатъ высочайшіе опыты добро-
дѣтели и святости, какъ путемъ
высочайшаго спраданія, къ какому
только человѣкъ удобенъ. *

ТАВРИМОНЪ. Такъ: теперь все
это я понимаю. Боже! Какая неиз-
слѣдимая премудрость! — Тѣмъ же
самымъ оружіемъ, чрезъ которое врагъ
всякаго добра хотѣлъ низвергнуть и
побѣдить своего противника, былъ
онъ низверженъ и побѣжденъ самъ.

СЕЛУНИИЛЪ. Но, любезный Таври-
монъ, какъ ты удивишься, когда я
изъясню тебѣ прешью причину спра-
данія и смерти Богочеловѣка! Тогда
изсякнешъ источникъ всей твоей пе-
чали. — Ты судилъ весьма справед-

---

* Ахъ! если бы съ простою и безъ
предубѣжденія захотѣли изслѣдовать
всѣ сіи основанія: то по истинѣ не мо-
гли бы уже въ нихъ сомнѣваться!

ливо, что Божеское правосудіе пребываетъ полнаго удовлетворенія за все упущенное добро и соразмѣрнаго наказанія за все содѣянное зло. — Но сіе Правосудіе наконецъ совершенно удовлетворено Сыномъ Божіимъ, который, бывъ человекъ всесвятейшій, понесъ наказаніе величайшаго злодѣя и яко жертва примиренія умеръ за грѣхи человеческіе: Сею смертію, сею жертвою, любезный Тавримонъ, удовлетворяешься все то, что ты упустилъ добраго и что содѣлалъ злаго. *

ТАВРИМОНЪ. О неизреченная любовь сего великаго и поклоненія достойнаго Искупишеля! О Прославлен-

---

* Сіе - то и есть собственно тайна примиренія, споль прудно разумомъ постигаемая; но которая становится понятною, еслии вспомнить, что Христосъ смертію своею приобрѣлъ правленіе надъ міромъ и чрезъ то уничтожаетъ грѣхъ, употребляя оный даже средствомъ ко благимъ цѣлямъ.

ный! Ты открылъ во мнѣ неизсякаемый источникъ блаженства. . . . Но еще предложу тебѣ вопросъ: какъ могушъ заслуги другаго удовлетворяшъ Божескому правосудію? По непремѣннымъ законамъ онаго удовлетворяшъ долженъ тотъ, кто согрѣшилъ, и наказываться только тотъ, кто сдѣлался преступникомъ.

СЕЛУНИЛЪ. Я веду тебя къ познанію сего тайнства, во вѣки для конечнаго духа недомыслимаго, и ты совершенно успокоишься. — Такимъ образомъ Сынъ Божій умеръ, и въ третій день, божественною своею силою просвѣтивъ человѣческую свою нашуру, тѣло свое, до свѣтлости небесной, воскресъ изъ гроба и сѣлъ одесную Отца на престолѣ всѣхъ міровъ, гдѣ царствуетъ нынѣ и будетъ царствовать во вся вѣки. Теперь, любезный Тавримонъ, обрати все швое вниманіе къ моей рѣчи. Ты помнишь, что я сказалъ прежде, что Сынъ Бо-

жій вѣ каждомѣ человѣческомѣ духѣ
изрекаетъ высочайшій нравственный
законъ; что чрезъ вочеловѣченіе его,
чрезъ смерть и спраданіе, сіе Слово
Божіе шѣснѣе соединилось вѣ душѣ
сѣ человѣческою натурою и подобнѣе
ей учинилось: чрезъ что обращеніе
отъ зла къ добру и преодоленіе склон-
ности ко злу весьма облегчилось. И
такъ ежели человекъ предприметъ
искренно и непременно слѣдовать вѣ
себѣ слову Божію и со всевозможною
ревностію непрестанно преодолевать
зло: то силы его чрезъ человѣческія
силы Сына Божія облагородятся, и
онъ будетъ возрастать отъ силы вѣ
силу и отъ часу болѣе уподобляться
небесному первоначальному образцу
его, существенно вѣ немѣ находяще-
муся. Теперь, видишь ли, сколько
Искупитель участвуетъ вѣ совершен-
ствованіи каждаго исправляющагося
человѣка? *

---

* Духъ Іисуса Христа, принявъ на себя

ТАВРИМОНЪ. Теперь лишь мнѣ понятно спановишся, какъ *слабѣйшія* силы кѣ добру могутъ преодолѣвать сильнѣйшія склонности ко злу. Прежде это было для меня непоспизи-мымъ таинствомъ: но во всѣхъ истинно добродѣтельныхъ челоѣкахъ примѣчалъ я, что сіе дѣйствительно такъ бываетъ.

СЕЛУНИИЛЪ. Внимаи далѣе! Въ таковомъ челоѣкѣ находяшся уже два вида, или собспвенно *двѣ* натуры въ одномъ лицѣ. — *Новый добрый челоѣкъ* соединенный съ Сыномъ Божіимъ, въ немъ находящимся, и опъ него управляемый, и *ветхій поврежденный челоѣкъ*, непрестанно возносящійся и спремащійся кѣ господству. — Поелику же продолжающееся умерщвление вешаго челоѣка причиняетъ многія

челоѣческую натуру, приобрѣлъ чрезъ то способность возвышать въ кающейся душѣ нравспвенныя силы.

скорби и непрерывныя страданія;
 вѣхъ же и новый челоѣкъ сѡсѡ-
 вляющъ одно лице: то новый чело-
 вѣкъ оправдѣтъ, а въ немъ и Сынъ
 Божій. Но какъ уже не злодѣянїя, или
 преступленїя челоѣка, а вышшая, или
 нижшая степенъ злаго начала въ ду-
 шѣ, въ тѣной связи съ нимъ нахо-
 дящагося, заслуживающъ предъ суди-
 лищемъ Божескаго правосудїя большее
 или меньшее наказанїе; и какъ стра-
 данїе умерщвленїя соразмѣрно степе-
 ни онаго начала: то можно примѣ-
 шивъ, что каждый обращающійся че-
 ловѣкъ оправдѣтъ столько, сколько
 онъ заслуживаетъ; что сїи страда-
 нїя суть страданїя Богочелоѣка, че-
 му начало положено въ собственномъ
 его страданїи и смерти; и что сїе
 есть подлинно дѣйствующая причина
 всѣхъ сихъ умерщвленїй, слѣдователь-
 но и основанїе всякаго удовлестворе-
 нїя: такъ что Сынъ Божій въ каж-
 домъ благочеспивомъ умилоспивлетъ

Божество ; ибо каждый силою его спрадаешъ столько, сколько заслуживаетъ степень его поврежденія. *

ТАВРИМОНЪ. Сіе доказательство совершенно меня успокоиваетъ. — Благодарю тебя, Прославленный, за сіе поученіе! Отъ юности до самой смерти я спрадалъ симъ невѣдѣніемъ весьма много. Но еще остается для меня затрудненіе: теперь я понимаю, какъ дѣлается примиреніе съ Богомъ, и со стороны наказанія успокоенъ; но спраданіе ни Искупишеля, ни искупленныхъ его не можетъ вознаграждать *улучшенное добро* и уничтожить *содѣянное зло*. Божественная же правда требуетъ непременно удовлетворенія за то и другое.

---

* Спраданія, не самими нами на себя навлекаемыя, но насылаемыя отъ Провидѣнія, суть общія съ спраданіями и смертію Христовою: чрезъ что и онъ также имѣетъ часть въ примиреніи. —

СЕЛУНИИЛЪ. И сіе затрудненіе я
изъясню шебѣ. Сынъ Божій правишъ
всѣми дѣянiями челоѣческими и не-
поспижимымъ и премудрымъ образомъ
всякое зло наклоняешъ къ цѣлямъ со-
вершенно благимъ; ибо онъ въ каж-
домъ челоѣческомъ духѣ, зломъ и
добромъ, имѣя престолъ, умѣетъ, не
спѣсняя свободы, дать каждому дѣя-
нію свое направленіе, такъ чшобы
оно производило добро. Но сіе не
приноситъ никакой пользы необра-
щающемуся, и онъ будетъ судимъ по
степени злаго источника своихъ дѣ-
янiй: благочеспивыйже не будетъ уже
осуждаемъ за содѣянное имъ зло; по-
тому чшо злый источникъ въ немъ
уже запертъ, а открытъ добрый, и
всѣ его дѣянiя, злыя и добрыя,
содѣйствуютъ къ благопворнымъ цѣ-
лямъ. *

---

* Вотъ собственно убѣдительное и для
разума поняшiе о удовлетвореніи Хри-
стовомъ. Онъ направляетъ дѣйствiя

ТАВРИМОНЪ. Я радуюсь какъ узникъ, съ котораго снемлюся цѣпи однѣ за другими; или какъ слѣпой, постепенно возвращающій свое зрѣніе. — Но еще прошу изъяснишь мнѣ, какъ можно вознаградить упущенное добро?

СЕЛУНИИЛЪ. Развѣ ты не безсмертенъ, и не имѣешь предъ собою цѣлой вѣчности, въ которой непрестанно можешь находить случай къ вознагражденію всего упущеннаго? Въ семъ высокомъ состояніи силъ твоихъ ты можешь дѣйствовать гораздо болѣе, нежели на первой степени жизни.

ТАВРИМОНЪ. Это совершенная правда! Я готовъ исполнять все, что опъ силъ моихъ зависить: но Божеское правосудіе пребудетъ, чтобы

человѣческія пакъ, что самые грѣхи дѣлающіяся безконечными слѣдствіями блаженства, и пѣмъ божественное Правосудіе совершенно удовлетворяется.

каждое доброе дѣло исполнялось
въ свое время, и именно тогда, когда
оно упускается; упущеннаго же вре-
мени возвратишь уже не лѣзя. *

СЕЛУНИИЛЪ. Для Бога нѣтъ вре-
мени. Онъ объемлетъ вѣчное бытіе
каждаго конечнаго существа *вдругъ и*
одною мыслию, и пребываетъ вѣчнаго
его приближенія къ Нему и вѣчно воз-
растающаго усовершенствованія; сіе
же въ каждомъ истинно обращен-
номъ духѣ и совершается: почему онъ
зритъ cadaго уже въ благодати,
если только онъ началъ свое обра-
щеніе и швердѣ въ томъ пребываетъ. **
Въ умѣ Божескомъ все искупленное
человѣчество представляетъ одного
человѣка, котораго главою есть сынъ

---

* Но если сіе самое упущеніе чрезъ
правленіе Христова содѣлается источ-
никомъ еще большаго добра: то и сіе
запрудненіе исчезаетъ.

** По сему искреннее обращеніе и на
смертномъ одрѣ не тщетно.

Его, а прочіе человѣки члены. Поелику же прошедшее столь же Ему присуще, какъ и будущее, и Онъ единымъ взоромъ объемлетъ всю безконечность: то Онъ взираетъ на сего великаго нравственнаго человѣка во всемъ возрастающемъ его совершенствѣ; зритъ въ немъ совершенное человѣчество сына Своего во всемъ дѣйствіи онаго; зритъ источникъ всякаго добра открытый въ земной жизни Искупителя чрезъ смерть и спрдаіе его; и что сей великій человѣкъ всегда спражденъ, естли съ кѣмъ онъ несовершенно еще соединенъ; и такъ Правда Божія получаетъ чрезъ то полное удовлетвореніе. Вотъ, любезный Тавримонъ, открытіе великаго таинства, сколько конечный духъ о немъ повѣдать можетъ. *

---

* Меня оуждали за то, что я спарался таинство искупленія сдѣлать понятнымъ: но я увѣренъ, что сіе принесетъ утѣшеніе всѣмъ добрымъ маловѣрамъ;

ТАВРИМОНЪ. Да будетъ хвала
Опцу и Сыну его во вся вѣки! Вѣч-
ное бытіе мое да славить его непре-
снанно, и всѣ силы мои да будутъ
посвящены ему! Теперь я совершен-
но успокоенъ, и въ духъ моемъ оп-
верзаюсь источникъ вѣчныхъ радости.
Но скажи мнѣ, Небесный Житель! Для
чего сіи великія истины на земли не-
извѣстны?

СЕЛУНИИЛЪ. Онѣ извѣстны мно-
гимъ міліонамъ людей.

ТАВРИМОНЪ. Боже! Кто сіи бла-
женныя?

СЕЛУНИИЛЪ. Христіане, любезный
Тавримонъ.

ТАВРИМОНЪ. Всемогуцій Боже! —
И Христосъ есть Сынъ Божій и Иску-
питель? *

истинный же Христіанинъ, ощущающій
уже въ себѣ примиреніе, конечно не
имѣетъ нужды въ моемъ толкованіи.

* Такимъ образомъ становился понят-
но, какъ благочестивые Язычники, ниче-
го о Христѣ не вѣдавшіе, сдѣлаются
чрезъ него блаженными.

СЕЛУНИИЛЪ. Не иной кто!

ТАВРИМОНЪ. Въ продолженіе повѣствованія твоего приходило мнѣ на мысль нѣчто, но обѣяснилось только теперь. Неизслѣдимый! Коль темны пущи твои! Прости мнѣ, вочеловѣчивыйся Боже, что я ненавиждѣлъ имя Твое! — Ошнынѣ тѣмѣ съ бѣльшею силою буду любить Тебя и покланяюсь Тебѣ. — Но, скажи мнѣ, Прославленный, ошѣ чего сіе высочайшее средство искупленія челоуѣковѣ такѣ безуспѣшно? Христіане, по мнѣнію моему, хуже еще Іудеевѣ.

СЕЛУНИИЛЪ. Это естествоенно. Чѣмѣ яснѣе свѣтѣ истины, тѣмѣ глубже степень злобы неприемлющихѣ онаго: но тебѣ не всѣ Христіане еще извѣстны; они, въ сравненіи съ другими народами, имѣютѣ гораздо болѣе добрыхѣ и благочестивыхѣ людей.

ТАВРИМОНЪ. Но для чего ученіе о

Христѣ не всѣмъ народамъ извѣстно? *

СЕЛУНИИЛЪ. Искреннее обращеніе воли отъ зла къ добру почти спольже трудно и для Христіанина, какъ и для Нехристіанина: но въ каждомъ человѣкѣ есть гласъ совѣсти; въ каждомъ говоритъ вочеловѣчивыйся сынъ Божій, что праведно и добро, хотябъ человѣкъ не зналъ его по имени. Естьлиже Христіанину нѣсколько и удобнѣе сдѣлаться добрымъ: то за то тяжель и отвѣчать за нерадѣніе о семъ. Когдажъ Нехристіанинъ посвящаетъ себя благочеспію: то тѣмъ большую пріемлетъ награду, и не исполняющій сего изъ Нехристіанъ меньше повиненъ наказанію. Богъ справедливъ и суды его праведны! Свѣтъ Христіанства отчасу разпроспра-

---

* Не Богъ и не Христосъ виною, что сія истина не всѣмъ народамъ извѣстна; что до сихъ поръ еще не совершено, совершился впредь, и при кончинѣ всѣхъ вещей все спасется и облаженствуется.

няться будетъ, и мало по малу всѣхъ просвѣтитъ. — По мѣрѣ, какъ возрастаютъ силы Царства тьмы, умножающа и силы Царства свѣта, и когда мѣра зла исполнится: то въ послѣдней страшной брани Сынъ Божій возпоржеспуесть надъ Княземъ тьмы и всѣми его сообщниками и започитъ ихъ въ мѣсто мученія, откуда они не въ состояніи уже будутъ прельщать и вредить никого. *

ТАВРИМОНЪ. О Прославленные! Какое ощущаю я нынѣ блаженство! Но горю желаніемъ узрѣть Господа и прославить его въ лицезрѣніи его. Какая неизреченная благость сего человека на престолѣ Божіемъ! Боже! — Человекъ! — Братъ мой! — Богъ и Правитель всѣхъ міровъ! — Какое таинство! Какой источникъ непо-

---

* Сіе великое сраженіе началось уже дѣйствительно, и множество благовѣстителей проповѣдуютъ во всѣхъ частяхъ міра истину Іисусъ Христову.

спижимой радости, и при томъ столь истинной, столь соразмѣрной всѣмъ нуждамъ человѣческимъ! — Ахъ, Небесные братья! Не можете ли вы препроводить меня къ нему? *

АВДІИЛЪ. Ты узришь его и насладишься радостію неизреченною: но прежде надлежитъ тебѣ просвѣщенію славою небесною и облечься въ лучезарную одежду.

(Тавримонъ начинаетъ сіять, облекается славою, и опъ неизреченной радости дѣлается безмолвнымъ. Селуніилъ также преобразуется.)

СЕЛУНИИЛЪ. Еще ли Тавримонъ ты не узнаешь меня?

ТАВРИМОНЪ. Родитель мой! Сколь велика благость и милосердіе Божіе! — И такъ ты совершилъ нынѣ нагаторое шобою на земли ученіе мое.

---

* Сколь много сей Язычникъ посрамляетъ хладнокровныхъ Христіанъ!

СЕЛУНИИЛЪ. Только *здѣсь* могъ я совершить оное; тамъ зналъ я не болѣе своего. Теперь, любезный Тавримонъ, вниди въ созерцаніе Господа!

ТАВРИМОНЪ. Веди меня къ нему! Да подкрѣпишь меня сила Божія, дабы я могъ снести неизглаголанную радость, копорою духъ мой исполнился! —

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТАЙНА БУДУЩАГО.

ГАЗИЛЬ и ЕДИДІЯ.

(Въ Царствѣ Свѣта.)

ГАЗИЛЬ. Здравствуй, Едидія! Ты пришелъ конечно подашь мнѣ оспраду.

ЕДИДІЯ. Я увидѣлъ тебя издали; блѣдный твой видъ обратилъ на себя мое вниманіе, и я поспѣшилъ къ тебѣ, чшобъ узнать, отъ чего сія блѣдность?

ГАЗИЛЬ. Не удивляйся сему: я былъ посланъ на землю. Исполнивъ порученное, хочу теперь отдохнушь близь тебя въ сей прохладной странѣ, пока получу опять прежнюю мою степень свѣтлости.

ЕДИДІЯ. Развѣ на земли нѣтъ уже небеснаго свѣта? Не уже ли шьма

шакѣ шамѣ усилилась, что самый Ангелъ въ ней меркнетъ. *

ГАЗИИЛЪ. Извѣстно ли тебѣ нынѣшнее состояніе воинствующей церкви на земли?

ЕДИДІЯ. Я умеръ въ младенчествѣ, воспитывался здѣсь въ Царствѣ Дѣшей, потомъ переведенъ въ Царство Свѣта, и до сихъ поръ меня не употребляли еще къ посольствамъ на землю: то все, что я о ней знаю, знаю только по пересказамъ.

ГАЗИИЛЪ. Я расскажу тебѣ обо всемъ состояніи земли; ты долженъ знать это, ибо скоро начнется великое и послѣднее сраженіе Царства Свѣта съ Царствомъ Тьмы. *

* Стоишь только взглянуть въ Исторію Европы съ 1790 году до сего времени, то блѣдность Ангеловъ понятна будетъ.

** Оно уже началось дѣйствительно; ибо вообще господствующее хладнокровіе къ Религіи, презрѣніе, и даже многообразная ненависть ко Христу, день отъ дня умножающіяся и скоро положатъ конецъ долгоперпѣнію Божію.

ЕДИДІЯ. Слава сѣдѣющему на престолѣ! Скоро также наступитъ время, что злобѣ ада положены будутъ преграды. Возвѣспи мнѣ, небесный братъ, о состояніи моего опечесства.

ГАЗИЛЪ. Удаленіе отъ времени, въ которое Господь жилъ на земли, успѣхи человѣческаго разума въ познаніяхъ и высокая степень чувственнаго только наслажденія такъ ослабили въру къ Искупителю, что очень мало уже находится истинныхъ воиновъ; они живутъ въ неизвѣстности, разсѣянны, и кромѣ войны, которую ведутъ за себя съ Царствомъ шьмы, ни въ какія общесвенныя дѣла не мѣшаются. *

---

* Но нынѣ великое общество въ Англіи, опправляющее всюду миссіонеровъ, къ которому мало по малу присоединяются и Нѣмецкіе Христіане, проложило путь ко всеобщему соединенію, и Миссіонеры нынѣ пріемлются во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ Германіи по мѣстамъ примѣшны также важныя и далеко проспирающіяся

ЕДИДІЯ. Ужасно для меня, что
только алчный къ познаніямъ духъ че-
ловѣческой, чрезъ сколько вѣковъ, не
могъ еще найти чистой и ясной исти-
ны вѣры.

ГАЗИИЛЪ. Любезный Едидія! Не
возможно ему и найти ея; ибо она
противна естественнымъ его склон-
ностямъ: но слушай далѣе. — Вто-
рой классъ Христіанъ состоишь изъ
душъ благомыслящихъ, любящихъ Бо-
га и Искупителя; но какъ естествен-
ное поврежденіе человѣка почишають
они только за зло *отрицательное*,
произходящее единственно отъ огра-
ниченности его естества и чувствен-
ности: то они во-все не думаютъ о
истребленіи онаго въ самомъ корнѣ;
удовлетворяются однимъ честнымъ
поведеніемъ; наслаждаются всѣмъ,
что при ономъ дозволено, и когда
имъ не трудно, то шзорятъ и добро:

озаренія, слѣдовательно и Царство Свѣ-
та въ силѣ умножается. —

но обѣ истинѣ Христовой во-все не заботятся. Для нихъ Христосъ будь чѣмъ хочешъ; довольно имъ того, что они его уважающъ и почищающъ за единственнаго Учищающа въ цѣли Божества. *

ЕДИДІЯ. О! когда бы люди сіи вспомнили, что одно названіе Христіанина ничего еще не значить; и если-ли дѣло дойдетъ до великаго сраженія, то они конечно не выдержатъ онаго.

ГАЗИЛЪ. Сужденіе твое справедливо. Главнымъ дѣломъ почитающъ они Христіанскую мораль, и это также справедливо; но поелику они думаютъ, что имѣютъ довольно силъ къ исполненію сей морали, хотя и не употребляютъ оныхъ, давая заповѣдямъ Господнимъ такіе толки, которые согласны съ любимыми ихъ

---

* Сіе великое число, впрочемъ часто добрыхъ и благомыслящихъ людей, есть слѣдствіе слабаго невѣрія.

склонносшями: шо и не забошяшся о немѢ. Когдаже господспвующее мнѢ-нїе не опшвергаетѢ ихѢ нравоученїя, шо они безѢ дальнихѢ околичносшей забывающѢ о ХриспѢ и остающся неупральнойми, — что все равно, какѢ еспѢли бы они перешли и на спорону враговѢ его. *

ЕДИДІЯ. Это весьма справедливо: кто сражается безѢ него, шомѢ и не побѣдитѢ сѢ нимѢ; напрошивѢ шого самѢ побѣжденѢ будешѢ.

ГАЗИЛЪ. Есть еще шрешїй классѢ между называющими себя Хриспїанами, и сей классѢ гораздо хуже двухѢ первыхѢ; ибо спараешся посшавишѢ Господа на ряду сѢ обыкновенными

---

* Чрезвычайно великое число сихѢ полу-хриспїанѢ сосшавляетѢ собспвенно церковь Лаодикїйскую и имѢетѢ главное мѢсто въ обѢихѢ ПротеспаншскихѢ церквахѢ; ибо КатоликѢ есть или прямой ХриспїанинѢ, или вольнодумецѢ, или фанашикѢ, рѣдко же бываетѢ ЛаодикїйцемѢ.

человѣками. — Христосъ для нихъ не болѣе, какъ только благочестивый мужъ и мудрый учитель; ученіе его они извѣсняютъ по своей особенной системѣ: что же съ оною несогласно, того они и не принимаютъ, хотя бы оно именно находилось въ Священномъ Писаніи. Разумъ ихъ есть главный судія всего касающагося до Религіи: а о вѣрѣ они не хотятъ и слышать, все не помышляя о томъ, что разумъ можеть грубымъ образомъ ошибаться, еслии начнетъ мудрствовать по ложнымъ началамъ; и хотя они ежедневно видятъ въ другихъ сіи заблужденія, но сіе ни сколько имъ не помогаетъ и они всегда думаютъ быть правыми! Сверхъ того они такъ горды, что не могутъ сносить и smallestъ возраженій противъ ихъ системы; смѣются, ругаютъ и ненавидятъ всѣхъ, кои учатъ иначе, и властительски дѣлаются реформаторами. Между тѣмъ жизнь ихъ несо-

гласна сѣ ихѣ ученіемѣ: они все по себѣ позволяють, что только непротивно виѣшней благоприсойности, особливо многіе изѣ нихѣ преданы сластолюбію и роскоши. И такѣ ты видишь, что у сего класса Христіанѣ нравоученіе принято только для того, чтобы системѣ ихѣ дашѣ видѣ справедливости и благочестія: внутренно же они напуралисты, и самымѣ дѣятельнѣйшимѣ образомѣ, не вѣдая сами того, набирають служителей Царству Тьмы. Они ускоряють наполненіемѣ мѣры зла и приближеніемѣ дня отмщенія. *

ЕДИДІЯ. Не уже ли такихѣ опасныхѣ людей много?

ГАЗИЛЪ. Весьма: особливо вліяніе ихѣ опасно по тому, что они большею частію изѣ Ученыхѣ, которые усрно

---

* Сей классѣ людей мало по малу переходить въ отвращеніе и даже въ ненависть ко Христу и приутоворяетѣ силу тьмы, или Царства Антихристова.

и письменно разпространяють всюду свои правила. *

ЕДИДІЯ. Слѣдствія сего ужасны!

ГАЗИЛЬ. Подлинно ужасны: но Богъ положишъ мѣру и предѣлъ сему, и сократишъ время искушенія. — Наконецъ четвертый классъ составляють уже явные сообщники Царства Тьмы; они въ душѣ своей ненавидяшъ религію и свяшаго Основателя ея; чрезвычайно поврежденная, физическимъ и нравственнымъ сластолюбіемъ изможденная чувственная ихъ натура есть ихъ законодатель, ибо они почиашъ ее чистою и неповрежденною. Законы ея для нихъ суть законы божественные, ибо обыкновенная натура и разумъ есть ихъ Богъ; почему они позволяють себѣ все, слѣдуя сему правилу: *дѣлай то*

---

* Самое опаснѣйшее дѣйствіе сего великаго класса людей состоишъ въ рецензіяхъ на духовныя книги. —

*хочешь, лишь бы оно было безъ вреда
ближнему. Но и сіе не въ настоящемъ
смыслѣ приемлется. Отъ всѣхъ пре-
данныхъ религіи пребующъ они не-
ограниченной терпимости: а сами съ-
люшымъ свирѣпствомъ гоняшъ все,
что съ мнѣніемъ ихъ несогласно. **
Изъ сего описанія ты видишь, любез-
ный Едидія, что сіи человеки неудоб-
ны къ исправленію; ибо самое святы-
шее, а именно законъ любви, почи-
пающъ они за усиліе суевѣрія и за-
глушающъ оный. Когда жъ такимъ
образомъ самую познанную *божествен-*
ную истину по правиламъ своимъ при-
знающъ она за недостойную: то шущъ
не остаеся уже никакого способа къ
спасенію. **

---

* Выше описанный второй классъ пере-
ходитъ въ третій, а сей въ четвертый,
и пошому нужно остерегаться отъ пра-
вилъ втораго.

** Они имѣющъ также сипаянское прави-
ло, что цѣль можетъ освящать каждое
средство; почему никакая злоба для нихъ

ЕДИДІЯ. Это весьма справедливо! Вотъ послѣдняя степень развращенія, до какого разумныя существа низпасшь могушь! И такъ вѣроятно, что наступаетъ время послѣдняго рѣшительнаго сраженія для человѣческаго рода. *

ГАЗИИЛЬ. Безъ сомнѣнія; и оно уже началось. Между Язычниками господствовало суевѣріе *безъ* познанія истиннаго Бога; и такъ была возможность чрезъ откровеніе онаго человѣкамъ многихъ исправить; — между Иудеями господствовало суевѣріе *съ* познаніемъ Бога, но безъ откровенія вѣчнаго Слова, или нравственнаго закона внутри и внѣ человека; и такъ чрезъ раскрытіе онаго также многіе

не велика и никакой порокъ негнусенъ, естли только они служатъ къ достиженію мнимой доброй цѣли.

* Любезный Читатель! не оставь безъ вниманія сего заключенія: размысли о немъ, оно очень важно.

могли еще спасены бытъ: — въ Христіанствѣ же сіе откровеніе послѣдовало, но суевѣріе воздвигло также свой престолъ и опклонило направленіе отъ Слова къ самому себѣ. На послѣдокъ направленіе сіе попало было на прямой путь, на законъ любви: но путь суевѣріе ухватилося за символы и составило изъ нихъ великаго идола, коему поклоняющся. Наконецъ кумира сего спали узнавать болѣе и болѣе; но вмѣсто того, чшобы выбросить его изъ храма Господня, роютъ и подкапываютъ самый храмъ, воздвигая на мѣстѣ святыни престолъ звѣря, исходящаго изъ бездны, по естѣ Невѣрія. *

ЕДИДІЯ. И такъ, кажется, нѣтъ уже средствъ къ спасенію человека;

---

* Сомнѣніе рождаетъ невѣріе, которое, дѣлаетъ разумъ неспособнымъ понимать основанія Вѣры; ибо оно не вѣритъ и самому разуму, слѣдовательно не чѣмъ его и увѣритъ.

ибо невѣріе при совершившемся опкровеніи естъ крайняя степень поврежденія.

ГАЗИЛЬ. Для втораго и третьяго класса остаются еще два средства. Какъ причина всего настоящаго бѣдствія и поврежденія состоитъ въ ложномъ мнѣніи, что чувственный разумъ, берущій себѣ правила для нравственности изъ *чувственныхъ* понятій, можетъ быть судіею въ дѣлахъ религіи: то естли подробно и для обыкновеннаго человѣческаго разума ясно доказано будетъ, что правила изъ чувственныхъ началъ для *нравственности* не годящся, непременно ведутъ къ заблужденію, и что *чувственныя* начала служатъ только для *тѣлеснаго міра*, для духовнаго же долженъ быть основаніемъ *законъ нравственный* въ духѣ человѣческомъ: тогда невѣрію не останется никакой защиты, подъ копорою бы оно могло укрываться, и

сей - то важный способъ убѣжденія нынѣ начинается. * Второе оспаривающееся средство состоишь во вторичномъ чувственномъ явленіи Искупителя, которое безъ сомнѣнія злымъ людямъ послужить въ судъ, а благонамѣреннымъ душамъ въ укрѣпленіе ихъ въ сраженіи за вѣру.

ЕДИДІЯ. Боже! О! когда бы несчастные люди подумали о собственной пользѣ! — Но скажи мнѣ, любезный Газилъ: не началось ли уже сіе великое и послѣднее сраженіе?

ГАЗИЛЪ. Оно начинается издавна еще: ты самъ это легко усмотришь, когда я опишу тебѣ настоящее политическое положеніе Христіанъ. Между ними существуетъ внѣшній порядокъ состояній, который,

---

* Въ Кантовой Криптикѣ чистаго разума доказано, что естественный человекъ не постигаетъ вещей Духа Божія; законъ нравственный хотя и показываетъ, что исполнять надлежитъ, но не даетъ силъ къ тому. —

древностію, своею сдѣлался почтеннымъ и законнымъ; нѣкоторые роды пріобрѣли право господства надъ другими, никому сами не повинуюсь; многимъ порода доставляетъ преимущество повелѣвать другими, но они сами управляются законами первыхъ; и наконецъ самая большая часть обязана только повиноваться симъ двумъ состояніямъ. Первый классъ людей называется *Государями*, второй *дворянствомъ*, а третій *народомъ*. Но всѣ три состоянія чрезъ разныя степени достоинства, чрезъ многочисленные узаконенія и отношенія, связаны между собою такъ, что переходъ изъ одного къ другому иногда почти непримѣтенъ.

ЕДИДІЯ. Сіе учрежденіе извѣстно мнѣ изъ разговоровъ съ приходящими отсюда, и, кажется, оно небеснаго произхожденія; ибо и здѣсь есть также степени состояній, начиная отъ

безконечнаго сокровеннаго Отца вѣч-
ности до обитателей на предѣлахъ
Царства Тѣней: только великая раз-
ность въ томъ, что здѣсь степень
состоянія опредѣляется *внутреннимъ*
достоинствомъ, а тамъ *породою*;
почему весьма часто, я чаю, злые по-
вѣдывающъ добрыми.

ГАЗИЛЬ. Но сего перемѣнить не
льзя, любезный Едидія! Здѣсь каждому
открываетъ внутреннее достоинство
человѣка свѣтъ небесный, и каждый
одаренъ степенью силы, внутреннему
достоинству его приличною: а на зе-
мли — гдѣ свѣтъ сей только немно-
гими и при томъ весьма темно по-
знается, достоинство сіе опредѣляет-
ся, и то весьма рѣдко, самыми добро-
дѣтельными, мудрейшими людьми.
Изъ сего ты усмотришь можешь, что
учрежденіе состояній по выбору было
бы чрезвычайно несовершенно, нена-
дежно, и потому не лучшее; напро-
тивъ того порядокъ наследственный

въ разсужденіи пользы его , конечно имѣетъ преимущество, естли только учреждается по мудрымъ законамъ.*

ЕДИДІЯ. Я совершенно увѣренъ въ истинѣ сего положенія.

ГАЗИИЛЬ. И такъ равномерно можешь легко понять , что на храненіи сего порядка утверждается все благосостояніе человѣчества, ибо никакого человѣческаго общества не лзя бѣ представить безъ начальства.

ЕДИДІЯ. Сіе неоспоримо. Но естли также правленія не наслѣдственныя?

ГАЗИИЛЬ. Естль: но какъ они всегда подвержены опасностямъ и должны вступать въ союзы съ другими Правительствами, то сіи часто управляющіе ихъ выборами.** Но что бы

---

* Наслѣдіе , и при несовершенномъ правленіи, утверждаетъ непрерывную безопасность: выборы же , часто нарушая безопасность , вводящъ такое же несовершенное правленіе.

** Сколь безопасны республики, видѣли

ны подумалъ о господствующемъ нынѣ духѣ между Христіанами, копорый хочеть, чшобы народъ совершенно былъ воленъ и устанавлиалъ самъ себѣ законы и образъ правленія? — *Вольность и равенство* есть теперь всеобщій гласъ одного народа, копорый нѣсколько сполнѣнъ въ чувственномъ образованіи и нравственной порчѣ имѣлъ превосходство надъ всѣми другими. *

ЕДИДІЯ. Если духъ сей одержитъ верхъ и сдѣлается всеобщимъ: то безъ сомнѣнія начнется послѣднее великое сраженіе, ибо человечество само себя истреблять будетъ.

ГАЗИЛЪ. Въ четвертомъ классѣ

мы примѣръ во времена наши на Республикѣ Голландской, Швейцарской и Венеціанской. —

* Нынѣ уже, спустя только два года, слова сіи, вольность и равенство, сдѣлались пустымъ звукомъ, маскою, подъ которою скрывается деспотизмъ.

духъ сей сдѣлался всеобщимъ ; въ прешьемъ онъ зараждается : а во второмъ не находишь себя препяш-
 ствій. — Представь же себя все бѣд-
 ствіе отъ того производящее ! Чув-
 ственное и искусственное образование
 возшло на высшую степень утоненія ;
 для удовлетворенія нуждъ онаго нуж-
 но стало грабить и раззорять бога-
 тѣйшія страны земли ; отсюда чрез-
 мѣрное исканіе чувственныхъ удоволь-
 ствій и неумолкнуое алканіе богатства ;
 природное каждому человѣку стрем-
 леніе къ совершенству обратилось на
 одни земные предметы , а именно на
 предметы чувственного наслажденія
 чести , чувственныхъ наукъ и богат-
 ства , отъ чего вся тѣлесная на-
 тура слишкомъ для нихъ обнищала.
 Прибавь къ сему искаженное безвѣ-
 ріемъ стремленіе къ вольности , раз-
 рывающее всѣ связи гражданскихъ об-
 ществъ : то какое иное должно выш-
 ти изъ сего слѣдствіе , какъ не то ,

что человѣческій родъ истребитъ самъ себя? *

ЕДИДІЯ. Но, братъ мой Небесный! Сіи ужасныя слѣдствія не могутъ произойти; ибо Всевышній не дастъ возшоржесшвовашъ виновнику зла и его сообщникамъ, а ушвердитъ наконецъ съ вѣрными своими владычество свое на земли, и на главы враговъ своихъ, за неисповую злобу ихъ, соберетъ заслуженную ими мещъ.

ГАЗИЛЬ. Такъ, любезный Едидія, сіе должно вскорѣ послѣдовашъ; ибо Избранныхъ ради сокращающся дни скорби.** Сіе - то важное обстоятель-

* Сіе стремленіе къ вольности, кажется, нынѣ ушихаетъ: но естли многоначаліе паки подниметъ желѣзный скипетръ свой, то оно опять взволнуется и бѣдствіе дойдетъ до самой крайности.

** Сіе - то всеобщее стремленіе къ вольности и равенству ускоряетъ дѣломъ: все перейдетъ въ безначаліе, и въ семъ хаосѣ начнутъ сражаться двѣ силы, Свѣта и Тьмы, и первая одержитъ совершенную побѣду надъ второю. —

ство и было причиною нынѣшняго моего посольства на землю. — Я расскажу тебѣ такое приключеніе, отъ котораго самый Ангелъ придетъ въ священный препетъ.

ЕДИДІЯ. Духъ мой съ безмолвнымъ благоговѣніемъ внемлетъ словамъ твоимъ.

ГАЗИИЛЬ. На сапфирной скрижали моей увидѣлъ я слѣдующія пламенные письма: *Иди во Храмъ Судебъ теловѣческихъ, Газіилъ, и исполни мои повелѣнія!* — Видѣлъ ли ты Храмъ сей, или слыхалъ ли что нибудь о немъ?

ЕДИДІЯ. Нѣтъ, я не видалъ сего священнаго мѣста: но нѣчто о немъ слышалъ.

ГАЗИИЛЬ. Тамъ, гдѣ Царство Славы граничитъ съ вѣчнымъ мракомъ, возвышается гора, которая издали кажется взгромажденными пучами и теряется въ вѣчныхъ высотахъ. Ходъ сюда идетъ чрезъ бездны; повсюду

царствуетъ здѣсь ужасная тишина, и блѣдный свѣтъ озаряетъ путь для Ангела, удостоивающагося зрѣть сіе свящилище. Взойдя на самую вершину, увидишь желтоватый свѣтъ и въ ономъ пространствѣ врата между двумя столбами, свѣтящимися подобно прозрачному золоту. Столбы сіи такъ велики, что, кажется, служатъ къ поддержанію цѣлаго міра; на верьху оныхъ покоятся семь громовъ, по которымъ потчасъ позналъ я, что таинство будущаго должно быть близко; ибо черныя тучи гнѣва Судіи міра сильно напряжены были, и мнѣ показалось внутри оныхъ нѣчто сверкающее. Самыя же врата состоятъ изъ двухъ крыльевъ, блистающихъ, какъ алмазъ, или какъ искусно заполированная сталь, румянымъ свѣтомъ вечерней зари. Они всегда зашворены, и только мощный Серафимъ, стоящій у вратъ на холмѣ и надзирающій за проходящими, можетъ отворять

ихъ. Исполненный священнаго ужаса приблизился я къ симъ вратамъ и открылъ себя Серафиму. Онъ позналъ мое званіе, бросилъ молнію на запоры вратъ, и они тотчасъ съ громомъ отворились. — Тутъ открылось мнѣ зрѣлище, для самихъ Ангеловъ новое и страшное. — Во весь горизонтъ, сколько онаго взоръ съ высочайшей горы обнять можетъ, увидѣлъ я сводъ Храма, лежащій на столбахъ, кои блистали какъ бы были изъ хрустала и далеко въ высоту пускали отъ себя лучи: внутри же оныхъ пылало пламя. Подножіе столбовъ сихъ состояло изъ хрустальныхъ кубовъ, блестящихъ подобно расплавленному золоту, и изъ нихъ вверхъ билъ огненный ключъ. Престранный помостъ Храма уподоблялся смарагду, искры свѣта отъ себя мещущему. — Необозримый сводъ представлялся лазуревымъ небомъ, на которомъ видны были оранжевыя облака, отъ всчивавшіяся вверху

пурпуровымъ цвѣтомъ. Среди свода висѣла черная громовая шуча, сквозь кошорую не лзя было ничего видѣть, кромѣ того, что облака, казалось, медленно передвигались съ одного мѣста на другое. Подъ шучею, прямо въ срединѣ Храма, стоялъ высокой и превеликой олшарь, какъ гора Сіонъ, уподоблявшійся заполированному халцедону съ красными просвѣтами внутри. Надъ симъ олшаремъ носился Священникъ изъ Ангеловъ, копорый по временамъ изливалъ нѣчто изъ чаши на средину; и при каждомъ возліяніи его возходило вверхъ къ шучѣ темное пламя съ жершвеннымъ куреніемъ: отъ чего, казалось, громоносныя облака умножались. — Весь Храмъ озаренъ былъ какъ бы вечернею зарею. — Подошедъ къ олшарю, увидѣлъ я седмь Ангеловъ, съ важностію и въ торжествѣ исходящихъ изъ - за олшаря. Одинъ изъ нихъ несъ свшпокъ съ седмью печашами, копорыя были

уже разломаны. Развернувъ свѣшокъ, онъ произнесъ торжественнымъ глаголомъ: *Настало время суда отъ Всевѣщайшаго надъ землею!* — По произнесеніи сихъ словъ блеснула изъ щели на средину олтаря молнія, и въ вѣчныхъ сводахъ раздался одинъ изъ семи громовъ столь страшный, что весь Храмъ пошатнулся, и громъ сей произнесъ весьма вняшные слова.

ЕДИДІЯ. Не тогда ли это было, какъ небо при вечерней зарѣ покрыто было фіолетовымъ заревомъ?

ГАЗИЛЪ. Именно тогда.

ЕДИДІЯ. Мы всѣ слышали сей громъ, но словъ его не поняли.

ГАЗИЛЪ. Слова семи громовъ понятны только во Храмѣ, и тамъ, гдѣ они раздаются. — За симъ одинъ изъ семи Ангеловъ повелъ меня за олтарь. Тамъ стояли въ кругу семь злыхъ свѣщниковъ: въ прехъ изъ нихъ чистый елей уже выгорѣлъ, и они были погашены; прочіе четыре

еще горѣли, но весьма пускло; четвертый полонъ былъ до верьху свѣшлымъ кристаловиднымъ масломъ. Тупъ Ангелъ коснулся едва примѣшному пламени четвертаго свѣщника и свѣшилъ шестаго, и опъ сего прикосновѣнія его они засвѣщились и спали горѣть ярко. Наконецъ вшорая молнія ударила въ пятый и седьмый свѣщникъ, изровергла ихъ и далеко отбросила: но Ангелъ поднялъ ихъ и поставилъ опять на мѣста ихъ, гдѣ они скоро совсѣмъ поухли. Четвертыйже и шестый свѣщникъ Ангелъ поднялъ вверхъ, и показавъ ими, поставилъ на средину жертвенника, гдѣ они ясно свѣщились спали и исполнили Храмъ сіянія. Изъ пучи спустился на нихъ тонкій лучъ и принесъ имъ огонь опъ престола, пламя коего поднялось до самой пучи: опъ чего черныя облака освѣщились и разсупились, и явилась Слава Господня, соединившаяся со свѣтомъ обоихъ свѣщ-

никовъ и озарившая все пространство Храма. * За симъ Священникъ изъ Ангеловъ, обраща рѣчь ко мнѣ, сказалъ: „Разумѣешь ли видимое побою, братъ Газилъ? — Первый изъ седми громовъ возвѣспилъ о начинающемся судѣ Божіемъ надъ Христіанами. Царство Тьмы собрало великое воинство и соберетъ еще больше, и будетъ радовать оружіемъ духовнымъ. Побѣжденные имъ перейдутъ на его сторону и умножатъ ополченіе Ада: но тѣ, кои прошивоспашутъ оному и будутъ рапоборствовать мужественно, одержатъ

---

* Здѣсь намѣкается о семи Церквахъ Апокалипсическихъ. Три первыя: Эфесская, Смирнская и Пергамская означаютъ, по мнѣнію Автора, церковь Апостольскую, мученическую и церковь при Константинѣ великомъ. Тіапирскою Авторъ почитаетъ церковь Моравскихъ братьевъ; Сардійскою Каполическую; Филадельфійскою же Церковь Господню изъ всѣхъ религій Христіанскихъ: а Лаодикійскою церковь Протестантскую.

„наконецъ побѣду кровію и смертію.
 „Когда же скорбь и бѣдствіе достиг-
 „нешь до высочайшей степени, по-
 „гда Вседержитель соберетъ вокругъ
 „себя всѣхъ свяшихъ своихъ и самъ
 „пойдетъ съ ними на брань, смѣситъ
 „языки и обратишь мечи ихъ другъ
 „на друга, такъ что сонмы нечеспи-
 „выхъ сами испребяютъ себя. Тогда
 „воцарится Онъ, и тогда водворится
 „міръ во всѣхъ концахъ земли. — Те-
 „перь иди на землю, узнай о оспаю-
 „щихся вѣрныхъ и праведныхъ ду-
 „шахъ, предохрани ихъ отъ гря-
 „дущихъ спраданій суда, и благо-
 „временно приведи ихъ на небо, всади
 „въ нихъ предощущеніе будущаго и
 „новую ревность къ терпѣнію. * Въ
 „каждомъ духѣ ты узришь назначеніе
 „его. Вразуми тѣхъ, кои должны бѣ-
 „жашь отъ мѣстъ брани въ безопас-

---

* См. Апокал. XIV. 13. Огненные блажен-
 ны мертвые, умирающіе о Господѣ; ибо
 они не доживутъ до предстоящаго бѣд-
 ствія, и. ш. д. —

„ныя убѣжища, и обрати вниманіе ихъ
 „на пути Провидѣнія, дабы они узрѣ-
 „ли узкія врата, коими могутъ из-
 „бѣжать будущаго гнѣва: всѣхъ же
 „рашующихъ одушеви мужествомъ и
 „крѣпостію, да пребудутъ вѣрными
 „до смерти, и дай имъ вкусить — но
 „шкмо умѣренно — силы будущаго
 „міра.“ — Потомъ сей вышній Ангелъ
 сдѣлалъ мнѣ еще нѣкоторыя тайныя
 порученія къ земнымъ владыкамъ, ко-
 торыхъ открытъ я не смѣю. Въ про-
 долженіе сей рѣчи свѣщники на жер-
 швенникѣ исчезли, пучи сгустились
 какъ прежде, и вмѣсто свѣща во всемъ
 пространствѣ Храма насталъ прежній
 сумракъ. Я остановился на нѣсколько
 времени и помолился отъ глубины ду-
 ши; потомъ направилъ полетъ мой.
 Врата съ громомъ зашворились за
 мною, и сильный Серафимъ на горѣ
 укрѣпилъ ихъ опять большимъ бле-
 снящимъ запоромъ. *

* Къ сей картинѣ присоедили Видѣніе,
 помѣщенное въ прешней части.

ЕДИДІЯ. Это было страшное и величественное видѣніе! При такихъ дѣйствіяхъ Ангелъ всегда возходитъ на новую степень совершенства. —

ГАЗИЛЬ. Справедливо! — и чувствуешь, сколь онъ еще малъ!

ЕДИДІЯ. Но, любезный мой! что съ тобою происходило, когда ты къ землѣ приближился? — Или ты часто уже посѣщалъ ее послѣ того, какъ сдѣлался блаженнымъ?

ГАЗИЛЬ. Мнѣ часто поручасмо было облегчать трудъ умирающихъ праведниковъ, и пошому я бывалъ на ней много разъ: но видѣ ея никогда не производилъ во мнѣ такого болѣзненнаго впечатлѣнія, какъ нынѣ.

ЕДИДІЯ. Это естественно, пошому что ты никогда не имѣлъ еще такого важнаго порученія: но я представляю себѣ, что видѣ Планеты, на которой получили мы первое бытіе наше, долженъ возбудить особенное чувство.

ГАЗИЛЬ. Правда: но сіе чувство есть чувство глубочайшаго состраданія, и безъ вліянія благотворнаго источника крошости и любви пожелаешь поразить громомъ гнусныя сомнѣннѣ грѣшниковъ. Чтобы терпѣливо смотрѣть на многія адскія дѣяннѣ, потребно имѣть Ангельскія силы.— Перелетѣвъ голубый эфиръ, въ одно упрое увидѣлъ я подъ собою косовращающійся блѣднордѣющій шаръ. — Тутъ вполне почувствовалъ я состраданнѣ о ссраждающихъ и рашующихъ братьяхъ моихъ и привелъ себѣ на память то время, когда подъ правленнѣ Римскихъ пирановъ въ жесточайшихъ мукахъ слагалъ я съ себя земную покрывку и возблагодарилъ Всевышняго, что онъ съ такою опеческою любовію руководствовалъ меня вознесшнѣ на высшепенъ бышнѣ, на копорой нахожусь нынѣ. Въ снхъ мысляхъ приблизился я къ землѣ, и носясь надъ *Евролою*, узрѣлъ, къ глубочайшей горести, все-

общее развращеніе. Тамъ одинъ народъ въ собственныхъ областяхъ свирѣпствовалъ съ такимъ неисповѣдомъ, которое только въ адѣ имѣетъ себѣ подобное, и убилъ невиннаго своего Государя. Повсюду разносился гнусный смрадъ роскоши и сладострастія, и самые Вѣрные наши изнемогали отъ сея заразы. — Нѣкая упругая сила оппалкивала меня назадъ, такъ что мнѣ нужно было величайшее напряженіе силъ, чтобъ спуститься на землю. Это былъ духъ вольности и равенства, въ ярости испускавшій смраднѣйшій чадъ свой. Представь себѣ, любезный Едидія! такую *вольность*, гдѣ каждый каждому навязываетъ свои законы и никому не хочетъ! Представь себѣ *равенство* тамъ, гдѣ силы естественныя, дары богашства и способы власти безчисленно разнятся!

ЕДИДІЯ. Не лѣзя вообразить ниче-

т безумнѣ; эшо наизлѣйшій духъ,
кого только Сапана могъ послашь
землю къ пагубѣ человѣчества. *

ГАЗИЛЪ. Да; онъ самый вреднѣй-
й при насшоящемъ разположеніи
человѣческаго духа, и послѣдній. Ибо
ольность съ необузданностію и не-
сышимымъ алканіемъ земнаго сча-
тія и равенство съ неограниченною
рдостію — естъ такое состояніе, ко-
рое должно разрушитъ всѣ священ-
е союзы человѣчества. ** Но я оп-
хнулъ теперь опъ земнаго моего пу-
ешествія, существо мое возвратило
ежнее свое сіяніе: и такъ поспѣшу
сферу мою. Да усовершается и швое
остояніе, и свѣтъ Господень да про-
бшитъ тебя, Любезный Братъ, па-
и паче!

ЕДИДІЯ. Аминь! Буди и тебѣ по-
аголу швоему, Небесный братъ!

Эшо духъ звѣря изъ бездны.
Милосердый Боже! Даруй, чтобы оно
ознало сіе не изъ опыта!

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ШЕСТОЕ.

І Е Р А Р Х І Я.

ГИЛЛИЛЪ и ГУИЛЪ.

[Въ Царствѣ Тѣней.]

ГУИЛЪ. Согласенъ, что я не до-
споенъ бытъ гражданиномъ Царства
Свѣша, сіяющаго тамъ за горами,
но естли всѣхъ разбирашь по *досто-
инству*, то какоеже право имѣюшъ на
сіе гражданство и прочіе братья мои
человѣки, кошорыхъ много однакожъ
изъ знакомыхъ мнѣ вижу по временамъ
туда переходящихъ: а я оспаяюсь всѣмъ
здѣсь! — Ни одинъ изъ препровождаю-
щихъ ихъ Ангеловъ на меня и не
взглянешъ; всѣ они какъ бы не ви-
дѣшъ меня. — Что наконецъ со мною
будешъ? Хошя и не лзя измѣрять
здѣшняго пребыванія временемъ: од-
накожъ мнѣ кажется, что я здѣсь

Е еще нѣсколько лѣтъ. Я вспоминалъ
 мою мою земную жизнь, разсмапри-
 ть всѣ мои мысли, слова и дѣла, и
 оглашаюсь самъ, что я, правда, не-
 достойнѣйшей славы; но по крайней
 мѣрѣ главная часть земной моей жиз-
 ни состояла въ искреннемъ прилѣпле-
 нѣнн къ Богу. Я сердечно вѣрилъ
 скупипелю, вся воля моя до смерти
 оей швердо и непремѣнно обращена
 была на исполненіе закона любви къ
 огу и ближнему; я дѣлалъ все, что
 могъ по немоци моей, и часто ощу-
 далъ въ душѣ моей сладкій міръ и
 лаговоленіе Бога моего: при всемъ
 помъ оставленъ въ сей мрачной пу-
 пынѣ, и вѣчная судьба моя остав-
 я нерѣшеною. Опецъ человекѣвъ!
 спѣли молишвы и здѣсь доходяшъ до
 слуха Твоего, по умилосердись надо
 мною! . . . . Вошъ опять явились изъ
 за горы какіе-то Лучезарные Юноши
 и проливаютьъ долу свѣтъ свой! Какое
 величество - сіяетъ на ихъ лицахъ

какъ будпо багряная заря утренняя
приходишь опъ вѣчнаго Воспока! —
О! хопа бы изъ нихъ кшо сжалился
надо мною! — Но вошь кшо-то идешь
ко мнѣ: приспуплю къ нему съ покор-
ностію и смиреніемъ; можешъ бышь
онъ взглянешъ на меня милоспиво,
какъ Хрипосъ нѣкогда возрѣлъ на
разслабленнаго въ Виѳсаидѣ. *

ГИЛЛИЛЪ. Ты кажешся чрезвы-
чайно унылымъ.

ГУИЛЪ. Благодарю Господа за сію
милоспъ! Наконецъ сыскался одинъ
изъ Небесныхъ обиташелей, копорый
увидѣлъ меня и съ копорымъ я гово-
ришь могу.

ГИЛЛИЛЪ. Ты къ сему не былъ

* Весь сей разговоръ съ собою добраго
Гуила показываешъ состояніе его духа,
свойспвенное шоль многимъ благочеспи-
вымъ душамъ, кои не обозрѣли еще всей
бездны своего поврежденія; имъ недо-
стаетъ еще сей важной молишвы: и ску-
си мя, Господи! и изслѣди мя.

еще готовѣ: нынѣ разкрой весь свѣтъ
швоея совѣсти.

ГУИЛЬ. Спаситель мой! Зри: се
жизнь моя вся открыта предъ тобою,
предъ небеснымъ твоимъ служише-
лемъ и предъ самимъ мною! — Я взы-
ваю къ благотворнымъ Твоимъ заслу-
гамъ! —

ГИЛЛИЛЬ. Новое имя твое будешь
Гуиль; ты будешь блаженъ, потому
что былъ честенъ и до конца дней
твоихъ сохранилъ вѣру: но есть нѣ-
что въ духѣ твоемъ, что до нынѣ
препятствовало, и теперь еще пре-
пятствуетъ, переселенію твоему. Въ
тебѣ остается склонность, прошив-
шая образу мыслей гражданъ небес-
ныхъ, кою ты еще не извѣдалъ,
потому и не испробилъ.

ГУИЛЬ. Ахъ! Открой мнѣ плеве-
ны сіи, да изторгну ихъ изъ внутрен-
ности моей!

ГИЛЛИЛЬ. Ты долженъ самъ от-
крыть въ себѣ ихъ, и мнѣ удивишель-

но, что во все пребываніе швое здѣсь, при спрогомѣ испыпаніи всей швоей жизни, ты не усмотрѣлъ еще сего тайнаго врага швоего. *

ГУИЛЬ. Но сдѣлай мнѣ, Небесный Житель, указаніе, чтобы я могъ найти слѣдъ къ тому.

ГИЛЛИЛЬ. Весьма охотно, Любезный Гуиль! Разсмотри только испочникъ: откуда изпекала сила, оживлявшая весь кругъ швоей дѣятельности на земли? Для чего ты говорилъ и писалъ съ такою охотою о дѣлахъ государственныхъ? Для чего всегда судилъ о дѣлахъ Правительсва и осуждалъ всѣ правленія и учрежденія, кои были не по швоимъ мыслямъ? **

ГУИЛЬ. Побудительною причиною сей склонности было общее благо

* Когда врагъ превращается въ Ангела свѣтла, тогда весьма трудно узнать его: вотъ что и съ Гуиломъ происходило. —

** Господствующій духъ нынѣшняго времени.

человѣчества ; ибо какъ Правители
имѣють въ рукахъ своихъ власть раз-
пространять вокругъ себя счастье и
блаженство : то я желалъ, чѣобы они
дѣйствительно то исполняли.

ГИЛЛИЛЪ. Изслѣдуй склонность
сію хорошенько, и разсмотри : чиста
ли ея побудительная причина ?

ГУИЛЬ. Я примѣчаю, чѣо шущъ
примѣшивалось нѣчто тайное, чѣо
изъяснить еще не могу.

ГИЛЛИЛЪ. Не раждалось ли въ те-
бѣ часто желаніе — бытъ самому
Правителемъ ?

ГУИЛЬ. О! весьма часто : но я же-
лалъ сего для того, чѣобѣ получить
возможность къ разпространенію до-
бра. *

ГИЛЛИЛЪ. Разсмотри хорошенько,
не обманываешь ли ты себя? — Есть-
ли бы ты поставленъ былъ Прави-

Вотъ свѣшлая змѣиная одежда, копо-
рую однакожъ Гиллилъ сорветъ мощною
своею рукою.

пелемъ цѣлаго народа; но такъ, чтобъ
никто не зналъ того и не могъ бы
узнать, что все добро произтекаетъ
отъ тебя; если бы при томъ жилъ
ты въ самомъ низкомъ состояніи и
съ крайнимъ трудомъ доставалъ себѣ
пропитаніе: то принялъ ли бы ты
сію должность съ такою же охотою,
какъ и тогда, когда бы ты блисталъ
въ величествѣ и пріобрѣталъ честь
и славу? *

ГУИЛЬ. Нѣтъ!

ГИЛЛИЛЬ. Для чего же? Если
общее благо одно было побудительною
причиною твоихъ дѣйствій: то пер-
вое состояніе должно бы для тебя
быть еще пріятнѣе послѣдняго, по-
тому что оно соединено гораздо съ
меньшими опасностями.

---

* По сему образцу пусть испытаетъ се-
бя каждый, величающійся благодѣяніями
и полезными учрежденіями своими для
общества. — Главное дѣло въ томъ: да
не увѣстъ шуйца твоя, что шворишь
десница твоя.

ГУИЛЬ. Теперь озаряетъ меня великій свѣтъ. — Ахъ! коль глубоко развращеніе человѣческое! — И такъ тайная гордость управляла лучшія мои дѣянія! *

ГИЛЛИЛЬ. Теперь нашелъ ты то, что препятствовало твоему просвѣтленію. Сія склонность совершенно противна небесному правленію; она есть первоначальный источникъ ада и всякаго зла.

ГУИЛЬ. Ахъ! возвѣсти мнѣ о семъ правленіи, дабы мнѣ сдѣлаться достойнымъ онаго! Но сей корень зла оставлялъ я въ себѣ не по волѣ моей; теперь, узнавъ оный, я ненавижу его и объ исребленіи его молю Искупителя.

ГИЛЛИЛЬ. Обращеніе твое воздѣй-

---

* Ахъ! испытай себя, любезный Читатель! Самыя небеса отъ нея нечисты. Сколь же нужно намъ очищеніе заслугами Христовыми! — Кто получитъ такое око, тотъ непременно долженъ сдѣлаться смиренъ и крошокъ сердцемъ.

ствуетъ ко благу своему, любезный Гуиль! Но чщобы сдѣлаться тебѣ способнымъ къ новому своему званію, я преподамъ тебѣ нѣкоторое наставленіе. — *Смиреніе* производишь отъ истиннаго и правильнаго самопознанія, такого, щобы сщепень совершенства и несовершенства своего не поспавляшь ни выше, ни ниже того, какъ она есть; сіе самопознаніе удостоверяешь, що и малѣйшее добро мы не отъ себя имѣемъ, а получаемъ изъ неизслѣдимой сокровищницы благодати Господней: напрошивъ того, всѣ недоспадки и несовершенства наши суть наша собственность; производящее же изъ того живое чувство ничщожества своего и величества Божія называется собственно *смиреніемъ*; оно мать всѣхъ добродѣтелей, щакъ какъ гордость есть мать всѣхъ пороковъ; оно опредѣляетъ на небесахъ достоинство и сщепень способностей къ правленію,

такъ какъ гордость опредѣляетъ сію степень во адѣ. *

ГУИЛЬ. И такъ смиреннѣйшій есть на небесахъ вмѣстѣ самый высочайшій?

ГИЛЛИЛЬ. Да! Господь во время пребыванія своего на земли смиренъ былъ сердцемъ, добровольно избралъ самое низкое и бѣдное состояніе, сносилъ поношеніе и презрѣніе съ величайшею крошечностію и чрезъ то возвысилъ человѣчество до высочайшаго достоинства, и нынѣ на престолѣ являетъ въ человѣчествѣ своемъ высочайшее совершенство, въ которое возведенъ онъ Отцемъ своимъ съ самыхъ нижнихъ степеней; и сіе-то составляетъ море блаженства, все существо его улаждающаго и опѣкающаго на всѣхъ искупленныхъ его про-

---

* Если совершенно удостоверимся въ семъ положеніи: то въ состояніи будемъ почто знать, сколько мы принадлежимъ къ гражданству Божію. —

ливающагося. Почему производящая
отсюда непоспимая любовь къ От-
цу и высочайшая степень благодар-
ности къ Сыну есть связь, полъ тѣс-
но соединяющая Отца съ Сыномъ. *

ГУИЛЬ. Проспи мнѣ, Прославлен-
ный, что я предложу тебѣ одинъ во-
просъ. Слѣдовательно въ существѣ
человѣка находится *врожденное ло-
бужденіе къ возвышенію*; ибо самое
ощущеніе блаженства состоитъ въ
томъ, чтобы низкое возвышалось.

ГИЛЛИЛЬ. Весьма справедливо. Но,
сіе возвышеніе можетъ обнаружива-
ся двоякимъ образомъ, а именно: ко-
гда мы *хотимъ* возноситься и господ-
ствовать надъ другими, и когда самъ
духъ дѣйствительно возвышается

---

* Чѣмъ глубже ощущаемъ мы свое ни-
чтожество, тѣмъ выше бываетъ сте-
пень любви и благодарности: вотъ пря-
мое основаніе всѣхъ состояній небес-
ныхъ!

чрезъ ближайшее подобіе высочайше совершенному первоначальному образцу. *

ГУИЛЬ. Это истинно! И такъ побужденіе къ возвышенію, въ опвлеченномъ смыслѣ, есть святое и благородное; а въ направленіи своемъ и употребленіи бываетъ такъ различно, какъ свѣтъ и тьма.

ГИЛЛИЛЬ. Сужденіе 'швое справедливо: но я хочу показать тебѣ и слѣдствія обоихъ направленій. Когда множество челоѣковъ сіе побужденіе къ *возвышенію* обращающъ опъ себя на другихъ, и каждый хочетъ господствовать надъ всѣми: тогда каждый свою мѣру силъ обращаетъ къ той же цѣли; а когда всякой думаетъ гос-

---

* Весьма нужно замѣтить сіе чрезвычайно важное различіе; ибо первый родъ возвышенія происходитъ изъ самости, а второй изъ любви къ высочайшему совершенству и составляетъ существо блаженства.

подспововашь, повиноваться же никто: тогда сильнѣйшій всегда утѣсняетъ слабѣйшаго; сей повинуется ему съ ненавистью и желаніемъ отмести, а шовъ господствуетъ съ гордостію и презрѣніемъ. Вотъ правила Царства тьмы! * Поеликуже въ Царствѣ духовномъ состоянія различаются не по чувственнымъ и физическимъ отношеніямъ, какъ на земли, а по образу мыслей и свойствъ, и общества составляютъ по сходству воли и хотѣнія: то въ каждомъ обществѣ господствуетъ сильнѣйшій и всѣ ему повинуются по неволѣ, и при томъ каждый по мѣрѣ своей слабости. Но и сіи сильнѣйшіе, по разности силъ своихъ, также подчинены одинъ другому до верховнѣйшаго Правителя, находящагося единственно подъ властію Владыки всѣхъ духовъ. И такъ все Царство ада есть совер-

---

* А въ нѣкоторой степени и Царства земнаго.

шенный деспотизмъ и истый образъ всякаго бѣдствія и спраданій, какія только отъ неволи и приписненія производить могутъ. *

ГУИЛЬ. Это самое ужасное правленіе, которому и на земли есть примѣры. — Но нашъ достопокланяемый Царь небесный какъ поступаетъ, чтобы удержаць въ предѣлахъ сіе царство неистовства и сильныхъ его Правителей?

ГИЛЛИЛЬ. Онъ поступаетъ по тому же правилу, которое наблюдалъ онъ съ самаго начала на земли и которое одно и есть возможно. Онъ не препящиваетъ сему Царству предпринимать и исполнять свои планы; но какъ оныя совершенно противны свойству Царства духовнаго: то отъ сего въ нравственной напурѣ производить

---

* По сему образцу можно судить и о правленіяхъ человѣческихъ на земли, смотря потому болѣе или менѣе уподобляющіяся они царству ада.

почти такое же состояніе, какъ на земли въ физической, когда множество вредныхъ и горючихъ паровъ подымаются вверхъ и спираются; они составляютъ бурю, которая опъ сильнаго пренія огненнаго электрическаго вещества раздражается и такимъ образомъ раззоряетъ собственное существо свое. Когда Сатана съ царствомъ своимъ неистовство злобы простретъ до того, что прошивное ихъ дѣйствіе коснется уже предѣловъ небесныхъ: тогда возпламеняющіяся громы суда, которые низвергнутъ его съ сообщниками въ темницы адовы; и они, пораженные и оглушенные громомъ, въ безсиліи своемъ возпрепещутъ и возкрежещутъ зубами, пока, опомнясь, паки примутся за свои замыслы. *

---

* Такъ и на земли испребляются наконецъ сами собою царства Деспотизма и Эгоизма; ибо какъ самость не естественна, то никакая напура подъ владычествомъ оной пребывать не можетъ.

ГУИЛЬ. Всемогущій Боже! Когда будетъ конецъ сему бѣдспвію и смященію?

ГИЛЛИЛЬ. Тогда, когда самая *гордостъ* сдѣлается *смиреніемъ*.

ГУИЛЬ. Но сіе невозможно! *

ГИЛЛИЛЬ. Ни одинъ конечный духъ не знаетъ всего, что Богу возможно: но я опишу тебѣ и шѣ слѣдствія, когда врожденное побужденіе къ возвышенію дѣйствуетъ такъ, что духъ самъ себя облагороживаетъ и опчасу ближе подходитъ къ высочайше совершенному образцу. Въ семъ описаніи найдешь ты источникъ небеснаго нашего правленія.

ГУИЛЬ. Онъ будетъ для меня предвкушеніемъ блаженства.

ГИЛЛИЛЬ. Тебѣ извѣстно, что совершенство Высочайшаго существа, въ отношеніи къ разумнымъ шварямъ,

* Такъ кажется: но какъ самость можетъ превратиться въ любовь, такъ и гордость въ крошость.

состоитъ въ совершенной премудрости и знаніи всѣхъ вещей и въ высочайшей дѣятельности ко всеобщему благу, безъ ограниченія свободы всѣхъ существъ и безъ потери своего всемогущества.

ГУИЛЬ. Это мнѣ извѣстно.

ГИЛЛИЛЬ. Слѣдовательно побужденіе человѣка къ возвышенію должно превратиться въ побужденіе къ подобію первоначальному образцу человѣчества, который есть Богъ : почему производящія отсюда добродѣтели состоятъ въ непрестанно возрастающемъ познаваніи и любленіи. *

---

* Истинное и дѣятельное совершенствованіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы всѣ существа купно съ нимъ содѣйствовали къ его усовершенію. Сіе же бываетъ тогда, когда человѣкъ равномерно старается о благѣ всѣхъ ихъ. — Почему побужденіе человѣка къ возвышенію тогда только имѣетъ прямое направленіе, когда онъ изъ прямой любви къ Богу и ближнему познаетъ всеобщее благо, и содѣйствуетъ къ оному.

ГУИЛЬ. Это неоспоримая истина!

ГИЛЛИЛЬ. И такъ человекъ долженъ совершенно успрямиться къ познанію Бога и нравственнаго или духовнаго его царствія, и по мѣрѣ увеличивающагося познанія содѣйствовать ко всеобщему благу.

ГУИЛЬ. Неоспоримо.

ГИЛЛИЛЬ. Съ приращеніемъ познанія увеличивается и прозрѣніе его въ безконечность Божескихъ совершенствъ, въ величество, разнообразіе и непоспимую премудрость, во всѣхъ дѣлахъ его видимую, и въ свою предѣльность: такъ что самый высочайшій конечный духъ, со всѣмъ своимъ вѣдѣніемъ и дѣйствованіемъ, есть ничто противъ безконечнаго и не можешь иши съ нимъ ни въ какое сравненіе. Сіе удостовѣреніе усиливаетъ побужденіе къ подобобытію и шѣмъ испребляется всякое неправильное присвоеніе вышшаго достоинства предъ другими. И такъ ты ви-

дишь, что смиреніе ведетъ къ позна-
нію и дѣятельности по мѣрѣ возра-
станія, и что оно для наученія и обла-
гороженія духа своего охотнѣе пови-
нуешься, нежели господствуешь. *

ГУИЛЬ. Это очевидная истина!

ГИЛЛИЛЬ. Поелику никто не воз-
ходитъ на небо, кто не имѣетъ сего
образа мыслей и чувствованій, раз-
личаясь только другъ отъ друга сте-
пенію познанія и любви: то всѣ не-
бесные Граждане стараются уподо-
биться высочайшему образцу; всѣ ал-
чутъ познанія, премудрости и дѣй-
ствій ко всеобщему благу; каждый, въ-
чувствѣ ничтожества и предѣльности
своей, старается отъ *всякаго* учиться
и всякому повиноваться; и если
одинъ примѣтитъ, что другому что
нибудь еще неизвѣстно, которое мо-

---

* Желательно, чтобы сіе мѣсто всѣмъ
моимъ Читателямъ, и мнѣ самому, влі-
яло въ сердце сей духъ смиренія изъ са-
маго источника! Отъ сего все зависитъ.

жетъ быть ему полезно: то учить его съ любовію и смиреніемъ, направляющими его къ таковой же любви и смиренію; а пошому такое правленіе безъ сомнѣнія есть совершеннѣйшее. *

ГУИЛЬ. Оно самое блаженное.

ГИЛЛИЛЬ. Общества на небесахъ соспавляющся по сходству свойствъ и склонностей, и все царство Божіе состоитъ изъ малыхъ или большихъ общественныхъ круговъ, коихъ нѣсколько соспавляютъ одно большое царство: всѣ же сіи общества, большія и малыя, состоятъ подъ правленіемъ первенцевъ, коихъ главою есть самъ Господь; всѣ они населяютъ приличнѣйшія имъ спраны, и понеже каждый цѣнитъ другаго по истинному внутреннему его достоинству:

---

* Когда всѣ хотятъ повиноваться и никто не думаетъ господствовать, тогда всѣ; слѣдуютъ высочайше совершенной волѣ, и тотъ есть начальникъ, кому наиболѣе она извѣстна.

по всѣ они добровольно съ охотою и любовію повинуются совершеннѣйшему изъ нихъ, который управляетъ не страхомъ, но вышшимъ свѣтомъ истины, свѣпящимся въ повелѣніяхъ его. * Самъ Господь управляетъ не страхомъ, но ошкровеніемъ своея воли, кошорая всегда согласна съ закономъ всеобщаго блага; и какъ всеобщее благо извѣстно и желательнo каждому, по каждый и повинуетъ охотно. Главное правило царства Божія состоитъ въ томъ, чтобы всѣ разумныя существа были свободны и слѣдовали Божественному закону произвольно. Сей законъ одинъ долженъ направлять его волю по совершенной *свободѣ*: высочайшая же премудрость устроила нравственный міръ такъ

---

* Да не соблазнялся тѣмъ, что я идеи сіи заимствовалъ у Шведенборга; ибо онѣ основаны на здоровомъ разумѣ. Шведенборгъ имѣетъ много прекраснаго и добраго, хотя также много въ немъ и заблужденій. —

чудесно, чшо со степенію повинове-
нія сему небесному закону возраста-
ешѣ и степень продолжающагося удо-
вольствія или блаженства; а напро-
шивъ того по мѣрѣ возвышенія сте-
пени неповиновенія возвышается и
степень мученія и бѣдствія: слѣдова-
тельно царство Божіе есть царство
совершеннаго правосудія. *

ГУИЛЬ. О! эшо прекрасно! Какъ
желательно мнѣ сдѣлаться гражда-
ниномъ сего царства! Но позволь
спросить себя, Небесный! Небо сіе не
есть ли видимый плотскими очами
шѣлесный міръ?

ГИЛЛИЛЬ. Нѣтъ, любезный Гуиль!
Такъ думаютъ многіе земные человѣ-
ки, но сіе совсѣмъ несходно съ испи-

---

* Совершенная свобода бываетъ то-
гда, когда всякой можешъ и смѣешъ дѣ-
лать, что хочешъ; а сіе можешъ и смѣ-
ешъ только тогда, кому извѣстно и же-
лательно благо: слѣдовательно таковой
только и можешъ совершенно быть бла-
женнымъ.

ною. Всѣ солнца и планеты суть міры тѣлесные, обитаемые разумными тварями вещественной и вѣстѣ духовной натуры; ты нѣкогда о нихъ узнаешь многое, чего нынѣ сказать я тебѣ еще не могу. Каждый классъ сихъ существъ имѣетъ свое собственное небо, въ которомъ Господь чрезъ вѣчное Слово, или чрезъ единороднаго Сына своего, открывается имъ по свойствамъ ихъ. Но всѣ небеса тѣмъ болѣе сближаются другъ съ другомъ, чѣмъ ближе они къ первоначальному Источнику совершенства. Ни одно небо плоскимъ земнымъ очамъ невидимо, тѣмъ менѣе можно описать оное понятіями времени и мѣста. *

ГУИЛЬ. Теперь мнѣ это понятно, и кажется, я разумѣю тамошній прекрасный свѣтъ, тамошнія горы, множество душъ и оную мрачную юдоль

---

* По воскресеніи небо совокупится съ землею и послѣдняя будетъ жилищемъ ближнихъ. Апок. XXI.

гораздо еще вѣрнѣе, нежели прежній
тѣлесный міръ. — Всѣ чувства мои
чувствуютъ живѣе, и все мнѣ пред-
ставляется какъ бы матеріею, толь-
ко гораздо тончайшею, нежели какая
была прежде; все чувствую я въ
пространствѣ, и все представляется
мнѣ одно за другимъ, то есть: во
времени.

ГИЛЛИЛЪ. Это такъ. Еслибъ
ты былъ здѣсь въ прежнемъ своемъ
смертномъ тѣлѣ, то изъ всѣхъ окру-
жающихъ тебя здѣшнихъ предметовъ
ты не увидѣлъ бы ничего, кромѣ
внѣшняго творенія лазуреваго неба и
въ немъ міровъ: но теперь въ возвы-
шенномъ своемъ состояніи ты видишь
одинъ только міръ, прежде для те-
бя невидимый: когдаже ты еще бо-
лѣе успѣешь въ небесныхъ знаніяхъ,
то мало по малу получишь способ-
ность видѣть и тѣлесный міръ; и
тогда можно будетъ поручать и те-

бѣ посольства, и ты по праву называться будешь Ангеломъ. *

ГУИЛЬ. О! какъ это пріятно! Но еще прошу тебя, Прославленный! опиши мнѣ напуру неба и качества онаго, чѣмъ я лучше понялъ все, чѣмъ мнѣ увидѣть тамъ можешь быть случиться.

ГИЛЛИЛЬ. Ты любознательнѣе; я приведу тебя туда и покажу самыя вещи. —

ГУИЛЬ. [Переносясь за гору.] Теперь воздухъ мнѣ уже не мѣшаетъ: прежде же, когда я ни подходилъ сюда, всегда задыхался. Отъ чего это?

ГИЛЛИЛЬ. Пока внутреннее духа не раскрыто, то участь его опасна.

* Съ симъ мнѣніемъ я не принуждаю соглашаться; но мнѣ кажется оно весьма вѣроятно, и я взялъ его также у Шведенборга. Собственно говоря, блаженные получаютъ паки совершенную чувствительность тогда только, когда шѣло ихъ воскреснетъ и опять соединится съ душою.

нерѣшимою, и онѣ не знаетъ куда
ишши; въ немѣ есть нѣчто такое,
которое прошивишся приближенію и
къ царству свѣта и къ царству тьмы:
но когда духъ разкроется, то свой-
ство его, симъ образомъ ставъ опре-
дѣлено, влечетъ его туда, куда онѣ
принадлежитъ. *

ГУИЛЬ. Неизреченно, неизреченно
прекрасна та страна, которую я предъ
собою вижу! Неизмѣримый рай въ пре-
краснѣйшей зарѣ! Все здѣсь подобно
земной нашурѣ, но лучше безъ срав-
ненія.

ГИЛЛИЛЬ. Необозримое простран-
ство на правой и лѣвой сторонѣ до
самой дальней горы есть *Царство*
Науки, въ которомъ дѣши, умершіе

---

* Сіе положеніе основано совершенно на
нашурѣ человѣческой, и потому справед-
ливо; ибо пока не узнаешь согласія нрав-
ственной своей напуры съ какимъ либо
гражданскимъ обществомъ, до тѣхъ
поръ не лзя вступить въ оное.

прежде совершеннаго ихъ возраста, съ прочими душами, не далеко успѣвшими въ познаніи, воспитываются для другихъ царствъ.

ГУИЛЬ. Не ужъ ли здѣсь заря продолжается непрерывно, и вѣчное солнце никогда не возходитъ?

ГИЛЛИЛЬ. Да! ибо на небесахъ вся видимая натура совершенно согласна съ нравственнымъ состояніемъ ея жителей. Здѣсь обитаютъ души, коимъ свѣтъ истины освѣчивается только: но по ту сторону горы свѣща на горизонтѣ слава Господня; тамъ *Царство Свѣта*. Граждане онаго называются собственнно *Ангелами*, хотя имя сіе дается и всѣмъ гражданамъ небеснымъ, и тамъ владычествуешь вездѣ полное вѣдѣніе. — Но за прешью горою находится *Царство Славы*, и на предѣлахъ вѣчности стоить градъ Божій съ жилищемъ Господа, откуда изшекаетъ пер-

воначальный свѣтъ, все небо освѣщающій. Въ семъ Царствѣ живущъ Серафимы, копорые съ высочайшею степенію познанія соединяющъ высочайшую степень силы; они называются также *Архангелами*.

ГУИЛЬ. Но что тамъ дѣлающъ растѣнія и животныя, буде они есть?

ГИЛЛИЛЬ. Они состоящъ въ тѣснѣйшей связи съ состояніемъ жителей. По роду познанія, какое имѣетъ общество, такія и растѣнія и животныя въ той странѣ; и какова степень дѣятельной любви гражданъ, такова степень и всѣхъ окружающихъ ихъ предметовъ. Еслибъ возможно было, чтобъ какой нибудь осужденный духъ пробылъ здѣсь нѣсколько времени, то кругомъ его скоро появилась бы и здѣсь страшная пустыня.*

---

* Весьма утѣшительна мысль, что страна населенная блаженными духами, со всѣми ея предметами, соответствуетъ собственнымъ ихъ чувствамъ и вкусу, и

ГУИЛЬ. Такимъ образомъ каждый блаженный живетъ въ спранѣ сходственной съ его напурою, гдѣ онѣ долженъ обрѣтать неизреченное блаженство.

ГИЛЛИЛЬ. Такъ точно! Правитель, или Князь каждаго общества, копорый по степени познанія и любви есть припомъ и совершеннѣйшій, и копорому всѣ подвластные ему свойства своими подобны, управляетъ также и напурою.

ГУИЛЬ. Я вижу тамъ разныя селенія, великолѣпныя чертоги и простыя дома: красота ихъ превосходитъ всякое описаніе, вещество ихъ ни съ чѣмъ сравнено быть не можетъ! Изъ чего они, и кто ихъ построилъ?

ГИЛЛИЛЬ. Творческая сила Господа, въ небесной напурѣ всюду присутствующая, въ одно мгновеніе создаетъ

потому они суть какъ бы творцы оной. Сіе положеніе можно доведши до высочайшей степени вѣроятности.

каждому духу по свойству его личную обитель: но внутреннее украшение зависит уже отъ самого обитателя. — Духи, усмирённые къ горнему, обитають на горахъ, гдѣ взоръ поражается такими явленіями, кои превосходятъ все, что только вообразить можно великаго. *

ГУИЛЬ. Всѣ слышимыя мною чудеса приводятъ въ восторгъ духъ мой. Но употребляюся ли къ чему нибудь здѣшнія расхѣнія?

ГИЛЛИЛЬ. Безъ сомнѣнія. Вспомни о снѣди отъ древа жизни; о древахъ, коихъ листья должны послужить къ изцѣленію язычниковъ; о виноградѣ, отъ котораго Господь хотѣлъ пить

---

* Кто въ жизни сей, образуя вкусъ свой по истинной красотѣ и изящности, посвящаетъ оный Господу, тотъ и въ будущемъ мірѣ возвыситъ свое блаженство. Но сія истинная красота и изящность обрѣщается не въ однихъ только Греческихъ и Римскихъ антикахъ.

вѣ дому Отца своего: * здѣсь наслаждающіеся всѣмъ, дабы отчасу болѣе укрѣплялись вѣ познаніи и любви. Но, любезный Гуилъ, я долженъ препроводить тебя вѣ твое мѣсто. Тамъ, на границахъ сего Дѣтскаго Царства, тебѣ поручатся подъ руководство и надзираніе многіе невѣжественные души; несовершенства ихъ облагораживаютъ тебя и доведутъ до совершеннаго смиренія. — Пойдемъ! Тамъ преподамъ я тебѣ дальнѣйшее наставленіе. —

ГУИЛЪ. Вѣ сихъ блаженныхъ справахъ послѣднее мѣсто и послѣднее званіе будутъ для меня несказанною милостію.

---

* Я думаю, что пишіе сіе послѣдуютъ здѣсь на земли вѣ Царствіи Господа.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЕДМОЕ.

ХРИСТИАНСКІЕ ФАРИСЕИ.

ЭЛОНЪ, ЯӨИРЪ, МЕРАЙЯ и ГАДИИЛЪ.

[Въ Царствѣ Тѣней.]

ЭЛОНЪ. Я пробудился къ вѣчной жизни! Земное мое странствіе кончилось; сія тихая мрачная пустыня есть мѣсто очищенія, гдѣ я совершенно отрѣшусь отъ несовершенствъ моихъ. Почти такъ я себѣ и представлялъ это. О! какъ я счастливъ, что на земли ходилъ во слѣдъ Тебѣ, Твоимъ путемъ самоотверженія, Вѣчная Любовь! — Я былъ совершенно смиренъ, когда Ты воззвалъ меня, и я чувствую еще въ душѣ моей внутреннее оспавленіе отъ Тебя. — Но кто это тамъ идешь? *

---

* Ненадѣющійся на собственныя свои добродѣтели не можетъ говорить та-

ЯӨИРЪ. Здравствуй, Элонъ! Ужъ ли ты не узнаешь брата твоего Яөира?

ЭЛОНЪ. А! Яөиръ! Ты такъ перемѣнился, что я никакъ бы не узналъ тебя. — Не ужъ ли ты все еще здѣсь? Ты уже лѣтъ восемь, какъ умеръ.

ЯӨИРЪ. Ахъ, братъ! Не знаю, что сказать тебѣ. На земли мы такъ были увѣрены, что Господь, открывшій намъ волю свою, облагодетельствовалъ насъ преимущественно предъ многими другими; мы тогда смиренно * воображали, что и блаженство предоставлено намъ преимущественножъ предъ другими: но подумай, я видѣлъ многихъ изъ тѣхъ, коихъ мы никакъ не почитали за обращенныхъ, переве-

---

жимъ самодовольнымъ языкомъ, который показываетъ, какого духа человекъ сей.

* Одна ложь за другою. — Ихъ не касалась ни истинная благодать, ни истинное смиреніе. Но такъ всегда бываетъ, когда блудящіе огни пріемиются за солнце: или когда при первомъ шагѣ къ обращенію, себя уже успокоивающъ и тѣмъ удовлетворяются.

денными уже въ торжествѣ въ Царство блаженныхъ Ангелами; а меня ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ не удостоилъ и взоромъ. Въ такомъ же состояніи и братъ нашъ *Мерайя*. — Онъ шамъ одинъ погруженъ въ глубокое уныніе. Не задолго предъ симъ онъ вздумалъ было самъ подойти къ одному небесному посланнику, но изъ него вышла молнія, и какъ бы электрическимъ ударомъ опразила бѣднаго Мерайю далеко отъ него: а тебѣ извѣстно, какъ высокъ былъ у насъ Мерайя! Даръ краснорѣчія и познанія его были шакъ велики, что мы слѣдовали за нимъ, какъ за Путьеводцемъ; несомнительное хожденіе его предъ Богомъ, удаление отъ міра и вѣрность, съ какою онъ показывалъ намъ каждый порокъ нашъ, удостоверяли насъ, что здѣсь получитъ онъ славную награду: * однакожъ многіе,

---

* Такъ обманываютъ себя духовно гордые факиры въ Индостанѣ, отрицаясь

которыхъ мы не почитали за избранныхъ, предпочтены ему.

ЭЛОНЪ Братъ Яѳиръ! ты меня утѣшаешь! Если такъ поступаюшъ съ деревомъ зеленѣющимъ: то какъ уже поступяшъ съ сухимъ? Но ктожъ изъ нашихъ знакомыхъ предпочтенъ Мерайъ? —

ЯѲИРЪ. Весьма многіе. — Всего для меня чуднѣе, что пришедшій сюда недавно нашъ Пасторъ съ великою честію взяшъ былъ немедленно отсюда.

ЭЛОНЪ. Нашъ Пасторъ! Возможно ли это? Человекъ, который пудрилъ свой парикъ, крахмалилъ галсукъ, носилъ серебряныя пряжки и наряжался въ перснни? — Моги ли Спаси-

---

и умирая міру больше, нежели Христіанинъ вздумашъ можетъ, и при всемъ томъ оставаясь гордыми, нечестивыми шварями! — Мерайя весьма примѣчалъ чужіе пороки: но въ себѣ находилъ ихъ мало.

пель, терпѣвшій самъ нищету, удостоишь его своея благодати! Человѣкъ, кошорый ходилъ на игры и пляски, ввелъ въ Церковь музыку, не имѣлъ никакого понятія о хожденіи предъ Богомъ, о обращеніи, о шайнственномъ пути въры и всѣхъ состояніяхъ уничиженной души — такой человекъ могъ здѣсь безъ продолжительнаго и труднаго очищенія учиниться блаженнымъ! *

ЯѲИРЪ. Да; онъ блаженъ, и по видимому въ высокой степени.

ЭЛОНЪ. И такъ либо Богъ открывается въ душѣ иначе, нежели какъ бы по справедливости надлежало: либо видѣнное побою обманъ, обольщеніе отъ Князя шьмы; пошому что при-

---

* Имъ примѣтны были немощи человекскія, по кошорымъ они и судили: но не видали сильной любви его къ Богу и ближнимъ, силы его молитвы, чрезвычайной благошворительности и смиренія.

знанное сердцемъ и совѣстію за истину не можешъ бытъ ложь. *

ЯѲИРЪ. Ты говоришь дерзко, братъ Элонъ, но я не могу противъ тебя спорить: вошъ идешъ и Мерайя.

МЕРАЙЯ. Здравствуй, братъ Элонъ!

ЭЛОНЪ. И тебя я не узналъ бы; вы очень перемѣнились, какъ бы изтощали отъ гладу и бѣдности. Я слышу, здѣсь идешъ совсѣмъ не такъ, какъ мы себѣ представляли. —

МЕРАЙЯ. Все, что я здѣсь ни вижу, для меня непонятно. Кажется, мы больше другихъ старались исполнять волю Божію, отвергали себя, умерщвляли себя, удалялись отъ міра и мужественно сражались съ духовными нашими врагами: при всемъ томъ ни одинъ еще Ангелъ не удостоилъ насъ и взоромъ, даже такъ,

---

* Нечестивые! Дабы оправдать себя, вы обвиняете Бога въ несправедливости! Ахъ, коль нужно умѣть различать собственныя ощущенія отъ дѣйствій Духа Божія. —

что когда я хотѣлъ подойти къ одному изъ нихъ, то онъ оттолкнулъ меня отъ себя назадъ. — Подумай, что отступница Марья, которая всегда такъ съ нами споривала, которая насъ оставила и прильпилась къ міру — эта Марья, о которой мы сколько соболѣзновали и жалѣли, по прибытіи сюда, потчасъ переведена въ блаженство! *

ЭЛОНЪ. Марья! Этому быть не лзя.

МЕРАЙЯ. Напротивъ того сущая правда.

ЯФЕРЪ. И я также сему подивился. На ней было такое веселое и крошечное лице, что мнѣ вздумалось, не обманула ли уже она какъ судившаго ее Ангела.

ЭЛОНЪ. Если и здѣсь обманы-

* Марья пришла какъ бѣдная кающаяся грѣшница, и просила себѣ неба, какъ милосыни: а вы хотите пятагьсяо немъ съ Богомъ.

вашь можно, то спало слово Божіе не слово Божіе. Нѣтъ, этому бытъ не лзя; а развѣ не такъ ли, какъ я думаю: можетъ бытъ души, взяшыя опсюда въ глазахъ вашихъ, опведе- ны въ мѣста очищенія: либо эшо вы- сокія искушенія, попускаемыя Богомъ для испытанія терпѣнія нашего; мо- жетъ бытъ эшо злые духи, явлюще- ся въ видѣ Ангеловъ свѣплыхъ.

ЯѲИРЪ. Нѣтъ, я эшого не думаю.

МЕРАЙЯ. И я также. Но этому должно наконецъ обьясниться.

ЭЛОНЪ. Чшо я вижу! Какія вели- чественныя существа спускаюшся съ горы опъ зари упренней?

МЕРАЙЯ. Эшо Ангелы судящіе ду- ши: не хочешь ли посмотрѣть ихъ суда?

ЭЛОНЪ. Очень желаю видѣть, какъ эшо здѣсь дѣлается.

(Всѣ трое приближаются къ горѣ.)

ЯИѲРЪ. Видишь ли, братъ Элонъ, стоящаго тамъ предъ Ангеломъ?

Боже! какимъ сдѣлался онъ карломъ! Изъ него пышетъ пламя: видны ли тебѣ ужасныя явленія сего пламени?

ЭЛОНЪ. Милосердый Боже! Какъ это страшно! — Онъ превращается въ чудовище! — Слышишь ли какъ онъ зашипѣлъ, низвергаясь во тьму? Пламя будто опалило его.

МЕРАЙЯ. Вонъ предсталъ другой! Сей начинается блистать. Смори, какое разливается сіяніе вокругъ его! Оно опчасу дѣлается свѣтлѣе и чище. — Какой пріятный свѣтъ, бѣлый съ синешою, какъ бы опъ чисто выполированного серебра.

ЯӨИРЪ. Но видишь ли ты и всѣ красоты, выказывающіяся изъ него? — Это живой языкъ свящосши и благочесшія!

МЕРАЙЯ. Боже милосердый! Онъ мнѣ знакомъ! Это пономарь Илья.

ЭЛОНЪ. Да, онъ былъ очень бо-
лѣнъ, какъ я умеръ: но этому быть не лзя, это свящой! Смори, онъ

какъ Серафимъ переносишся за гору :
а шомъ не былъ даже обращеннымъ. *

(Гадилъ приближается къ нимъ.)

ГАДИЛЪ. Да, эшо шомъ самый
пономаръ Илья. Теперь онъ посша-
вленъ Княземъ въ землѣ праведныхъ,
наслѣдіе его славно и жребій самый
счастливый.

ЭЛОНЪ. Прости мнѣ, Прославленный!
я осмѣлюсь нѣчто спросить у тебя.

ГАДИЛЪ. Спрашивай, о чемъ угодно.

ЭЛОНЪ. Намъ непонятно, какъ
пономаръ сей могъ сдѣлаться блажен-
нымъ? Онъ никогда не былъ обращен-
нымъ.

ГАДИЛЪ. Что ты разумѣешь подъ
словомъ *обращенный*?

ЭЛОНЪ. Развѣ Ангеламъ неизвѣ-
стно эшо сосшояніе?

---

* Онъ былъ обращенный, но шѣмъ не
пщеславился, молчалъ и попускалъ свѣ-
титъ свѣшу: сіи же несчастные за соб-
ственнымъ свѣшомъ не могли того ви-
дѣть. Дѣло сосшоишъ не въ формѣ и
языкѣ, но въ сердцѣ.

ГАДИИЛЪ. Не о томъ рѣчь, знаемъ ли это мы, или нѣтъ: а о томъ, знаешь ли ты?

ЭЛОНЪ. Благодаря Бога,* мнѣ это очень извѣстно: сорокъ уже лѣтъ я самъ имѣю это счастье. Обращеніемъ называешься то, когда человекъ усма-приваетъ грѣховную свою бѣдность и чрезвычайное поврежденіе, отъ сердца кается и дѣятельнымъ образомъ обращается во Христа къ Богу.

ГАДИИЛЪ. Понятіе твое правильно, и заключаешь въ себѣ совершенный путь къ доспигенію блаженства. Ты говоришь, что уже сорокъ лѣтъ, какъ совершилось твое обращеніе; слѣдовательно ты долженъ имѣть великіе успѣхи въ самопознаніи и въ познаніи естествонаго твоего поврежденія?

ЭЛОНЪ. Въ этомъ человекъ никогда довольно успѣвъ не можетъ: въ

---

* Сіе благодареніе походитъ на слова Фарисея у Луки. XVII. 11.

немощи моей я предавался вѣчной Любви и предоставлялъ ей дѣйствовать надо мною. *

ГАДИИЛЬ. Скажи, какая бы должность соединяла въ себѣ всѣ должности человека? —

ЭЛОНЪ. Любовь. — Любишь Бога паче всего и ближняго какъ самаго себя: се законъ и Пророки! Любовь есть исполненіе закона.

ГАДИИЛЬ. Это вѣчная истина, и законъ, по которому судимы будутъ всѣ люди. Но что есть любовь, и въ чемъ состоитъ она?

ЭЛОНЪ. Любовь есть приверженность души къ Богу и людямъ.

ГАДИИЛЬ. Въ чемъ проявляется сія приверженность?

ЭЛОНЪ. Къ Богу оказывается она въ постоянномъ прилѣпленіи къ нему и непрестанномъ хожденіи предъ

---

* Какое ослѣпленіе! Имъ управляло самолюбіе, а онъ почиталъ то за Любовь Вѣчную.

нимъ: а къ чловѣкамъ въ непрестанномъ спараніи о приведеніи ихъ всѣхъ къ нему. *

ГАДИИЛЪ. Ты забылъ главнѣйшее: *любитъ Бога* значишь исполнять волю его всѣми силами: а *любитъ ближняго* значишь пецись о благѣ его какъ о своемъ собственномъ.

ЭЛОНЪ. Это плоды, которые отъ сего древа произрастають.

ГАДИИЛЪ. Весьма справедливо. И такъ въ древѣ, неприносящемъ сихъ плодовъ, спало нѣтъ любви? Кшо не исполняешь воли Божіей, того приверженность къ нему и хожденіе предъ нимъ сушь мечта воображенія: а кшо не печется о благѣ ближняго по всѣмъ отношеніямъ, какъ о своемъ собственномъ, тошь напрасно спараться будешь обращать его и руководствовать.

---

* Главное дѣло въ томъ, что хотять только руководствовать другихъ, бышь вождями ближняго.

ЭЛОНЪ. Это справедливо. *

ГАДИИЛЪ. Ты знаешь, что ненавидѣшь ближняго есть совершенно прошивно любви къ Богу, и что ненавидящій ближняго не можетъ любить Бога?

ЭЛОНЪ. Кто ненавидитъ ближняго, въ томъ нѣтъ ни искры божественной жизни; кто никакихъ плодовъ не приноситъ, того посѣщи должно, какъ негодное дерево, и бросить въ огонь: кто же приноситъ плоды вредные, томъ заслуживаетъ еще вящую казнь!

ГАДИИЛЪ, Ты представляешься самымъ строгимъ и справедливымъ судіею: но объясни мнѣ, въ чемъ собственно оказывается ненависть къ ближнему?

ЭЛОНЪ. Когда кто старается вредить ему, вмѣсто того, чтобъ печись о его благѣ.

---

* Высокомѣріе такъ глубоко, что все сіе еще не воздѣйствовало надъ ними.

ГАДІИЛЪ. Весьма справедливо. Старшій братъ блуднаго сына *любилъ* ли брата, когда онъ, пришедши съ поля и увидя радость отца своего, осердился на то?

ЭЛОНЪ. Нѣтъ, конечно онъ не любилъ, а ненавидѣлъ.

ГАДІИЛЪ. Любилъ ли и ты благочестиваго пономаря Илью, когда почитаешь его недостойнымъ блаженства? *

[Всѣ шрое содрагаются отъ страха.]

Сорокъ лѣтъ, ты говоришь, какъ обратился на путь спасенія; все время проводилъ въ преданіи себя Богу, ходилъ въ присущствіи Божіемъ, занимался обращеніемъ братьевъ своихъ: а никогда еще не исполнилъ первой должности Христіанской, чѣмъ *никого не ненавидѣть!*

---

* На семъ оселкѣ испытай себя каждый почитающій себя за обращеннаго, и попомъ суди ближняго, приписывая ему даже и то, что ему и на сердце не всходило.

ЭЛОНЪ. Прости мнѣ, Святой!

ГАДИИЛЪ. Святой единъ Господь, сѣдящій на престолѣ.

ЭЛОНЪ. Ахъ! прости мнѣ, Небесный жишель! Мы сердечно спремимся угождать Господу, сшараясь жить по наилучшему нашему разумѣнію.

ГАДИИЛЪ. Разкройте внутренность вашу предъ небеснымъ свѣтомъ Истины!

[Всѣ трое разкрываются.]

Какъ можешь ты сказать, что вы сердечно спремимся угождать Господу и сшарались жить по наилучшему вашему разумѣнію? Взглянувъ только на естественное ваше поврежденіе и увидя необходимость постояннаго премѣненія смысла, вы и назвали уже это *обращеніемъ*! За тѣмъ въ непрестанныхъ размышленіяхъ о Богѣ, въ чтеніи, молитвѣ, пѣніи и взаимномъ соединеніи въ тѣснѣйшія связи, искали вы исполненія всѣхъ

должностей, религією предписываемых; — убѣгали грубыхъ грѣховъ: но шонкія и гораздо гибельнѣйшія мерзості, какъ-то духовную гордость, лицемѣрное смиреніе, презрѣніе и осужденіе тѣхъ, кои были на васъ непохожи, не только въ себѣ питали; но еще почишали за ревность къ дому Господню; — старались узнать, чѣмъ можно угодишь Богу, и познаніе сіе приняли за исполненіе. Изъ истины и невѣжества, изъ чувствственности и мечтѣ воображенія вашего сославили вы себѣ систему религіи; разпространяли оную, желая вести души къ Богу; и въ семъ одномъ полагали исполненіе должностей, предписываемыхъ любовію къ ближнему: кто же не принималъ вашего ученія, того почишали вы недостойнымъ Царствія Божія! — Когда накормили вы алчущаго, когда напоили жаждущаго, одѣли нагаго и посѣщали болящаго въ шемницѣ? Взываніе ваше: *Господи!*

Гослоди! ученіе ваше, ястіе и пиші предъ Господомъ, и проповѣданіе н сшогнахъ града его сущъ шокмо суеша и вы неспособны къ Царствію Божію.

МЕРАЙ Я. Однакожъ воля наша успремлена была къ тому, чшобъ всѣмъ сердцемъ служишь Богу. Мы чипали писанія Свяшыхъ мужей и слѣдовали ихъ ученію: преимущесшвенно предъ многими старались опшвергашься себѣ и разпинашъ плоть свою со спрасшми и похощми: еспшли же мы и соврашились съ прямага пуши, шю Господь по милосердію своему вмѣсто суда явишъ намъ милосшъ; ибо онъ принялъ на себя грѣхи всего міра, слѣдовашельно и наши.

---

* Испышайше, испышайше себя, Учишели! и вспомнише, что изъ десяти брачныхъ дѣвѣвъ пять опшвержены были по тому, что у нихъ не было духа любви. Для спасенія человѣковъ потребно испинное и сущесшвенное дѣйспвованіе, или искреннее-хощбіе дѣйспвовашъ: безъ сего ничто не поможешъ.

ГАДІИЛЪ. Всѣ умерщвленія и раз-
инанія безъ истинной и дѣятельной
любви суть мерзость предъ Богомъ,
бо питають только гордость. Кто
болѣе Индѣйскихъ факировъ умерщ-
ляетъ чувственныя спрасхи? Но кто
ке болѣе ихъ и гордѣ? Пока въ васъ
закрывается будетъ гордость и осуж-
деніе другихъ, до тѣхъ поръ вы не
можете сдѣлаться блаженными. *

ЯӨИРЪ. Но мы глубоко въ душахъ
нашихъ ощущаемъ извѣстность чад-
ства Божія, о кошоромъ Духъ его да-
валъ намъ свидѣтельство.

ГАДІИЛЪ. Каждый удовлетворяю-
щій требованіямъ своея совѣсти чув-
ствуетъ сіе успокоеніе, какъ бы не-

---

* Кто не ощущаетъ во глубинѣ души
своей, что онъ въ основаніи своемъ ни-
чего добраго въ себѣ не имѣетъ: тотъ
есть самый достойнѣйшій осужденія,
тотъ неспособенъ къ Царствію Божію.
Чѣмъ далѣе идетъ онъ въ пути просвѣ-
щенія, тѣмъ становится недостойнѣе —
говоритъ Авторъ.

лѣпы иногда сіи требованія ни были. Первая должностъ Христіанина очистишь свою совѣсть; вторая слѣдуетъ внушеніямъ ея; за симъ уже послѣдуетъ истинное свидѣтельство чадства Божія, оказывающееся въ сердечномъ смиреніи. Какое спокойствіе, радость ощущалъ въ сердцѣ своемъ фарисей, когда онъ говорилъ: благодарю тебя, Боже, что я не таковъ какъ другіе человеки; что я не таковъ грѣшникъ, какъ сей мытарь! Но сія радость была ли свидѣтельствомъ чадства его? Теперь вы предъ судомъ Вседержителя: внутренняя ваша, вся жизнь ваша въ чрезвычайной ясности открыта предъ очами его, а гордость ваша все еще воздымаетъ главу свою, и вы мечтаете имѣть право на Царство Божіе! Бойтесь подвергнуться казни мятежниковъ, смиритесь подъ мощною рукою Господа, да онъ во свое время вознесетъ васъ!

ЭЛОНЪ. Хотя бы Господь осудилъ

меня на вѣчное спраданіе, то и тогда я буду прославлять его моимъ спраданіемъ. *

МЕРАЙЯ. И я также!

ЯӨИРЪ. И я!

[Ангелъ начинаетъ спрашно блиспати.]

ГАДІИЛЪ. Удалишесь, дабы огонь гнѣва Всевышняго не низвергъ васъ во шьму кромѣшнюю! Вы мечшаете, что любовь ваша сильнѣе ада: а вы и не начинали еще любить! Удалишесь!

Сіи при бѣдные духа удаляются въ дикую пустыню, освѣщаемую однимъ только метеоромъ, похожимъ на луну. Справа сія подобно пустому острову населена дикими духами. Здѣсь опредѣлено симъ пришельцамъ обрабатываться грубымъ чувствомъ сихъ душъ и научиться смиренію: душамъ же симъ напрошивъ того должны они подать наставленіе и приближить ихъ къ главной цѣли.

---

* Можно подумать, что я слишкомъ уже увеличилъ дерзость сихъ людей: но кто въ семъ сомнѣвается, тому я могу представить письменное свидѣтельство о семъ.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОСЬМОЕ.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ЛАФАТЕРОВО.

ЯВЛЕНИЕ I.

ЭЛЬНАТАНЪ и ШИРІАГЪ. *

ЭЛЬНАТАНЪ.

Любезный Ширіагъ, сладчайшій Пѣсно-
пѣвецъ!

Куда ты молніей несешься по эѣиру,
Свой арфой звучною полетишь сопровождая?
Не съ миромъ ли лешишь съ высотъ къ
землѣ грѣховной?

Не время ль возвѣстить пришествіе Гос-
подне?

Ахъ, мой Небесный братъ! Не можешь ли
помедлишь,

И пайну мнѣ открьешь посольства твоего?
Я пламенно хочу внимать священной вѣсти.

ШИРІАГЪ.

Не хочетъ мира міръ! Но самъ Отецъ
существъ

Съ собою принесетъ миръ вѣчный въ долъ
плачевный. —

---

* Элнашанъ, значишь — Богъ даль.
Ширіагъ — Богъ пѣснь моя.

Сопутствуй нынѣ мнѣ! Егова по велишѣ; —
Мы на крылахъ лучей въ Гелвецію слепимъ,
И шамъ къ единому подвижнику предспа-
немъ,

Крошчайшему изъ всѣхъ, спрадальцу изъ
спрадальцевъ;

Нѣтъ ни единого толь твердаго, какъ онъ,
Изъ всѣхъ Свидѣтелей и истины и правды. —
Не зря еще судебъ, съ единой нитью въры,
Онъ шествовалъ впередъ по лабиринту
жизни

Межъ страшныхъ пропастей, сквозь мрач-
ную стезю;

Всѣ шествовалъ впередъ и все шелъ не
одинъ,

Но тысячамъ другихъ онъ пролагалъ пути.
Тьмы слѣдуютъ за нимъ, симъ Чпшелемъ
Христовымъ,

Подъ знамена его въ опчешвенный градъ.
Любитель пламенный, какъ Симонъ былъ
Іонинъ,

Пріять смерть за Христа и за свою оп-
чизну —

То было мыслію его всегда безцѣнной! . .
И се за обоихъ — о мой любезный братъ! —
Онъ жизнь кончаетъ днесъ, — Лафашеръ
умираетъ

Отъ ранъ за Опчешво величешвенной
смертью! —

Безъ видовъ суешныхъ сражался онъ за въру,
И въ тѣлѣ немошномъ хранилъ духъ твер-
дый, мошный.

Пашнапцашъ крашъ луна въ лицѣ перемѣ-
нялась,

Смотря на поприще Лафатера геройско,
 И полъ ужаснаго позора не сперня,
 Сокрылась въ облака, склонилася за Юру:
 Но онъ, недвижимый, какъ твердая гора,
 Что волны бурныя пучины презираетъ,
 И слухъ и алчный взоръ къ Востоку обра-
 щаетъ:

Не всходитъ ли Заря? Не слышанъ ли гласъ
 трубный?

Пришествія Христа ждетъ чувственнаго
 знака,

Чтобы узрѣть и здѣсь Его пресвѣтлый
 ликъ,

И изпроситъ сихъ словъ единыхъ: миръ
 съ обою!

Какое существо еще Иисуса любитъ,
 Колико возлюбилъ его Лафатеръ крот-
 кій? . . .

Но гласа нѣтъ трубы, и нѣтъ Зари съ
 Воспока;

Все въ прежнемъ образѣ, все покровенно
 ночью,

И порицателей угрозы дерзновенны
 Готовы сокрушить корабль смиренный
 вѣры

О спропошны скалы, таящисъ подъ вол-
 нами.

Но онъ, какъ камень твердъ, незыблемъ
 среди бурь

Съ надеждой вѣруетъ и вѣрою живетъ;
 Живетъ во времени, какъ жилъ его Спа-
 ситель,

И хочетъ самъ во всѣхъ иныхъ мірахъ
 искать

Убийцу своего, чтобъ возгласить ему:
Благословлю тебя за данную мнѣ
рану! *

Надежда, вѣра, скорбь мнѣ были въ
поученье!

Въ смиреньи первымъ бывъ, во гнѣвѣ бывъ
последнимъ,

Какъ кропкій агнецъ, онъ, влекомый на
закланье,

Готовъ упасть къ ногамъ своихъ сочело-
вѣковъ

И руки cadaго смиренно лобызать. —
Въ немъ духъ на вышю непрерывно
рѣшетъ,

И съ тщаньемъ сѣмена неощенны сѣетъ
Для чшителей Христа и будущихъ вѣковъ.
Онъ праздною ни одной минуты не имѣетъ,
Труждаясь день и ночь во славу Іисуса,
И обращая взоръ и слухъ свой въ вѣчный
мракъ. —

Хоть взоръ его во тьмѣ не зрѣтъ луча
Мессіи,

Хоть слухъ его еще трубы не слышитъ
звучной:

Но онъ надѣется и вѣритъ твердо, вѣрно.
Присупимъ, Эльнапанъ, освободишь его:
Сраженъе кончилось, и онъ спяжалъ вѣ-
нецъ.

ЭЛЬНАТАНЪ.

О братъ мой Ширіагъ! И кто не вос-
хищися

---

* Собственныя слова кропкаго Лафашера.

Внимая сладостной швоей священной вѣ-
спи!

Вы, Силы горнія! благодарите Бога
За укрѣпленіе подвижника сего!

Возпойте пѣснь хвалы, прославьте Іисуса!
Сей рабъ его свершилъ все поприще искуса.
Но се вдали я зрю, Святилища во мракъ,
Великій Промысла чертежъ на дскѣ злапой!
Воззри, небесный братъ, съ какимъ долго-
терпѣньемъ

Со Христіанами Всевышній поступалъ!

И сколько времени онъ дѣйствовалъ лю-
бовью,

Пощадой, казнію, для исправленья ихъ! —
Все было тщетно: — Ахъ! повсюду изувѣр-
ство

И отступленіе едино свирѣбуетъ.

Возспали на Христа! — И кто же? Хри-
стіане!

Возненавидѣли превѣчную Любовь! —

Отъ міробытія еще ни одного

Межъ смертныхъ не было поль спрашнаго
просупка,

И не было еще поль грознаго суда,

Какой готовился невѣрнымъ Христіанамъ.

Сей судъ таится въ тьмѣ, не явенъ не-
чеспивымъ:

Но яко таи въ ноци приидетъ и погубитъ.

И самая сія безмолвна сокровенность

Есть благость Господа для Христіанъ
прямыхъ;

Она искуса дни и скорби сокращаетъ,

Она пришествіе Мессіи ускоритъ,

И къ бдѣнью и мольбѣ зоветъ усердной ихъ.
 Когда бѣ Спаситель душъ, Избраннымъ въ
 подкрѣпленье,

Далъ знаменія вновь, явилъ бы чудеса:
 Невѣрный и тогда не больше бы повѣрилъ.
 Кто вѣритъ истинно, не ищетъ искушашъ;
 И вѣра къ первому готовитъ воскресенью.
 Лафатеръ въ томъ примѣръ! Се онъ воз-
 шелъ на верхъ

Страданій, горестей и искушенья вѣры. —
 Зри братъ! — Се онъ возскъ на самую
 вершину,

И близокъ къ цѣли спалъ, какъ истины
 Свидѣтель. *

Онъ самъ во дни сіи и знаменье и чудо!

ШИРІАГЪ.

Небесный братъ мой! — Ты ликуешь въ
 торжествѣ,

Какъ бы предчувствуя блаженство всѣхъ
 міровъ.

---

* Полагая Лафатера въ числѣ вѣнчан-
 ныхъ кровію Свидѣтелей истины,
 Авторъ замѣчаетъ, что онъ дѣйстви-
 тельно умеръ отъ несносной боли, копо-
 рою спрадалъ 15 мѣсяцовъ. — Онъ полу-
 чилъ рану отъ одного солдата, не въ
 сраженіи и не по какой либо ссорѣ, безъ
 всякаго повода, по одной Богу извѣстной
 причинѣ. — Всю Исторію свою расска-
 зываетъ онъ самъ въ письмахъ своихъ
 къ друзьямъ своимъ: прочтите тамъ, и
 размыслише.

ЭЛЬНАТАНЪ.

Войспину я ихъ предчувствую, мой
братъ! —

О! коль Господь нашъ благъ! — Блаженъ
грѣховный міръ,
Коль вновь изкупится, и змій злой по-
пранъ будетъ!

Но посмотри, кто тамъ съ холмовъ сле-
паешъ вѣчныхъ

И быспро къ намъ лепитъ? — Возлюблен-
ный Эльдадъ!

Онъ приближается съ торжественнѣй-
шимъ видомъ,

Въ очахъ его блещитъ и радость и бла-
женство:

Благословенъ грядый, Эльдадъ, любимецъ
Бога!

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭЛЬНАТАНЪ, ШИРІАГЪ, ЭЛЬДАДЪ *
и ЭЛЬГАМАРЪ. **

ЭЛЬДАДЪ.

Благословенны вы, Салимскіе граждане!
Я посланъ въ помощь къ вамъ принять
спрадальца душу,
И вотъ что моего веселія виной.

* Эльдадъ — Боголюбецъ.

** Эльгамаръ — Богъ совершилъ.

О! коль великая его обѣиметъ радость,
 Когда онъ, свергнувши плѣсныя оковы,
 Неизреченнаго лицемъ къ лицу увидитъ! —
 Онъ въ первый узритъ разъ лицемъ къ ли-
 цу того;

Чей образъ столь давно сквозь плѣнь пред-
 ощущалъ;

Давно изслѣдовалъ всѣ формы красоты,
 Но ни одной ему подобной не нашелъ. —
 И такъ увидитъ онъ въ достоинствѣ не-
 бесномъ

Первоначальнѣйшій земнорожденныхъ об-
 разъ.

Узрѣтъ лице его — есть ангельская радость.
 Се Эльгамаръ лешишь! — Сей Ангелъ жа-
 швы, смерти.

Не видите ли вы, коль быспро, но спокойно
 Съ косою смерти онъ на облакъ паритъ,
 Чтوبъ положишь конецъ Лафатера спра-
 данью?

ЭЛЬГАМАРЪ.

Миръ, братья, вамъ! И я, и я вашъ так-
 же спутникъ;

Се торжество, какихъ и мы немного зрѣли
 Съ плѣхъ знаменитыхъ дней, какъ нашъ
 Господь вознесся!

Немногіе изъ плѣхъ, кого освобождалъ
 Отъ брани съ плотью я, Лафатеру по-
 добны. —

Всевышній самъ мнѣ рекъ съ престола
 своего:

„Гряди, о Эльгамаръ, въ юдолю земную нынѣ,
 „Освободи отъ узъ изкупленную душу!

Онъ рекъ, — и я тогда возкликнулъ тор-
жесшвуя . . .

Возсядемъ, брашїя, на облако сіе,
И о десну страну отъ солнцева пущи
На крыліяхъ Зари сойдемъ въ юдоль грѣ-
ховну!

ЭЛЬНАТАНЪ.

Какъ темно шамо все — въ изкупленной
землѣ! —

Какое смрадное зловоніе возходитъ
Отъ сихъ плешворныхъ безднѣ! — Поми-
луй человѣковъ
Изкупленныхъ побой, Помиловашель всѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ЭЛЬНАТАНЪ, ШИРІАГЪ, ЭЛЬДАДЪ,
ЭЛЬГАМАРЪ и ЛАФАТЕРЪ

На смертномъ одрѣ.

ШИРІАГЪ.

И радость райскаго блаженства паче мѣры
При зрѣлищѣ такомъ удобна возмущиться.

ЭЛЬНАТАНЪ.

Умолкни, и шеперь на арфѣ ты своей,
О мой возлюбленный! Не возглашай поль
громко;

Угодно Промыслу, чѣмъ ни малѣйшій гласъ
Не прерывалъ его занятій чистой вѣры.

ЭЛЬДАДЪ.

Скончай, о Эльгамаръ, свой трудъ! Я со-
драгаюсь . . .

ЭЛЬГАМАРЪ.

машетъ косою.

Да обратятся въ прахъ сего спрадаль-
ца узы!

Пари на небеса, увѣнчанный Герой!

ЛАФАТЕРЪ.

Творецъ! Отецъ! Господь! О ты, Спаси-
тель мой!

Се умираю я: прими мой бѣдный духъ! *

ЭЛЬГАМАРЪ.

Братъ Ширіагъ! греми на струнахъ арфы
звучной,

Да въ бодрости душа, болѣзнью упомленна,
Опъ сна глубокаго возпрянетъ возкры-
ленна.

ШИРІАГЪ.

играетъ и поетъ.

Возстань, душа, возснани!

Сбрось скорбный швой яремъ!

Изыди съ поля брани!

Возникни въ швой Эдемъ!

Вѣнцы гошovy вѣрѣ,

Се гласъ услышанъ швой:

Ты узришь въ полной мѣрѣ,

Кшо примиренъ съ тобой!

---

* Сіи были дѣйствительно слова его при
смерти.

ЛАФАТЕРЪ.

Мой Богъ! — Хвала тебѣ! Гдѣ я? И что
я нынѣ?

Иисусе мой! — Кпо вы, стоящи предо
мною? —

Не всѣ ли небеса, всесильный Отче мой,
Склонилъ на землю Ты, благоволя о людяхъ?

ШИРИАГЪ.

Благословенъ грядый! блаженствуй, братъ
небесный,

Салимскій гражданинъ! Мы прибыли къ
тебѣ

Принять тебя въ швое отечество во славѣ.

ЛАФАТЕРЪ.

Иисусе Господи! Услышалъ ты мой вопль!
Сверши желаніе: Ты вѣдаешь его.

ЭЛЬДАДЪ.

Благословеніе тебѣ дается отъ престола:
Всевышній и сіе желаніе услышалъ. —

ЛАФАТЕРЪ.

Я солнцемъ спалъ! — Блещу! — О братія
небесны!

Никпо изъ смертныхъ насъ премѣны сей
не чаешь!

Возлюбленные! — Ахъ! — Не осѣните ль
міромъ

И всѣхъ дражайшихъ мнѣ, оставленныхъ
мною долу? —

ЭЛЬГАМАРЪ.

Помедли, и тебя скрижали Провидѣнья
 Научашъ тайнамъ всѣмъ: тогда во совер-
 шенствѣ

Познаешь своего величіе блаженства.

ШИРІАГЪ.

Лафатеръ! Иль меня не узнаешь ты нынѣ?
 Не узнаешь ли ты, преславный Лицевѣдецъ?

ЛАФАТЕРЪ.

Ты, Феликсъ Гессъ! — О Боже! *

ЭЛЬДАДЪ.

Другъ Лафатеръ!

О Пфеннингеръ! ** мой другъ! Отъ ра-
 доси такой

Мнѣ словъ не достаешь, — мои уста нѣ-
 мбуютъ!

* Феликсъ Гессъ былъ Цирихскій
 Богословъ, умершій въ цвѣтѣ лѣтъ
 своихъ, съ которымъ Лафатеръ имѣлъ
 тѣсную дружбу, и о которомъ много
 прекраснаго и поучительнаго найдемъ
 мы въ Лафатеровомъ журналѣ.

** Пфеннингеръ извѣстенъ по многимъ
 превосходнымъ Хрисціанскимъ сочинені-
 ямъ, [каковы: Хрисціанскій мага-
 зинъ, Вѣспникъ Церкви, Фамилія
 Оберау, и проч.] былъ рѣдкій человекъ,
 другъ Лафатера, и также какъ онъ, Па-
 сторъ въ Цирихѣ. Онъ умеръ задолго
 прежде Лафатера.

ЭЛЬНАТАНЪ.

Израилямъ * тебя языкъ небесъ нарекъ,
Ты блещешь радостью, какой никто не
зрѣлъ;

Ты празднуешь, паришь, возносишься, низ-
ходишь

И возлещаешь вновь, ликуя, торжествуя,
Какъ горній, пламенный, крылатый Сера-
фимъ,

Что вѣки проводилъ въ странахъ блажен-
ныхъ сихъ.

Израиль новый! Зри! — Побѣдна колесница
Спускается сюда съ высотъ отъ Ориона!
Благослови теперь долину брани, землю,
Благослови швой домъ и всѣхъ тебѣ лю-
безныхъ!

Не вдолгъ ты опять сойдешь сюда отсюда,
Престола всѣхъ Царя предстанешь и уви-
дишь.

ЛАФАТЕРЪ.

Благословенна будь, Гельвеція злосчастна!
Тебя несчастье и люта скорбь шѣснишь.
Всемощный Егова! Будь милосливъ Ты
къ ней,

Съ побѣдой изведи изъ брани ратоборцевъ!
Побѣда есть Твоя! Терпѣнье вѣры мощно!
Сему наславъ ее, Божественный Спра-
далецъ!

Христе! благослови, спаси и укрѣпи

---

* Израиль — ратоборецъ Божій.

Возлюбленныхъ моихъ, супругу, чадъ, друзей!
Излей на ихъ главы духъ мира и опрады,
И вѣчный водвори покой въ сердцахъ всѣхъ
тѣхъ,

Которые о мнѣ лютѣ слезы сожалѣнья!
А ты — спрана судебъ, и кляпвы, и по-
щады!

Зракъ Творческихъ чудесъ и милостей Гос-
поднихъ!

Блуждающая, кружась въ парахъ плетвор-
ныхъ бездны! —

Се день томъ настаетъ, когда Заря ба-
тряна

Съ небеснымъ воинствомъ на облакахъ
явитъ

Попрашеля змія съ побѣдой и во славѣ:
Тогда плетворное дыханіе исчезнетъ;
Ты вступишь, попечешь, въ эфиръ без-
мяшежномъ

Какъ полная луна въ часы спокойны Майски,
Срѣпаема звѣздой воспочною съ весельемъ.
О вы, Искупленны, разсѣянны во тьмѣ!
Сражайтесь съ вѣрою, и вѣруйте съ на-
деждой,

И побѣждайте все единою любовью!
Благословенье вамъ! я возношусь, про-
щайте!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Всѣ прежніе, Хоры Ангеловъ,
СТЕФАНЪ * и наконецъ ГОСПОДЬ.

ШИРИАГЪ.

Се колесница здѣсь побѣдная несется!
Вносьсь горѣ на ней къ врагамъ Салима
вѣчнымъ!

Се горній Серафимъ несетъ вѣнцы побѣды!
Прими вѣшвъ пальмову! Мы всѣ во славу
купно

Сопутствуемъ тебѣ къ пресполю Еговы.

ЭЛЬДАДЪ.

Се мы возносимся полетомъ быстрыхъ
молній!

Вдали съ святой Горы блискаетъ утро
вѣчно:

Братъ! Видишь ли врага жемчужныя Са-
лима?

ЛАФАТЕРЪ.

Наспавъше вы меня небесному языку,
Чтобъ славословишь могъ Творца чудесъ
сихъ дивныхъ,
Да въ вѣчной радости благодарю Его!

---

* Стефанъ — Вѣнецъ побѣды. Первый
вѣнчанный кровію Свидѣтель истины
Иисусовой.

Коль въ плоти былъ бы я: то существо мое
Не въ силахъ бы снести всю полношу бла-
женства. —

Небесны брація! наставьте, научите
Новорожденного младенца жизни сей,
Чтобъ могъ жизнь новую познать суще-
ствъ небесныхъ.

О Боже! въ радости безмѣрной я теряюсь.

ЭЛЬНАТАНЪ.

Зри, Ширіагъ! — Грядущъ Салимски паль-
моносцы

Со арфами въ рукахъ, съ весельемъ пѣс-
нословящъ,

Се ликъ пѣмочисленный, необозримый кругъ
Составили вокругъ свѣщающей колесницы!

ШИРІАГЪ.

Салимски жишели! — Побѣда! Ликов-
ствуйте!

Егова побѣдилъ! Хвала ему во вѣкъ!

ХОРЪ.

Чессть, поклоненіе, и слава и держава
Іѣсусу Господу единому во вѣкъ!

ШИРІАГЪ.

Салимски жишели! Поздравьте нынѣ брата:
Се изъ Гельвеціи пришедшій рапоборецъ!

ХОРЪ.

Благословенъ во вѣкъ возлюбленный нашъ
Братъ!

Мы зрѣли радостно твой славный подвигъ
вѣры,
Всю скорбь, терпѣніе, любовь твою къ
Иисусу —
И утѣшались твоимъ горящимъ рвеніемъ
Твоимъ, — пролившей кровь Свидѣтели
Иисусовъ!
Мы вѣдаемъ давно то пламенно желанье,
Которымъ ты пылалъ, чтобы узрѣть
Христа:
И се, ликуй нашъ братъ! — ты узришь
образъ сей,
Сей образъ красоты, превѣчную Любовь,
Во человѣческомъ составѣ воплощенну,
И радости твоей не будешь мѣры днесъ.

ЛАФАТЕРЪ.

Я грѣшникъ, — я ничто, — о Гражданинъ
Салима!
Я недостойный прахъ опшираюсь отъ ва-
шихъ ногъ:
Содѣлайте меня единымъ отъ наемникъ,
Поспавьте на злыхъ Салима спогнахъ
спражемъ,
Или приврапникомъ жемчужныхъ град-
скихъ врапъ:
Я мѣры и тогда блаженству не найду.

ЭЛЬДАДЪ.

Внемлите: се труба!

ЭЛЬНАТАНЪ.

Се нашъ хвалебный гласъ

Съ Сіонской высоты гремитъ по безднѣ
вѣчной —

Се празднуютъ міры небесны день побѣды!
Стефанъ — Свидѣтель сей первовѣчан-
ный кровью

Съ восторгомъ на верьху Ерусалимскихъ
врагъ

Ждетъ брата новаго представитъ ко
престолу:

Труба лишь для такихъ Свидѣтелей зву-
читъ.

ЛАФАТЕРЪ.

Небесны брашя! просите силы мнѣ:
Изнемогаю я отъ чувствъ благоговѣйныхъ,
Священный страхъ мое все существо
проникъ.

ЭЛЬДАДЪ.

Зри тьмы ликующихъ на златовидныхъ
спогнахъ

И празднующихъ днесъ Лафатера побѣду! —

ЛАФАТЕРЪ.

Побѣду Онъ свершилъ! — Гдѣ силы пварь
взять можешь?

ХОРЪ.

Воистину Господь единый побѣждаетъ,
Ему единому хвала и честь и слава!

Его же мышцею и въ персти ратникъ
могучъ: —

Хвала Ему! — блаженъ ты, — Побѣдитель
перспный!
Ты побѣдилъ чрезъ скорбь, терпѣніе, и
дежду,
Чрезъ вѣру, чрезъ любовь, страданіе
смерть:
Ликуйте небеса, и слава въ вышнихъ
Богу!

ЭЛЬНАТАНЪ.

Зри! — Се на облакъ огнистомъ, злато-
зарномъ
Съ Сіонской высоты низходитъ къ намъ
Стефанъ!
Мужайся, вѣрный братъ, и укрѣпися въ
силахъ!
Наспалъ твой часъ узрѣть сѣдящаго въ
Сіонѣ!

СТЕФАНЪ.

Благословенъ грядый, преславный Побѣ-
дитель!
Дай намъ обнять тебя, облобызашъ какъ
брата!
Гряди, любезный братъ, со мной къ Горѣ
святой!
И зри, коль есть блаженъ довѣрившій
Любви!
Дни брани скорбныя, дни мрака темной
вѣры
Что значашъ нынѣ всѣ? Не сонъ ли то
одинъ,
Отъ коего встаемъ съ весельемъ беско-
нечнымъ?

Гряди, любезный братъ, къ давно желан-
ной цѣли —
Непоспѣжимаго зрѣнь въ славѣ Са-
мага! —

ЛАФАТЕРЪ.

Всѣ подвиги мои и всѣ мои спраданья
Ничто — Они ничто. Но радость, — Боже
дивный! —

Она превыше мѣръ! — Я недостойнъ оной!
Какъ можно мнѣ обнять безмѣрность, море
жизни?

Способна ль горлица изпить весь океанъ?
Младенецъ можетъ ли измѣрить мысль
премудрыхъ?

Я чувствую въ себѣ, вліяньемъ вышней
силы,

Коль близки мы уже къ священному пре-
столу;

Я съ большимъ мужествомъ и твердостью
могу

Сносиши полное блистаніе блаженства; —
Могу я обымать міры несчетны мыслью;
Мой разумъ озаренъ, и духъ мой разши-
рился;

Въ одно мгновеніе объемлю высоту,
Объемлю глубину, объемлю широту; —
Пью изъ Источника безсмертной жизни
воду;

Все существо мое въ чинъ ангельскій ра-
стеть,

СТЕФАНЪ.

Любезный братъ! — Пари въ семь облакъ
къ Сіону! —

Ты зришь ли славы блескъ, горящей предъ
пресполомъ?

Ты зришь ли свѣтлый тронъ Владык
всѣхъ міровъ? —

Ты зришь ли бытія всего Источникъ первый
Покоище Христа и Богочеловѣка? —

ЛАФАТЕРЪ.

Христе! Ты всѣхъ живощъ! Господь и Богъ
мой Ты!

ГОСПОДЬ.

Гряди, любимецъ мой, въ объятія любви!

ПОГРѢШНОСТИ.

Налетатано :

Читай :

Спр. Спрок.

21.	-	23.	не обязаное	-	-	не обязанное
49.	-	—	прозведеніями	-	-	произведені- ями
64.	-	7.	испоч	-	-	испоч-
		8.	инкѢ	-	-	никѢ
90.	-	12-13.	закрышо	-	-	закрышы
109.	-	9-10.	до смершинаблю- дашь	-	-	до смерти наблюдашь
114.	-	22.	привесшьего	-	-	привесшь его
120.	-	13.	мирѢ	-	-	мірѢ
127.	-	6.	ТАВРИМОНѢ	-	-	СЕЛУНИИЛѢ
131.	-	8.	сынѢ	-	-	санѢ
135.	-	19.	Сіи первую	-	-	Сію первую
164.	-	16.	она	-	-	они
182.	-	11.	мірѢ	-	-	мирѢ
189.	-	14.	мірѢ	-	-	мирѢ
210.	-	24.	ближенныхѢ.	-	-	блаженныхѢ.
225.	-	23.	пягашьсяо немѢ	-	-	пягашься о немѢ
226.	-	17.	Эшо	-	-	Эшо
